

история/география/этнография

Ольга Семенова-
Тян-Шанская

Ж

ИЗНЬ
«Ивана»

Ломоносовъ
издательство

Ольга Семенова-Тян-Шанская

Жизнь

«Ивана»

Очерки из быта крестьян
одной из черноземных
губерний

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2010

УДК 39
ББК 63.5(2)
С30

Иллюстрации И. Тибиловой

Из этой книги читатель узнает об исчезнувшей стране и исчезнувшем народе, который, подобно мифическим атлантам, в краткий — с точки зрения мировой истории — миг исчез, словно и не существовал никогда.

Эта страна — крестьянская Россия. Революционная пучина поглотила ее почти без следа — маленькие сохранившиеся над океанской гладью островки не в счет.

Населявший ее народ, как и всякий народ на земле, был уникален. Его традиции и обычаи формировались веками и, казалось, укоренены столь глубоко, что выкорчевать их невозможно. Но так только казалось — большевистский эксперимент, поставленный над крестьянством, за несколько десятилетий разрушил самобытную культуру русской деревни.

Она была ни хороша, ни плоха — культура не может быть хорошей или плохой, — но другой такой не было. И вероятно, уже не будет.

Насилие, совершенное над культурой в прошлом, жестоко отозвалось в будущем. Современный житель русской деревни, за малым исключением, — это Иван, не помнящий родства. Он плохо знает свои корни, поверхностно знаком с бытом своих предков, порой не понимает и оттого весьма вольно трактует сохранившиеся обычаи. Всего этого уже не вернуть, прерванную связь времен в естественном ее виде восстановить вряд ли возможно.

Но вот знать, как жили предки, о чем думали, к чему стремились, современному человеку необходимо — хотя бы для того, чтобы в наш век формальной религиозности обрести понимание смысла собственного существования, которое ко многим приходит через осознание своего места в череде поколений.

Не исключено, что это же стало одним из побудительных мотивов возникновения в России во второй половине XIX века народоведения — научной дисциплины, изучающей этнографию собственного народа. Одной из ярчайших представительниц народоведения стала Ольга Петровна Семенова-Тян-Шанская — дочь знаменитого путешественника. Для того чтобы проводить научные исследования, ей незачем было отправляться в далекие экспедиции — объекты ее наблюдений жили рядом, а многие из них служили в отцовском имении, где она провела большую часть отпущенных ей лет.

Сейчас невозможно сказать, когда, почему и как возник у нее грандиозный замысел показать жизнь русского крестьянина во всем ее многообразии, со всеми подробностями, ничего не скрывая, ничего не приукрашивая, — словом, такой, какая она есть на самом деле. Но факт остается фактом — О. П. Семенова-Тян-Шанская принялась записывать все, что так или иначе могло иметь отношение к крестьянскому быту, и собрала громадный массив сведений. Сейчас, через сто с лишним лет после того, как она приступила к работе над своей книгой, — это ценнейший источник о жизненном укладе русского крестьянства, одинаково интересный и специалистам, и простым читателям.

Из книги мы узнаём, что крестьянин среднего достатка владел немалым хозяйством, в котором имелись три лошади, пятнадцать овец и прочая скотина; узнаём, что сколько стоило — начиная от постройки каменного дома и заканчивая сечкой для капусты; каков был бюджет семьи и что, оказывается, между мужем и женой существовало разделение имущества; как сватались и почему, вопреки сложившемуся у нас мнению о целомудрии дореволюционной деревни, часто сожительствовали до брака; в каком возрасте женились и выходили замуж, какое приданое давали за невестой; как часто муж бил жену и за что; как вынашивали, рожали и воспитывали детей; что ели и пили, во что одевались; чем болели и как лечились;

как работали и веселились; сколько стоила та или иная работа и какие существовали подсобные промыслы; какие платили подати и как переживали колебания цен... И многое, многое другое.

К сожалению, болезнь помешала О. П. Семеновой-Тян-Шанской закончить свой труд, но и того, что сделано, достаточно, чтобы мы с благодарностью вспоминали ее имя.

Умерла Ольга Петровна в 1906 году, в возрасте 43 лет. Спустя восемь лет после ее смерти в очередном томе «Записок Императорского Русского географического общества по отделению этнографии» была издана «Жизнь „Ивана“», подготовленная ее коллегами на основании оставшихся тетрадей и записных книжек. Причем в том вошли законченные главы, наброски к ненаписанным главам и планы, которым так и не дано было осуществиться, — как единый текст, без четкого разделения.

С годом выхода из печати «Жизни „Ивана“» не повезло. Вскоре разразилась Первая мировая война, и книга мало кем, кроме специалистов, была замечена, а после революции 1917 года о О. П. Семеновой-Тян-Шанской и ее труде надолго забыли. Лишь спустя восемьдесят один год после первого выхода в свет «Жизнь „Ивана“» была переиздана репринтным способом в Рязани, неподалеку от которой и расположена Гремячка — село, ставшее основным объектом исследования Ольги Петровны.

В настоящем издании исправлены некоторые недочеты издания 1914 года. В частности, текст книги разделен на две части: в первую вошло описание жизни собирательного персонажа Ивана, во вторую — наброски, посвященные крестьянскому быту. При этом полностью сохранена прежняя последовательность текста, а также вступительная статья к изданию 1914 года. Все планы к написанным и ненаписанным главам помещены в приложении под заголовком «Программа сообщения сведений о быте крестьян», данном самой О. П. Семеновой-Тян-Шанской.

Вчитаемся в эту книгу, взглянемся в нее, как в зеркало из далекого прошлого. И кто-то, возможно, увидит в своем отражении новые черты и удивится тому, что не замечал их раньше.

D. C. C. C. C. C.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.

Томъ XXXIX,
изданный подъ редакціей В. П. Шнейдеръ.

Жизнь „Ивана“

Очерки изъ быта крестьянъ
одной изъ черноземныхъ губерній.

О. П. Семеновой-Тянь-Шанской.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1914.

Быть может, когда-нибудь впоследствии, пройдя случайно через чье-нибудь яркое сознание, — мои бледные образы вспыхнут и оживут хоть на мгновение? Ради этого «быть может», ради небольшой отсрочки забвения и непроглядной тени — решаюсь взяться за перо...

Из записной книжки О. П. Семеновой

Когда человек в сорок лет умирает и перед оставшимися сверстниками и друзьями его жизнь видна, как долина с горы, то невольно думается, стоило ли жить? «Вкушая, вкуших мало меду и се аз умираю»**... Каждое желание, каждое слово ушедшего хочется исполнить, выполнить завет — хоть немного отсрочить забвение и непроглядную тень, грозящую рано или поздно всякому смертному.

Ольга Петровна Семенова родилась 28 мая 1863 года. Обычно лето жила в имении своего отца Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского в Гремячке, Данковского

* Вступительная статья к изданию 1914 г. — *Здесь и далее примечания редактора настоящего издания. Примечания автора и примечания к изданию 1914 г. оговорены особо.*

** 1-я книга Царств, 14, 43.

уезда, Рязанской губернии. Впоследствии она проводила в деревне большую часть года, приезжая в Петербург на три-четыре зимних месяца. Такое длительное пребывание в тесном общении с народом дало Ольге Петровне при ее наблюдательности и художественной восприимчивости богатый материал, использованный ею и для этнографических статей, и для художественных набросков, которые нельзя иначе назвать, как стихотворениями в прозе.

После смерти Ольги Петровны Семеновой осталось много тетрадок, записных книжек, отдельных клочков бумаги, тщательно ею собранных и исписанных ее отчетливым, своеобразным почерком.

В данном томе «Записок И. Р. Г. О. по Отделению этнографии» издается материал для предполагавшейся большой работы — «Жизнь „Ивана“», в которой рисуется жизнь современного «Ивана»*, крестьянина одной из черноземных губерний. «Третий сын Иван родился через год или два после реформы» — этими словами начинается жизнеописание Ивана.

Ольга Петровна долго и тщательно собирала материал, и вот наконец началась сводка его, выводы и обобщения. При каждом пункте рамки расширялись, появлялись новые вопросы и т. д. Есть частые повторения, которые нами оставлены, потому что это скорее варианты, чем повторения, и иногда очень ценные... Много записано Ольгой Петровной наскоро, потому что возникающую мысль она не успевала облекать в подходящую форму, не отделано, но зато искренне, и чувство правды преобладает над внешней формой. Неожиданная

* Имя Иван употребляется в книге в двух контекстах: в качестве имени конкретного персонажа и как обозначение собирательного образа русского крестьянина. Во втором случае оно, по большей части, дается в кавычках, в соответствии с изданием 1914 г.

смерть унесла О. П., и все задуманное так и осталось незаконченным. Больная, в полубреду, Ольга Петровна повторяла слова: «Колокол отзвучал, звук рассеялся...»

Нет!.. Тысячу раз нет! Колокол отзвучал, но звук воспринят и продолжает жить. Сила мысли и духовной энергии, вложенная Ольгой Петровной в ее работу, не может исчезнуть и рассеяться, она найдет воплощение в новых молодых силах; *«пройдя случайно через чье-нибудь яркое сознание»*, ее мысль вспыхнет и оживет.

Кроме материала к «Жизни „Ивана“», остались еще тетради со следующими заглавиями:

I) Воспоминания об умерших, о «милых тенях».

II) Автобиографические заметки, нечто вроде дневника.

III) Отдельные мысли, письма и т. п., имеющие общий интерес. Некоторые из этих заметок помещены в «Известиях» И. Р. Г. О. за 1907 г., т. XLIII (в нашей статье: «Памяти О. П. Семеновой»), а некоторые мы печатаем здесь вместо биографического очерка. Почему мы, ее друзья, не решаемся писать ее биографию, ясно будет уже из первого отрывка.

Давно уже меня тревожит желание передать другим свою частицу жизни. Желание это доходит иногда до красного каления, но, часто, часто, задумываешься над незначительностью, полной пустотой своего существования и останавливаешься. Что в том, что временами кажется, будто что-то горит внутри ярко и горячо? Ведь рядом с этим таким безотрадным, тяжелым камнем гнетут сознание долгие годы бесполезного существования. Правда, судьба трепала меня довольно беспощадно, но кому... самое беспощадное горе связывало

руки? А я только сидела и плакала, плакала всю лучшую пору своей жизни, изо дня в день притупляя в себе сознание, что жизнь не дается дважды, что праздные силы не крепнут и не молодеют с годами, что не остановить солнца, если к вечеру примешься за долгий труд...

Всё это относится к моему личному Я. Но жизнь сталкивала меня со многими людьми: многие из них уже ушли безвозвратно, — уйдут понемногу и другие... И вот — их-то милые тени хочется, хотя бы слабо, запечатлеть на бумаге. Быть может, когда-нибудь впоследствии, пройдя случайно через чье-нибудь яркое сознание, мои бледные образы вспыхнут и оживут хоть на мгновение?

Ради этого «быть может», ради небольшой отсрочки забвения и непроглядной тени — решаюсь взяться за перо.

..Помнится детское наше рассуждение: «Когда умрет бабушка, невозможно будет жить без нее, и мы лучше умрем». Кто мог внушить маленьким детям мысль о смерти — не знаю; мы никогда ее не видали, но иногда, глядя на бабушку, живо представлялось, что ее не будет, что мы более никогда ее не увидим, не услышим, и сердце разрывалось от боли при этом представлении. А иногда увидишь, что она задумалась, и вдруг мелькнет мысль, что и у нее в голове страшная разлука, с тоской бросаешься к ней: «Почему ты такая скучная, бабушка? Бабушка, не будь такая!» И когда она, бывало, улыбнувшись, скажет: «Что за глупости», тревожно смотришь ей в глаза, не доверяя ей, подозревая, что она «успокаивает» нас только...

Долго, долго не можешь оторвать глаз от вновь склонившейся над книжкой седой головы и так страстно, страстно желаешь удержать ее, не дать ей уйти.

Сказать несколько слов о своих мечтах? Это легко, но еще легче показаться смешной. Ведь мечты мои до глупости заносчивы. Когда подумаешь, что в сравнении с другими многими (о которых говорят, что они «подают надежды») я представляюсь тем же, чем вставший на ноги и в первый раз удержавшийся в вертикальном положении ребенок (вот какое поэтичное сравнение) представляется сравнительно с ходящими уже людьми. Хорошо еще, если будущее покажет, что имела *хоть какое-нибудь* право быть заносчивой, но если случится противное (а это так возможно), то как смешна и жалка буду я со своими мечтами! А мечтаю я вот о чем. Не над многими (увы, или слава Богу?), но над некоторыми, я знаю, как властна природа, и вот выразить хоть для этих немногих те чувства, которыми она (природа) охватывает человека, — моя мечта. Эти чувства не холодный восторг перед красотой, нет — это какая-то таинственная связь не с красотой (в общепринятом смысле) даже, а с чем-то вечным, стихийным и родным, связь, которая в иные минуты так властно дает о себе знать, что забываешь всё, делаешься не своим, так как от всего своего, чем в другое время живешь, не остается тогда и следа. Власть и силу эти, бесконечно разнообразные в своих проявлениях, и хотелось бы передать.

Глухой уголок сада, хмурое небо, очертания темных высоких лип, нависшая гряда облаков, изредка несколько теплых капель дождя или слабый порыв ветерка Бог знает откуда — вот и всё...

Всё: мощь, нас создающая и уничтожающая, сила родная и жуткая, перед которой обнажается всё, потому что перед ней мы такие же мертвецы, как всё, что жило века

тому назад, а то, что жило прежде, живо, как мы. (Свято-горова сила всё зажигающая, всё смиряющая и всё связующая).

Всё зажигающая, всё смиряющая, всё связующая сила...

При взгляде на здешнее ясное небо, такое горькое сожаление проснулось во мне о прошлом! Оно, это звездное небо, выманило меня в сад, в липовую аллею, и с полдороги я вернулась назад напуганная... мыслью, что встречу свой призрак, себя, какую я была так давно... Да, напуганная: нерадостно было бы увидеть лицом к лицу ту прежнюю девочку с доверчивым взглядом и радостной жадной жизни, ту девочку, которая давно уже скончалась. Тяжела была борьба со смертью, но конец всё-таки настал. Вспоминая эту покойницу, с трудом верится, что то была я...

А призрак мой должен бродить по этому саду, в этой аллее, где столько пережито, столько светлого счастья испытано, столько выплакано слез...

Сколько раз под этими самыми деревьями та прежняя «я» в облике пятнадцатилетней девочки, вырвавшейся «на волю», из городских стен, трепеща от чистого, полумистического счастья, вызванного в душе теплом и ароматом старого сада, невольно заражала своим счастьем окружающих милых людей. «Светленьким явлением» звал меня в те годы отец. Сознательной любви к людям, разумеется, не было, людское горе не всегда было понятно, но не больше ли давала другим та бессознательная, заразительная радость жизни, которой было переполнено всё существо, нежели самое сознательное стремление облегчить чужое горе, утешить, помочь... Разве можно, на самом деле, «утешить» человека, помочь настоящему горю?

...Зеленые, как изумруд, озими, бурые прозрачные роши, паутина на овсах и ржище, голубое небо — всё это так тихо, спокойно, и грустно, и бледно, что глаз отдыхает.

Так монотонно все — начиная с неба и кончая травой, сплошь засыпанной бледными одноцветными листьями. Но дышется хорошо: эти скучные, однообразные засыхающие листья так славно пахнут: березовые, осиновые, дубовые... все по-своему...

Опять это неуловимое «нечто», которого нет ни в одной картине (ни в одном «Тумане», «Золотой осени» или «Октябрьском дне») и что так ясно проступает даже в самом ровном побуревшем жнивье, в скучно потемневших, полуголеных рощах, так неживописно четко рисующихся на светлом небе...

Сегодня почему-то все вертелось в голове про то, как мы в детстве и молодости любили задавать друг другу вопросы: «Чего бы ты хотел в эту минуту?» — и вообще фантазировать на эту тему, высказывая самые неисполнимые и невероятные желания. И если бы тогда, в ряду этих желаний, кто-нибудь из нас высказал следующее: «Я желаю над собою в эту минуту неподкупного и нелицеприятного суда», — никто из нас не счел бы это желание невозможным и неисполнимым. Быть может, мы бы и не указали на того, кто мог совершить такой суд, но «где-нибудь, да нашелся бы такой человек» — так мы были убеждены, так верили. «Велик свет — много в нем людей всяких, всяких, среди них найду такого, который расскажет мне мою душу, такого, который своей лучшей, чем моя, — душой произнесет надо мною суд; внесет в мои потемки светильник, при котором можно будет жить».

Так думал каждый из нас...

Яркое солнце, просвечивая сквозь свежую, густую липовую листву, золотыми пятнами пестрит пол, печку и кровать. Просыпаешься, как от толчка, разбуженная мыслью, что вырвалась из города; полусонными глазами, щурясь от яркого света, выглядываешь в окошко: птицы щебечут — их радостным гамом полон весь свежий, зеленый сад; от теплой, напоенной вчерашней грозой земли так сладко пышет крапивой и кашкой; такое яркое небо переливается над замершими в его горячей синеве макушками лип и берез. В комнатке пахнет сосновым деревом: старый, знакомый запах, с которым связаны самые счастливые летние часы раннего детства, — и ярко ощущаешь все обаяние этого светлого настоящего, сплетенного так тесно с близким, счастливым детством. Неудержимый порыв радости охватывает сердце: все ведь налицо, что только ему нужно: и солнце, и то ласкающее тепло, которое оно узнало из сказок няни, которым полны все уголки старого сада...

..Говорят ведь, покойники всё, всё слышат, пока лежат на лавке — о, о как страшно! До тех пор слышат, покуда не бросит на них поп земли горсточку. Лежат они, сложивши рученьки, ничего не видят и шевельнуться не могут, а всё слышат они.

Только лишь когда бросит на них поп горсточку землицы, — тут уже всё для них скроется: ни ушками не прослышат, ни глазками не взглянут, ни рученьками не всплеснут...

Лежат они тихо-смирно в своих могилках, в дубовых гробах, в белых саванах. Только темной ночью гоняет их пономарь на водопой, как взойдет он на колокольню

да ударит в колокол*, так все они поднимаются из могил и — прямо к речке. Припадут они к студеной водиче и пьют досыта, до тех пор, пока первый кочет начнет полночь опевать. Тут уж они опять скорехонько в свои могилки убираются...

Задолго до дня смерти Ольга Петровна жила уже вне рамок и условностей земных, жила духом освобожденным. 12 ноября 1906 года душа порвала последние земные оковы, и она увидела тот свет и ту истину, которую всю жизнь искала.

* Около полночи пономарь или церковный сторож всегда «ударяет в колокол». — *Примечание автора.*

Часть
первая

Имущественное состояние Степана — отца Ивана, когда у него родился третий сын Иван

Степан мужик среднего достатка, родился во времена крепостного права. Третий сын его родился через год или два после реформы.

Три лошади (из них одна — стригун*), пятнадцать овец, одна корова и одна телка, свинья.

Изба деревянная в три окна, сенца, двор, амбарчик, рига.

Две телеги, две сохи, одна борона, две дуги, две сбри, две косы, два веретья**, сани, топор, две лопаты, два цепа, сечка для капусты, четыре чугуна, семь кадушек, два ведра, корец***, дойник, шесть глиняных горшков, четыре блюда, корыто, лампа, одна четвертная бутылка, мялка, две самопрядки, два гребня с донцами, два стана****, один стол, две лавки, конник, задник (всего четыре лавки),

* Стригун — годовалый жеребенок, которому обычно подстригают гриву.

** Веретье — грубая ткань, употребляемая при сушке хлеба, при перевозке в снопах легко осыпавшегося хлеба.

*** Корец — ковш для воды или кваса.

**** Стан — здесь: ткацкий станок.

лохань, ухват (рогач), валеk*, три сковороды, двое граблей, сито, два решета. Было убрано ржи восемнадцать копен с двух с половиной десятин земли, что равняется девяти четвертям, проса две четверти, картошки двенадцать четвертей, овса копен восемь.

Стоимость крестьянского имущества

Изба каменная	от 100 р. до 200 р.	Можно и в 40 руб. избу поставить, но будет уж очень плохая
Изба деревянная	от 50 р. до 120 р.	
Изба-мазанка	от 20 р. до 30 р.	
Амбарчик («хатка»)	от 15 р. до 30 р.	
Сенца рубленные	от 10 р. до 20 р.	
Двор	от 30 р. до 45 р.	
Рига	от 30 р. до 50 р.	
Телега	от 12 р. до 16 р.	обыкновенно 15 р.
Соха	до 5 р.	
Сбруя	от 7 р. 50 к. до 10 р.	
Борона	до 80 к.	
Цеп	до 15 к.	
Коса	до 1 р. 50 к.	
Топор	от 50 к. до 1 р.	
Сани	от 3 р. до 5 р.	
Дуга	от 1 р. до 2 р.	

* Валеk — массивный, изогнутый кверху деревянный брусok с короткой рукояткой; служил не только для обмолота льна, но и для выколачивания белья во время стирки и полоскания, а также для беления готового холста.

Грабли	от 15 к. до 20 к.	пара
Веретье	до 1 р. 50 к.	
Сечка для капусты	до 15 к.	
Скребка	до 40 к.	
Лопата	от 20 к. до 40 к.	
Ведро	до 50 к.	
Корец (ковшик)	до 15 к.	
Дойник глиняный	до 10 к.	
Горшки глиняные	от 10 к. до 20 к.	
Чугун	от 60 к. до 1 р.	
Блюдо глиняное	до 10 к.	
Кадушки	от 80 к. до 3 р.	
Корыто	от 50 к. до 90 к.	
Лампа	до 50 к.	
Четвертная бутылъ	до 20 к.	
Лоханъ деревянная	до 70 к.	
Мялка	до 1 р.	
Самопрялка	до 1 р. 10 к.	
Гребень с донцем	до 90 к.	
Стан с бердами, челноком и подножками	до 3 р. 55 к.	
Стол	до 3 р.	
Лавка	до 1 р.	
Рогач	до 25 к.	

Какое приданое взял Степан (отец Ивана)
за Акулиной

Прежде за невестой никогда не брали денег. Брали за нею ее одежду: холсты (от пяти до двадцати холстов по тридцать—тридцать пять аршинов каждый), две—

пять понев, четыре—шесть рубах, один или два ситцевых сарафана, постель (подушка из перьев, ватола, то есть одеяло), также разные предметы бабьего обихода — самопрялка, стан и т. д., хотя вообще на приданое смотрели мало, обращая главным образом внимание на физические свойства (здоровье) и способность к работе (уменье) будущей жены.

Жених давал невесте «поклажу». Рублей десять—пятнадцать денег, овчинную шубу, поддевку из крестьянского сукна, коты, валенки, пуда два—четыре муки, меру круп, одно-два ведра водки.

Теперь же за невестой берут деньги (рублей пять—десять), особенно если она отличается каким-нибудь недостатком: глуховата, или косая, или «стара», то есть

порядочно старше жениха, или есть про нее слухи, что «гуляла». Холстов в приданое у невесты уже не бывает («льны нынешние годы не родятся», да и невесты «не такие пряхи, как в старину»). Зато теперь обращают внимание на то, хорошо ли одета невеста, есть ли у нее шерстяные сарафаны, «шаль», «ботинки», поддевка из тонкого сукна и т. д. Рубах требуется столько же, сколько и прежде. Понев уже не носят, зато постель лучше прежней: две подушки, одна из перьев, другая «хлопчатая» (из ваты), два одеяла: ватола и стеганое ситцевое одеяло. «Поклажи» невесте дают все меньше и меньше. Иногда одну только шубу, а иногда только рублей семь денег — вот и все.

Из кого состояла семья Степана,
когда в нее вступила Акулина

Из свекра и свекрови, еще не старых по годам (сорока и сорока двух лет), деверя лет шестнадцати, тринадцатилетней золовки и еще мальчика двух лет (деверя).

Средний возраст выхода замуж и женитьбы
отцов и матерей «Иванов»

Лет двадцать—тридцать тому назад выходили замуж лет шестнадцати—девятнадцати, женились в восемнадцать—двадцать. В виде более или менее редких исключений испрашивали разрешения архиерея женить малого, не достигшего еще восемнадцатилетнего возраста. Гораздо реже выдавали девушек пятнадцати лет. Хотя и опасным считалось для девушки засидеться в девках до двадцати лет («обегать станут женихи»), на девушку все-таки смотрели в семье, как на рабочую силу, а следовательно, дорожили ею и не торопились сбыть с рук. Малого же потому торопились женить, что таким способом приобреталась для семьи лишняя рабочая сила. Вследствие всего этого браки между мужчинами восемнадцати лет и девушками восемнадцати—двадцати лет не редкость даже и до сих пор. Еще и теперь бывают случаи женитьбы семнадцатилетних парней. Всякая баба с нетерпением ждет возможности заполучить себе «перемену» в лице молодой невестки:

Уж я сына-то качаю —
Перемены себе чаю;
Уж я дочерю качаю —
Перепутья* себе чаю.

* Перепутье — дом, куда можно зайти в гости. — *Примечание автора.*

Лет пятнадцать—двадцать тому назад мужчина с усами и бородкой считался уже старым — «люди засмеют, ежели за старого замуж выйти». Разумеется, могли засмеять люди, ежели и на старой деве жениться. Девушки за двадцать лет нередко выходили за вдовых, хотя, в общем, считалось самым подходящим, чтобы вдовец женился на вдове. Такие свадьбы обыкновенно справлялись очень просто, почти без гулянья, и в шутку назывались «кукушечьими свадьбами» (вдова — горькая кукушка). «Взял себе вдовец-то наш хозяйку *к рабочей поре*».

Теперь выходят замуж лет шестнадцати—двадцати пяти, женятся же восемнадцати—двадцати семи. Реже выходят замуж девушки шестнадцати и двадцати трех—двадцати пяти лет. Мужчины очень часто стали жениться уже по отбытии воинской повинности.

Для вдовца также считается совсем «не зазорным» жениться на «девушке с прошлым», как бы мы сказали.

Насколько развиты физически будущие отцы и матери (женихи и невесты)

Часто весьма мало еще развиты. Есть даже примета, что «молодые с венца поднимаются», то есть растут после своего бракосочетания. Вследствие этого и первые дети рождаются слабыми (первые два-три ребенка) и обыкновенно не выживают. Это иногда происходит и от полного еще неумения молодой матери обращаться с маленьким ребенком. Молодые матери также очень часто «засыпают» детей, то есть придушивают их нечаянно во сне. Ребенка (до году) мать иногда ночью кладет между собою и мужем, «чтобы пососал», даст ему грудь, заснет, навалится на него и придушит. Добрая половина баб «заспала» в своей жизни хоть одного ребенка — чаще всего в молодости, когда спится крепко. За заспанного младенца священник накладывает «епитемью».

Как часто бил Степан Акулину,
как и за что

В трезвом виде бил редко, в пьяном часто и чем попало. Вообще замечено, что более всего бьют жен пьяницы: бьют либо за то, что жена скажет что-нибудь «поперек» (упрекнет, напр., в пьянстве: «опять нализался» или «нажрался кобель»); бьют из ревности. Бьют и палкой, и рогачом (ухват), и сапогами, и ведром, и чем попало — кулаками, пинком. Таскают за косы (через порог), так что голова только «ту-ту-ту».

По поводу битья: бьют не только жену, но иногда и старого отца. В одной деревне молодой парень убил своего отца оглоблей (так бил, что он умер от побоев). В селе

Мураевне* был один случай, что пьяница муж убил свою жену за «гульбу». Он замотал ее косы вокруг своей руки и бил головой о порог, о лавки и о стену до тех пор, пока она не впала в бессознательное состояние, в котором через день и умерла, не приходя в себя.

Если муж бьет жену и при этом ломает или испортит тот предмет из своего несложного инвентаря, которым чинил расправу, то ему, разумеется, гораздо более жалко этот предмет, чем избитую жену. Да и всякая баба гораздо больше будет сокрушаться о каком-нибудь сломанном рогаче, чем о своих помятых боках.

Муж молодой, убедившись, что «молодая» не целомудренна, в первую же брачную ночь жестоко ее иногда избивает, что служит прелюдией к дальнейшему битью (иногда в течение нескольких месяцев). Считают долгом бить свою жену, если она «принесет» чужого ребенка в отсутствие мужа (что чаще всего случается с солдатами). Если муж слабый или болезненный, неспособный к работе, то ему нередко достается от более сильной, чем он, супруги да еще с попреком: «Ты-то ничего небось не делаешь, задохлый, а я за тебя и ворочай».

Пьяный муж бьет иногда жену, если она откажется исполнить какое-нибудь его приказание (снять с него сапоги, уложить его спать). Достанется также ей, если она откажется лечь с ним спать и т. п. Словом, за всякое неисполнение мужниной воли. Я знала одного мужика, который любил, когда он бывал пьяный, так издеваться над женой: «Становись, жена, на колени, клади голову на порог, моя воля, захочу — убью тебя!» И баба должна была беспрекословно класть свою голову на порог, а он заносил над ней топор, причем маленькие дети его обыкновенно подымали плач и крик. Тогда он произносил: «Детей жалко, а то бы не быть тебе живой», — и отпускал

* Мураевня — село в полутора верстах от имения, в котором О. П. всегда жила. — *Примечание к изданию «Жизни „Ивана“» 1914 г.*

жену. Если она не слушалась его — бил ее жестоко (иногда вальком по голове). Это называется «мудровать над женой» или «над женой измываться».

Другой муж, когда бывал пьян, подпоив нескольких девушек, заставлял их петь плясовую под окном своей избы, а сам принуждал свою жену, под угрозой избить ее, плясать с ним вместе в избе.

Что делает женщина во время беременности

Все. И в доме справляет всю домашнюю работу, и в поле — вяжет, полет, молотит, берет конопли, сажает или копает картофель, вплоть до самых родов.

Иные женщины рожают, не домесив хлебов. Иные родят в поле, иные в тряской телеге (почувствовав приближение родов, иные бабы торопятся доехать домой). Иная баба при начавшихся родовых схватках бежит домой, «как овченка»: приляжет во время схваток на землю, а как боли отпустят, опять бежит, благим матом: «как овченка бежит, трясется».

Как относятся отец и мать к первому ребенку, к его появлению на свет. Как ко второму, третьему. Что говорят в семье об ожидаемом ребенке. Как выражают свою радость и неудовольствие мать, отец и семья

Первого еще ждут более или менее радостно. Иногда муж подшутит: «Ты *мне*, пожалуй, и сына родишь, хозяйка». — «Кого еще Бог даст, может, и дочерю догадаюсь *себе* родить» (дочь — помога матери, нянька детям). «Свекры» сообщают «соседям»: «А молодая-то наша затяжелела ведь» (довольным тоном). Рассуждают, кого позвать в кумовья. Отец, понятно, ждет сына. Даже поговорка есть: сын — батюшкин, дочь — мамушкина. Для матери более или менее безразлично, кто будет ее первенький. К дочери отец относится совершенно равнодушно. Такое же отношение, впрочем, проявляет и ко второму и третьему сыну. Матери же начинают обыкновенно тяготиться уже третьим ребенком.

Удовольствие отца по поводу рождения сына-первенца выражается иногда сообщением о том соседям: «Анютка-то моя сына принесла». Либо зазывая кого-нибудь в кумовья: «Выручила меня моя хозяйка — сына принесла». А дома говорят: «Молодуха наша мальчиком распросталась». Если мать целует и ласкает ребенка, то она говорит: «Радуйся, радуйся на первенького-то». Ласковые слова матери: «Сынок мой (или дочка),

хороший мой, золотой, касатик, ягодка, дитеночек милый».

Если первый ребенок девочка, отец относится к ней совершенно равнодушно. Дома большей частью говорят об этом с сожалением, разве одна из женщин прибавит: «Ничего, нянька будет», — и все на следующий же день забывают о девочке. Если же баба начинает часто родить, то в семье к этому, конечно, относятся неодобрительно, не стесняясь иногда делать грубые замечания по этому поводу: «Ишь ты, плодливая, обклалась детьми, как зайчиха. Хоть бы подошли они, твои шенки-то, трясет каждый год, опять шенка ошлепетила», и т.д., и т.д. Замечания эти исходят нередко от свекрови. Молодого отца, у которого родилась первенец-дочь, товарищи его

и вообще другие мужики на деревне имеют право побить, как только он выйдет на работу. «Зачем девку родил», — и нередко здорово отдают, а он уж молчит, потому так издавна водится.

Роды, крестины

Иногда бабка при начале родов, для ускорения их, втаскивает родильницу в печь и там парит ее.

«Свекра» идет за бабкой. Стараются выторговать у бабки что-нибудь из положенного ей вознаграждения (полагается за «принятие» младенца — ржаной хлеб, хлеб ситный, так называемый «пирог», бумажный платок в двадцать копеек и десять копеек деньгами). [Если] бабка не хочет согласиться на невыгодные для нее условия, свекровь отправляется в какую-нибудь другую деревню или в дальний конец села звать другую бабку, свою родственницу, которая возьмет с нее дешевле. Зачастую молодая неопытная роженица мучится в это время совсем без присмотра. Хорошо, если у нее есть поблизости родная мать или сестра; эти еще иногда вступятся и не пожалеют для бабки своего хлеба.

Является бабка (зовут ее обыкновенно обиняками, чтобы никто, кроме нее, не знал о начавшихся родах, для того, чтобы легче было роженице: «Что ж это ты, бабка, обещалась поглядеть на мою корову и не идешь?»). Молится: «В добрый час распрощаться». Набирает в рот воды, льет на руки, мылит их, если у хозяев есть мыло, и «свидетельствует» роженицу. Если роды медленно подвигаются вперед, обводит роженицу три раза вокруг стола. Либо призывает ее мужа и заставляет его три раза пройти между ногами стоящей роженицы. Если и это не помогает (собственно, если роды затянутся долее суток), служат молебен, открывают Царские Двери.

Для ускорения родов женщина схватывает руками брус («висит на брус»). Если брус высоко, то к нему привязы-

вают две покромки, и она хватается за них руками. Перед окончанием родов покромки ослабляют, так что женщина может встать на пол на колени. Иногда женщине приходится так долго висеть на бруссе, что недели две после родов у нее болят руки. Случается, что младенец рождается как раз в то время, когда она висит.

Когда младенец идет «не путем», то есть вперед ногами, или согнутый, то некоторые бабки спускают роженницу с доски. Широкая доска приставляется наискосок к стене и укрепляется так. На верх доски бабка при помощи мужа кладет навзничь роженницу — головою вниз. Затем муж и бабка ее отпускают, и она быстро катится вниз головою (муж и бабка следят, чтоб она не свернулась на бок), от такого быстрого движения и некоторой

встряски ребенок будто бы «выправляется» и вторично уже может пойти правильно, то есть головкой вперед.

По рождении ребенка бабка перевязывает ему пупок льном или нитками. Если долго не выходит послед, родильнице пихают в рот ее косы (если косы коротки — то пальцы), чтобы она подавилась, что будто бы содействует скорейшему выходу последа. Когда послед выйдет, бабка купает младенца и обмывает родильницу, при этом бабка иногда «расправляет» головку младенцу, придавая ей руками более округленную форму. Поправляют и носик младенца, если он, например, приплюснутый.

Если младенец родится обмершим, дуют ему по три раза на темя, между лопатками и на подошвы ног, шлепают по задку или откачивают, как утопленника. У богатых бабка пребывает иногда дня по три, по четыре после родов, кормясь за их столом. А у бедных ребенок уже с первого дня совсем предоставляется матери и ее уходу. Попадает в грязную люльку, где подстилкой ему служит материнская старая грязная понева. Более опрятные матери подкладывают в люльку соломку, которую меняют через день или два. Это, однако, бывает реже: «Хорошо, и на поневе полежит, не лучше других. Небось другие не подошли — выросли».

Когда молока у матери не хватает или когда оставляют ребенка одного, дают ему соску. Мать, сестра или бабка нажуют или картошки, или черного хлеба, или баранку, выплюнут в реденькую тряпку, завяжут ниткой — и соска готова. Иногда одна и та же тряпица долго употребляется, не прополаскиваясь, причем приобретает противный кислый запах. Матери на третий и на четвертый день после родов встают и принимаются за домашнюю работу, иногда даже за тяжелую — вроде замешивания хлебов и сажания их в печь. Иногда даже на другой день после родов родильница уже затапливает печь сама.

При таких условиях бабе, конечно, долго «не может-ся», и уход за ребенком самый плохой: он прее в гряз-

ной люльке, в мокрой пеленке, надрывается от голодного крику, пупок у него пухнет и болит — «грызь» (грыжа), как говорят бабы. Родильница, разумеется, питается все время обычной крестьянской пищей. Иногда у нее является фантазия «огурчиков зелененьких» или «яблочков» бы поест. Фантазию эту родные иногда удовлетворяют. Надо сказать, что «суседи» в таких случаях оказываются довольно добродушными и уделяют родильнице от своих огурцов или яблок, если у родильницы в доме таковых не оказывается. Был один случай что родильница (в селе Мураевне) так объелась огурцами, принесенными ей соседкой на второй день после родов, что вскоре умерла.

Крестят ребенка обыкновенно на следующий (иногда на третий) день после того, как он родился. Наиболее часто встречающиеся мужские и женские имена: Иван, Василий, Михаил, Алексей; Марья, Анна, Авдотья, Акулина, Татьяна. Большею частью священник дает имена по своему усмотрению. Богатых чаще спрашивают, как желают назвать, чем бедных. За крестины платят попу пятьдесят копеек и ржаной хлеб. Ржаной хлеб от родильницы, а пятьдесят копеек платит кум. Кума дает «ризки» родильнице, аршина два дешевого ситцу и рубашку ребеночку. К богатым идут охотно крестить, а к бедным неохотно, потому что «у них угощение плохое». Дело в том, что после крестин (происходящих обыкновенно после обедни) делается «крестильный» обед для кумовей: выставляется водка (по достатку), огурцы с квасом, каша, «пирог». У богатых кроме того — щи, лапша, блинцы и даже курица. Отца во время этого обеда кормят круто посоленной кашей, приговаривая: «Каково солоно было матери родить тебе сына (или дочь) — такова и тебе будет эта каша».

Крестят обыкновенно около одиннадцати-двенадцати часов. После этого по зову родителей новорожденного (домохозяев собственно) кум и кума, а также мать

и отец родильницы, ее сестры, а иногда брат идут на крестильный обед. Водку подают сразу. Средний крестьянин, в зависимости от урожая, ставит водки от одной бутылки до целой четверти и даже больше (больше, если случайно окажутся лишние деньги, которые можно на это «пропить», а сам хозяин любит выпить). Подносят хозяева сначала куму и куме, а затем и другим гостям. Поднося, говорят «с крестником», а кум и кума «с внучком», если домохозяева — дед и бабка новорожденному; или «с сыном», если домохозяева отец и мать его. Пожеланий никаких не высказывается. Только одна бабка, принося кашу говорит, обращаясь к кумовьям, «зацепим кашу на ложки, а крестнику вашему на ножки». Гости кладут на тарелку медные и мелкие серебряные деньги на зубок родильнице. Собственно, кладут деньги только кумовья, да иногда отец родильницы расщедрится и положит какую-нибудь монету на тарелку.

Бабка тоже ставит (подавая хлеб и «пирог») свое блюдечко на стол, и ей кладут копейки, семитки и редко кто пятак. Сидят за столом часов до двух-трех. Когда водки много — напиваются. Говорят о своих делах, об уборке, урожае или севе, рассказывают деревенские сплетни о соседях и т. п. Родильница тут же, в глубине на лавке (крестины обыкновенно происходят на следующий после родов день). Шутят. Новорожденный кричит. Когда ребенок очень кричит: «Ну ты, коровушка, что же ты свои... спрятала!» Сестры родильницы иногда встают из-за стола и подходят к ней, чтобы спеленать ребенка. Когда уходят гости, их провожают «с поклонами» отец новорожденного, домохозяева — старики и бабка. Бабка остается у домохозяев, так как в круг ее обязанностей входит помочь справиться крестильный обед. Она помогает и убирать после него.

Песен на крестильном обеде не принято петь.

Когда, окончив свои обязанности, бабка уходит из дому, ей устраивают проводы. Родильница подает тазик с водой, в которую опущен хмель. Сначала бабка моет руки, затем

родильница, причем опускает в воду десять копеек — плату бабке. (Омовение делается «на легкость родильнице».) Этот обряд называется также «серебрением бабки». Затем бабку угощают водкой, дают ей полагаемые ей хлеб и пирог и прощаются с ней.

Бабка иногда призывается и для лечения младенцев. Чаще всего лечит «грызь» и «крик откликает». Для лечения «грызи» бабка берет овсяное «дерьмо» лошади, прожимает его сквозь тряпку, смешивает с молоком матери и поит этим ребенка. Крик нападает от сглазу, и его бабка «откликает» по трем зорям — двум вечерним и одной утренней. Для этого она ходит с младенцем в поле, становится против зари и говорит, поклонившись в сторону зари: «Господи, благослови. Вечерняя заря зарница, красная девица, вечерняя, утренняя, денная, ночная, полуденная, полуночная, часовая, минутная, возьми Иванов крик, а ему дай сон — здоровье. Аминь».

Заговор повторяется трижды. За заговор или за лечение бабка получает один-два или один—четыре хлеба. Понос «на детях» лечат церковным вином, которого покупают в церкви на пять копеек. Дают его больному ребенку по капле.

Мать идет в поле на работу дней через пять—семь после родов, ребенка либо берет с собой, или, если поле близко и можно прибежать накормить ребенка, оставляет его на попечение «старухи» или старшей сестры (о том, как нянчат сестры, см. дальше). Если мать берет ребенка в поле, то либо просто кладет его в какой-нибудь тряпке на межу, где его «караулит» сестренка или братишка лет пяти—семи, либо, если захватила с собой в телегу люльку, кладет его в люльку, привязанную к верху поднятым оглоблям телеги. Ребенку до году дается и жвачка: мать, бабка или сестра разжуют картофелину или кусок хлеба и из своего рта перекалывают пальцем эту жвачку в рот ребенка.

Прежде, в крепостные времена, ходили в поле через три дня после родов, а теперь обыкновенно через пять—

семь дней. От тяжелой работы непосредственно вслед за родами у редкой бабы не бывает в большей или меньшей степени опущения матки. Иногда такие опущения матки («золотника») принимают очень тяжелую форму, а в легкой, по мнению бабки, это даже «совсем» ничего. Бывают опущения матки даже у девушек (очень молодых) от непосильной работы: «живот сорвала». Пьют от этого «киндербальзам — подъемные капли».

Бабка правит живот, накидывая на него «махотку», то есть горшок глиняный. Положит бабу на спину, помажет ей живот гущей, опрокинет на него горшок и под ним быстро зажжет охлопок «прядева». Живот вследствие этого втягивает в горшок. Чем горшок меньше, тем лучше. Считается, что после этого матка вправляется на свое

место, и живот перестает болеть («накидывать махотку», «править живот» — плата за это один-два хлеба, немного муки или крупы). Или же бабка парит родильнице горячим веником живот; распарив, бабка его «поднимает» руками несколько раз, чтобы вправить на место золотник.

«Живот» бабка еще так «правит»: помылит руки, вправит выпавшую матку на свое место, затем вдвинет во влагалище очищенную картошку, а живот (низ его) крепко перевяжет платком. Иная баба целый месяц ходит к бабке, и та повторяет ей эту операцию, пока получится облегчение. Правят живот и так: поставят женщину головой вниз, и бабка при помощи мужа больной встряхивает ее несколько раз за ноги, «чтобы живот поднялся». После этого живот опять-таки перебинтовывается. По мнению бабок, нет ни одной женщины, у которой не было бы испорченного живота. Одна бабка говорила, что это страдание развивается у некоторых женщин особенно сильно вследствие пьянства мужей: «Иной напьется пьян, да всю ночь и лежит на жене, не выпускает ее из-под себя. А ей-то бедной больно ведь, иная кричит просто, а он ее отдует, бока намнет — ну и должна его слушаться. А каково под пьяным, да под тяжелым лежать... — у иной бабы все наружу выйдет — ни стать, ни сесть ей». Многие бабы мне рассказывали, как они мучились таким образом, и, несмотря на это, носят и родят детей.

II. «Иван» до того, как он стал на ноги

Как нянчила Ивана сестра до году
(девяти- или десятилетняя девочка)

Таскала иногда с трудом на руках, причем часто роняла его: «Ах, батюшки, да как же я это упустила». Иван катился иногда головой вниз под какую-нибудь горку. За крик получал легкие шлепки свободной рукой своей няньки либо по лицу, либо по голове: «Молчи, сукин сын». Иногда сестренка бросала его на землю «где помягче», а сама бежала к толпе подруг — «поиграть», половить раков в речке и т. п.

Ребенок по часу и больше ползал в грязи, запачканный, мокрый, кричал, плакал. Чтобы он замолчал, ему иногда давалась в руки печеная картошка, сырое яблоко, огурец и т. п. Иногда он пытался переползти высокий порог избы, падал, ушибался, ссаживал все лицо и т. п. Свою печеную картошку или огурец он, разумеется, вываливал в грязи и навозе и уже в таком виде ел их, иногда пополам с тем, что текло у него из носу и т. д. Ел отбросы из корыта для свиньи, пил из этого корыта, хватал руками что попало, «нагадит да рукой и хватъ». Иногда набивал себе землю рот, глотал землю.

Первые проблески сознания Ивана, первые слова, которые он произнес

Первое, что он начал сознавать, — это, разумеется, голод или сытость, а затем ласку, баловство или побои. Первые слова: «тятя», «мама», «няня» или «баба». Первое стремление — это, разумеется, ухватить что-нибудь, что можно съесть. Более всего он признавал мать, а менее всего отца, который обращал на него (за исключением дядей) наименьшее внимание из всех членов семьи.

Я вообще замечала, что отцы постарше, несмотря на то что тяготятся иногда ребятами, в общем ласковее с ними,

чем отцы молодые. Пожилой отец или «дед», например, скорее смастерит ребенку игрушку, чем молодой отец, скорее возьмет его с собою в телеге покататься и т. п.

Отцы и матери, возвращаясь с базара (ярмарки), обыкновенно привозят детям (маленьким) «гостинцы», то есть подсолнухов, или каких-нибудь дешевых «жамок», или леденцов. Дети, поджидая родителей с базара, уходят иногда очень далеко им навстречу (целой толпой).

Чем питался он к году

Молоком матери, соской, кашей, хлебом, картошкой, молоком коровьим. Заботилась о его воспитании почти исключительно мать.

Как только у детей вырастают зубы, они жуют и кислые незрелые яблоки и огурцы.

Как он был одет

Врубашонку. Когда мать шла с ним в гости или к обедне, то завертывала его в одеяло и надевала ему на голову колпачок, сшитый из лоскутиков (девочке надевается чепчик из такого же материала).

Чем он хворал к году

Поносом, «грызью», золотушкой (струпья на голове); иногда болят уши (летом часто бывает заразное воспаление глаз — эпидемическое). Нередко дети «сохнут» (рахит — английская болезнь). Иногда у очень маленьких детей бывает лихорадка. Про детские болезни и говорить нечего: коклюш («кашель напал: закатится, закатится — инда весь посинеет»), жаба или дифте-

рит («глоточкухватило»), корь («корюха»), скарлатина, чесотка. От жестокого поноса у маленьких детей иногда «кишечка» выходит. Случается, что и маленькие дети болеют сифилисом, полученным от родителей, бывают и случайные заражения этой болезнью.

Бабки лечат детский понос так: берут ребенка за ноги и трясут его головой вниз. «Ребенок покричит, покричит, — да иногда и полегчает ему с этого». От «грызи» — бабка грызет ребенку несколько дней подряд пупок, или «припускает к пупку мышь» (смазав пупок тестом). Я знаю случай, когда ребенок умер от такого лечения. Или прикладывают к пупку полынь. Лечат еще «грызь» так: поставят ребенка на ножки (придерживая его, чтобы не упал) у притолки и заметят, на какой высоте притол-

ки приходится его пупочек, затем это место на притолке просверливают буравчиком.

Золотуху лечат чередой (*Bidens tripartita*) — поят ею детей и купают в настое из нее.

«Откликают крик» — носят под нашесть к курам. За лечение бабка берет всем — и хлебом, и мукой, и крупой, и деньгами, и мылом, только тестом не берет.

«Младенческая» (родимчик, судороги, воспаление мозга) — крестьяне убеждены, что у каждого человека, в детстве должна быть «младенческая». У некоторых детей «младенческая» бывает будто бы во сне, так что даже заметить ее трудно, и это самая благополучная «младенческая». По мнению крестьян, ребенка очень опасно испугать во время «младенческой»: «Бывает, что и слепые, и глухие, и глупые от этого остаются». «Известно, с чего дети мрут, — с поносу, да с „младенческой“, — говорила мне одна баба.

Как его нянчила сестра, когда он стал ходить, как нянчила мать

Встал он «дыбочки» около году и двух месяцев. Как и прежде, он часто оставался под призором сестры. Нянчила она его так же, как и прежде, с той только разницей, что стала давать ему более основательные пинки за разные провинности — вроде крика, замазанной рубашки и т. п. Когда он, бывало, запачкается до неузнаваемости, сестра снимет с него рубашечку и посылает к луже или пруду вымыться. Иван шел и с такими же голыми ребятишками, как он, барахтался в воде у берега, солнце обжигало ему спину, и когда он голый прибегал опять к сестре, то в награду за свое послушание на него опять надевалась рубашка, успевшая уже несколько просохнуть на каком-нибудь шестке.

Мать обмывала его сама, когда бывала дома, стирала его рубашонку, иногда зашивала ее, искала у него в голове вшей, давала хорошие куски (сравнительно с теми, которые он получал от сестры), и за это он, разумеется, более всех льнул к матери. Ребята лет четырех—шести иногда объедаются беленой и пасленом (*Solanum nigrum*, по-крестьянски — «бзника»).

Бывают случаи, что маленькие дети, за которыми не усмотрят, подходят сзади к лошади и хватают ее за хвост или стегают хворостиной, за что платятся подчас совершенно изуродованным лицом — выбитыми зубами, испорченным глазом. Такие же маленькие дети в отсутствие родителей бывают причиной пожаров: уташат пачку «серничков» и разведут костер где-нибудь на задворках, у угла риги, глядишь, и вся деревня сгорит.

Когда он научился лазить и где лазил

Часто начинают лазить уже с двух лет. Сначала на «задник» (лавка), а потом и через ворота и плетни. Падают головой вниз, ушибаются. Самые маленькие ребята всползают иногда с лавки на окно и выпадают из окон. Ребята постарше забираются на риги, на деревья, причем дело иногда не обходится без ушибов. За такие проказы детям достается от старших.

Первые бранные слова, первые драки

Научился им Иван от старших братьев и сестер очень рано, когда еще не умел произносить связных фраз. «Сукой» стал называть мать, когда она ему в чем-нибудь отказывала — к потехе всей семьи и даже самой матери, поощрявших его в таких случаях: «Продувной-то какой, ишь шельма»; «Так ее, так ее (мать), зачем тебя не слушает». Матери очень наивно иногда хвастаются способностями своих совсем малолетних детей: «И какой атаман — ведь сукой уже меня называет»; «атаманить» значит буяннить, затевать какие-нибудь проказы, руководить ими.

Мать он иногда бил по переднику какой-нибудь хвостинкой — тоже к немалому удовольствию старших. Драться с другими детьми тоже начал, как только стал на ноги. К этому его тоже поощряли, особенно если

он одолевал другого младенца. Что касается до бранных слов, то дети, начиная с самых маленьких, знакомы почти со всем репертуаром крестьянских бранных слов. Нечего говорить, как мальчик лет семи—двенадцати и даже девочки того же возраста «ругаются», какие слова употребляют во время своих игр (когда повздорят). «Кобель», «сука», «сволочь», «блядь» — очень употребительные детьми ругательства.

Его костюм и внешность, когда он стал на ноги

Костюм состоял из посконной или холщовой рубашонки, либо «в роспуск», либо подпоясанной под брюхом какой-нибудь «оборкой». Волосы белые (разу-

меется, непричесанные), остриженные в кружок. Ноги босые, с присохшей к ним коркой чернозема.

К причастию мать надевала на Ивана рубашку почище из домашней синей холстины (крашенины) и тщательно подпоясывала его. На ноги — чулки из шерсти и башмачки из сукна (бахилки). Голову мазали ему маслом коровьим или постным. Когда ребенку минуло года два, надевались и портки — тоже из домашнего материала «тяжина». Постоянно ходить в портках мальчик начинает лишь с восьми—десяти лет.

Маленькие девочки ходят дома тоже только в одних холщовых, но только длинных рубахах — и непременно подпоясанные. Очень рано (лет с двух уже) стремятся к тому, чтобы «подвязаться платком» (голову). По праздникам на них надевается ситцевый сарафан. Девочки лет с десяти носят уже обыкновенно (даже и дома) шерстяную домотканую юбку. На девочек тоже при случае надевают шерстяные чулки и бахилки.

Как и за что били его мать и отец.
Наказание за проказы

Били его за крик, за то, что вывалиется в грязи или стащит какой-нибудь кусок. За драку и ложь, за скверные слова не били. Отец более бил за воровство, а мать за крик или порчу костюма. Били рукой, кнутом и хворостиной, драли за уши и за вихры. «Подожди, уж я надеру тебе виски-то».

Все проказы двух-трехлетнего ребенка сводятся к порче костюма или воровству чего-нибудь съестного, что сейчас же можно положить в рот. Получал он и подзатыльники, если подвертывался некстати под ноги или мешал какому-нибудь делу взрослых людей. Был он, впрочем, очень увертлив и умел вовремя отскочить и убежать подальше от щелчка, ему предназначавшегося. Били за то, что залезет куда-нибудь, откуда может упасть и ушибиться. Один

четырехлетний мальчуган, проникшись, очевидно, идеей, что он может заменить курицу, сел на куриное гнездо с маленькими цыплятами. Мать, найдя его там, должна была прибегнуть к хитрости, чтобы не испугать его, иначе он всех цыплят бы мог от страха «подавить»: «Ишь наседка у меня какая хорошая». Ребенок дал к себе приблизиться и снять себя с гнезда, после чего ему, разумеется, досталось и веревкой, и за вихры. Один раз несколько крестьянских ребят влезли на самый верх риги. Отец, чтобы не напугать их (от страха они могли упасть с риги), стал их звать «чай пить» (чай пьется редко); ребята, разумеется, тотчас же слезли благополучно с риги и вместо чаю получили «вожжи».

Лгать когда научился, чему научился
от сверстников

Очень рано, как только понял, за что его бьют. За ложь его не преследовали совсем. Лгал он, разумеется, только из самообороны и нередко для того, чтобы выиграть время и удрать от родительского гнева, — сваливал свою провинность на какого-нибудь «суседского» Алешку и удирал благополучно, пока мать разыскивала мнимого воришку. Он прекрасно знал, как остывает родительский гнев, если исчезнуть с глаз долой на несколько часов. Для того чтобы уверить родителей в своей мнимой невинности, самые маленькие клопы очень основательно божатся. С достоверностью можно сказать, что ребенок научается лгать от страха быть побитым.

IV. «Иван» в том возрасте, когда от него впервые потребовались домашние услуги (семь-одиннадцать лет), и «Иван»-подросток

Что думает ребенок о старших:
о труде их, сожительстве отца с матерью,
пьянстве, драках, о сельском начальстве,
о докторе, знахарках, как относится к отцу,
матери, братьям старшим и младшим

Маленькие дети в крестьянском быту очень скоро развиваются. Какой-нибудь десятилетний малыш сплошь и рядом рассуждает как взрослый. Это, разумеется, объясняется несложностью крестьянского обихода главным образом, затем — участием ребенка во всех почти работах и во всех событиях крестьянской жизни, где все налицо.

Взрослые не стесняются все говорить при ребятах, напиваться и драться при них. Испытывая уже с малых лет голод, ребенок рано научается понимать ценность вещей. Он прекрасно понимает, что это значит, когда отец тащит деньги в кабак и как это на нем (ребенке) отзовется. Нередко ребенок попрекает своего отца или мать, и если не всегда это делает, то только из боязни быть побитым. Видя, что грубая сила постоянно торжествует, он сам уже очень рано начинает признавать эту силу (как право). Если отец бьет мать, то он, разумеется, жалеет мать, но не с той точки зрения, что отец *не прав, а мать*

права. Жалеет он мать либо безотчетно, либо потому, что «того и гляди убьет ее батя». А лишиться матери — самое ужасное несчастье для ребенка.

Скорее мать вырастит своих детей, нежели отец. Мать уж будет биться как рыба об лед, а поднимет своих детей на ноги, вырастит себе помощника-сына. Что же касается до отца, то он замечательно беспечно относится к своим детям-сиротам. Нет несчастнее детей, как дети без матери. Для отца их как будто бы не существует, а мачехи бьют и обижают их.

На сельское начальство, докторов и знахарок ребенок смотрит глазами старших. Нет специально *детской* точки зрения на них. Если ребенка спросить, «для чего поставлен земский начальник?», он ответит: «Чтобы мужиков смирять». В некоторых глухих деревушках, далеких от земского пункта, ребенок знает одного только урядника, и при прекрасном знании отцовских нужд земский начальник, становой, губернатор — сливаются для него во что-то общее. Младших своих братьев ребенок не прочь обидеть, а старших братьев он боится. Самых маленьких — годовалых он все-таки «жалеет» и нередко делится с ними яблоком, пряником, огурцом.

Первые обязанности и поручения,
даваемые Ивану

Первые поручения заключаются в присмотре за младшим братом или сестрою. Как и сестру, брата иногда заставляют качать люльку. Сами старшие сестры очень любят свалить свою обязанность на младшего брата, чтобы убежать к подругам. Почти на моих глазах старшая сестра, девочка лет двенадцати, убежала к подругам и в избе в люльке бросила свою больную поносом десятимесячную сестренку на попечение двух мальчишек, пяти

и шести лет. Ребятишки так раскачали люльку, что ребенок вылетел из нее, ударился головою о камень в земляном полу избы и тотчас же умер.

Затем, маленькому Ивану давали иногда и непосильные обязанности, вроде того, чтобы принести тяжелое ведро воды из колодца и т. п. Он пас отцовскую лошадь. У наших крестьян не существует обычая, чтобы был один табунщик для лошадей всей деревни, а каждый домохозяин «кормит» свою лошадь по пару, по оврагам и рубежам сам, то есть посылает ее пасти семи—одиннадцатилетнего мальчугана. Разумеется, при такой пастьбе все деревенские мальчишки собираются вместе «в один гурт» и проказят.

Любимые проказы — отыскивание птичьих гнезд (яйца пекут в костре), собирание грибов, орехов и ягод в чужом лесу, а иногда все ребята целой толпой, оставив с лошадьми, по взаимному соглашению, двух каких-нибудь мальчишек, пробираются в помещичий сад и воруют там яблоки или на огородах («задах») деревни обезглавливают все подсолнухи, набивают себе пазухи огурцами и т. п. Раз такие мальчишки стащили целого гуся у мельника и, зарезав его, изжарили на костре и съели. Часто таскают и жарят уток.

Девочки также пасут скотину, а именно телят. У нас телята пасутся отдельно от коров, и каждый двор обязан по очереди по одному дню пасти мирских телят. Иногда пасут и женщины, но, в большинстве случаев, они посылают за себя девочку лет девяти—двенадцати. Так как телята обыкновенно пасутся недалеко от деревни (в какой-нибудь лоштинке или просто на выгоне), то за девочкой-пастушкой обыкновенно увязывается несколько ее товаров. Такие девочки, разумеется, ведут себя скромнее мальчишек, затевают иногда какую-нибудь игру (в горелки) или шьют себе что-нибудь, иногда и песни поют. Мальчики-пастушки никогда почти не сходятся с девочками, разве чтобы их подразнить и попугать.

Если среди пасущих лошадей попадают мальчишки лет четырнадцати—шестнадцати, то они «озорничают» еще пуше маленьких ребят, так «озорничают», что взрослой девочке «стыдно бывает даже пройти мимо них», такими шутками и словечками они ее приветствуют. Курят «цигарки» из обрывков бумаги. Курить начинают иногда чуть ли не с восьми лет. Табак для таких цигарок покупают в мелочной лавочке или кабаке на сворованные у матери яйца лет [с] шестнадцати, семнадцати. Прежде (лет двадцать пять тому назад) курили трубки, а теперь курят «цигарки». Курят табак — махорку, покупаемую в лавочке, в селе по три копейки за осьмушку. Там же покупают и бумагу (разную, старую, большую частью печатную). Бумагу и так иногда добывают «округ

барских дворов». Средний мужик употребит на курение рубля три-три с половиной в год.

Девочек и мальчиков лет семи-десяти посылают иногда загнать скотину, пощипать для коровы травы; посылают также в кабаки за вином. Семи—одиннадцатилетние мальчики возят снопы, берут картошку. Девочки, во-первых, няньки, затем помогают и в поле: полют, берут картошки, носят взрослым питье во время рабочей поры. Полоскают белье. Учатся шить и прясть, мять лен и коноплю. Ходят за водой.

Между прочим, летом дети ужасно любят целой компанией купаться в речке. Выбирают мелкое место и целый день их не вытащить из воды. Купаются чуть не с апреля и до сентября. Девочки такие же охотницы до купанья, как и мальчики, и нередко купаются вместе с мальчиками, которые, однако, не прочь подразнить их, утащить их рубашки и сарафаны и спрятать в кусты и т. п. Нередко дети так долго купаются, что матерям приходится их выгонять из воды крапивой или хворостиной.

Обращение Ивана и его семьи
с животными (собаками, кошками,
примеры обычной жестокости к ним)

Обращение с животными, конечно, довольно жестокое. Жалеют лошадь или корову, главным образом, как рабочую силу и ценность. Под пьяную руку это не мешает мужику срывать свой гнев на лошади, когда он рассердится: колотит ее по бокам и по морде, если она не в силах сдвинуть воз и т. д. Нечего и говорить уж про собак и про кошек: это животные не ценные, а потому с ними совсем не церемонятся, да они и менее полезны, даже мучают их так себе, из удовольствия посмотреть, что из этого будет. Ребятишки любят бросать кошек, малень-

ких щенят, если поймают, в воду и смотреть, выплывут ли они. «И тебе не жалко?» — «Чаво там жалеть, что ж, это не человек ведь, а пес, собака!»

Вот маленький рассказ довольно характерный (в нем сказываются две стороны «Ивана»-ребенка). Один мальчик лет восьми подобрал где-то щеночка, и когда мать (мать его была вдова) запретила ему держать его, то он прятал его в какой-то яме, на гумне, и носил ему туда нередко свой хлеб (делился с ним своей пищей). В свое время щенок, оказавшийся сучкой, проявился на свет Божий. Мать посмотрела на это сначала сквозь пальцы, но когда к сучке стали сбегаться кобеля, то она стала выходить из терпения и раз при других мальчиках сказала своему сыну: «Повесь свою сучку, дурак, не то собаки нас самих съедят». Мальчики подхвати-

ли это и стали рассуждать о злости кобелей, когда они «бегают», и слово за слово стали поддразнивать Федьку, что и где же ему повесить сучку, когда она окружена кобелями, которые, конечно, разорвут всякого, кто подойдет к сучке! И довели до белого каления Федькино самолюбие. «Я-то не повешу? Ничуть я не боюсь ваших кобелей!» — «Так и повесь, тогда мы и поверим!» и т. д. Совершенно раззадоренный, Федька взял веревку, поймал сучку и на веревке повел ее к «лозинам», которые росли около речки. Ребята шли за ним, равно как и «кобели». По дороге они, конечно, продолжали его подзадоривать. У речки мальчик вздернул маленькую тшедушную собачонку на ветку. Но гнилая веревка скоро оборвалась, и еще живая собачонка сорва-

лась вниз, стала барахтаться в речке. Раздался ребячий смех. Совсем уж вне себя и от смеху и от неудачи, Федька схватил пригоршню камней на берегу и добил ими в воде полуживую собачонку, ту, с которой он в свое время делился своим хлебом. Ему, впрочем, стало жалко собаки, когда он добил ее, и он ушел домой. «Ты куда же, Федька?» — «Да чаво ж там смотреть-то!» (сердито). А остальные мальчишки довольно безжалостно любовались (лучше сказать «любопытствовали»), как один из кобелей бросился в воду, вытащил оттуда мертвую собаку и поволок ее по огородам...

Во время пахоты крестьяне ужасно любят ругать свою лошадь. Для лошади это, конечно, безвредно, и потому ужасно комично слышать со стороны град скверных слов,

сыплющихся на какого-нибудь меренка или кобыленку! «Но, но, гнида!», «Пошевеливайся, идол!», «У-у ты, диавол, гнилой, дерьмо с...е» и т.д. Ругаются в таких случаях со вкусом, с захлебыванием, с наслаждением и, вероятно, иногда с самозаслушиванием. Ругать животное, конечно, не грех или почти не грех.

Детское представление
о мире Божьем

Всущности, мало разнится от представления взрослых, — разве только в том, что у ребенка большую роль играет родительская власть. Ребенок, конечно, не может

себе представить, как можно жить без этой власти, которая может всегда покарать его, может побить, может и накормить. (Даже матери бьют своих сыновей.) Свою зависимость от родителей маленькие Иваны, конечно, очень чувствуют; наши дети не в меньшей зависимости от родителей, чем крестьянские, но, благодаря постоянной сытости, чувствуют это менее.

Что касается до властей, до мирского устройства, до природы, то всякий десятилетний ребенок знает все это не менее старших, находясь постоянно среди них, присутствуя при сходах и т. п. Что касается природы, то маленькие Иваны имеют еще более досуга наблюдать ее. Из всего этого, мне кажется, легко вывести детское представление о мире Божиим.

Разумеется, как и всегда, детям многое кажется страшнее и грандиознее, чем взрослым: некоторые явления природы (гроза, буря), до Бога и Ильи-пророка включительно, пожары и т. п. — все это представляется крестьянскому ребенку страшнее, чем взрослому. И точно так же, как наши дети, маленькие Иваны чувствуют облегчение всех страхов возле матери или отца. Может быть, у крестьянских ребятишек побольше страхов, благодаря рассказам об оборотнях, ведьмах, домовых, леших, которым верят сами взрослые, но и тут, под крылом матери или старших, маленькие Иваны чувствуют себя более или менее в безопасности. «Молчи, молчи, не кричи — я тебя не дам» — постоянное утешение матери или отца, когда ребенок объят страхом и плачет. У пьяных и жестоко бьющих их родителей бывают, разумеется, очень запуганные дети, такие, каких у нас не бывает. Затем крестьянский ребенок всегда недоверчивее, когда его чем-нибудь манят (даже к своим родителям), подозревая за лаской какую-нибудь каверзу. В своем месте было уже рассказано, как родители, боясь, чтобы ребенок не убежал, подманивают его с тем, чтобы проучить за что-нибудь.

Возрасте до десяти лет мальчики и девочки играют иногда вместе. Излюбленные игры — горелки, плетень, редька.

Плетень. Дети становятся в ряд и сплетаются руками (плетень). К крайнему мальчику подходит мальчик или девочка, изображающая собою «поджигателя»: «Ванька, дай мне огоньку». Иногда Ванька не дает. Тогда она идет к другому концу: «Аниска, дай огоньку». Девочка протягивает деревянную палочку, изображающую спичку. Девочка ходит с нею перед плетнем, потом вдруг делает вид, что чиркает спичкой и поджигает с одного конца плетень, а сама обращается в бегство. Плетень расплетается, и все ее ловят, а когда поймают, то бьют.

Редька. Дети садятся на корточки друг за дружкой, длинным рядом, держась руками каждый за поясницу другого. Кто-нибудь идет «редьку дергать». Подходит к первому в ряду со словами: «Дай, бабка, редечки», берет его за руки и старается поднять на ноги, в то время как следующий ребенок придерживает его сзади за поясницу, не давая его поднять. Изображающий редьку говорит: «Трудно меня вытащить, подкопай меня». Ребенок берет палочку, «окапывает кругом редьку». Но опять редьку не вытащить. «Редька» говорит: «Полей меня». Ребенок приносит в каком-нибудь черепке воды и льет на редьку (при общем смехе). Далее: «Раскачай меня» и т. д. Наконец, редька вытащена, тогда ребенок принимается за другую. Если осилит все редьки, то он (или она) «молодец» (хотя руки после такого упражнения и болят целый день).

Игра «в шар». Играют мальчики постарше, лет десяти—двенадцати. Мальчики становятся в кружок (круг). Перед каждым ямочка, в руках каждого палка. В середине круга мальчик тоже с палкой и с шаром, грубо сделанным из дерева. Он старается загнать шар в ямку кого-нибудь

из мальчиков, а те отбивают шар. Если удастся загнать шар в ямку кого-нибудь из мальчиков, то он меняется с ним местом, а тот идет загонять шар. При этой игре очень больно иногда достается голым ногам мальчуганов (шаром или даже палкой) — и дело иногда кончается общим побоищем. Дерутся также «на кулачки» — иногда очень жестоко, до крови избивая друг друга, борются.

Девочки «в шар» не играют и на кулачки, разумеется, не бьются. Очень любят играть в тряпичные куклы, которых они заставляют то быть «господами», *бьющими своих работников*, то «венчают» двух кукол и т. п.

Детские игрушки очень просты. Отцы делают маленьким ребятишкам деревянные тележки, в которых старшие катают младших, а девочки — кукол из тряпиц. У мальчиков кнуты. На ярмарке покупаются глиняные

свистки в виде петушков и т. п. Мальчики иногда играют в лошадки. Зимой любимое занятие — катание на ледяных и салазках с гор. Для девочки, собственно говоря, лучшая забава — новый наряд. Иную от земли едва видно (года три), а подаришь ей башмаки или платочек, так она «даже на ночь с ними не расстается». Всякая девочка всегда гораздо более оценит новый сарафан, чем самую нарядную куклу.

Отношения девочек и мальчиков.

Как понимается ребятишками различие полов и как рано это понимание проявляется

Очень часто старшие начинают в шутку называть совсем маленьких ребятишек «невестой и женихом». Дети с самых малых лет присутствуют при сговорах, свадьбах. С другой стороны, очень рано усваивают материальную сторону своего быта: отец «хозяин», мать «хозяйка», отец главенствует над матерью, а у матери такие и такие-то обязанности и работы. И всякий ребенок поэтому отлично понимает, что девочки будущие «невесты», а мальчики «женихи». В некоторых деревнях еще до сих пор держатся обычаи «просватывать» совсем маленьких девочек (лет двенадцати—четырнадцати) за соответствующих им по возрасту мальчиков. — Ольхи, Заболотье*). Выпивают вино. Родители жениха и невесты называют друг друга сватом и свахой и ходят в гости друг к другу. Теперь уж такие сговоры нередко расстраиваются, когда жених и невеста делаются взрослыми. А нет, так четырнадцати-пятнадцати лет «невеста» и шестнадцати лет «жених» начинают сожительствовать вместе до своего совершеннолетия. Случается это, разумеется, после какой-нибудь «улицы».

* Села Данковского уезда Рязанской губернии. — *Примечание к изданию «Жизни „Ивана“» 1914 г.*

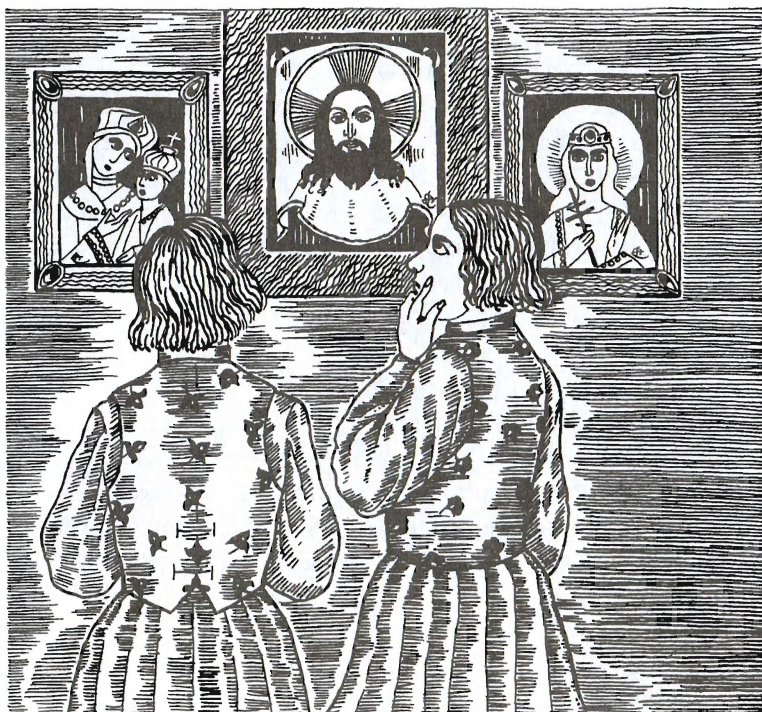
Как наказывают семи-одиннадцатилетних ребят их родители и за что преимущественно

Как уже говорилось, за воровство и разные проказы, либо грозящие ушибом самому ребенку, либо убытком в хозяйстве (нечаянный поджог, пролитое молоко, разбитая посуда и т. п.), наказывают главным образом битьем (веревкой, хворостиной, крапивой, кулаком, пинками, драньем за уши и за волосы). Иногда не дают в наказание поесть за обедом или за ужином. Очень небольших ребят (лет четырех) привязывают на несколько часов веревкой к столу или к лавке.

Как и когда ребенок услышал о Боге, святых и пр. и что они, по его представлению, значат — добрые они, или злые, или страшные, всегда ли вмешиваются в людскую жизнь и дела. Какое отношение имеют к нему?

До двух, иногда до трех лет ребенок не имеет представления о Боге, а затем уже начинает понимать, что образа в углу избы — «Бог». Подражая старшим, крестится на них. Лет в семь иногда с грехом пополам выучится читать «Отчу» или «Богородицу». Бывают, впрочем, бабы, которые всю жизнь свою не знают толком «Отчи». Первые слова о Боге, которые слышит ребенок, это, разумеется, те, что «Бог накажет», поэтому Бог пред-

ставляется ребенку прежде всего грозным. Первый святой, которого он узнаёт, — это, кажется, Илья-пророк, и ребенок уже очень рано начинает креститься во время грома, чтобы «Он, батюшка» не убил его. На исповеди, к которой отправляются дети, начиная с шестисеми лет, священник тоже пугает его наказанием Божиим.

Впрочем, подрастая и начиная принимать участие в пастьбе скота, общих проказах с другими детьми или поступая в школу, ребенок довольно быстро заражается «вольнодумством». Сколько раз приходилось из детских уст слышать фразы вроде: «Бог-то еще там не то накажет, не то нет...» Такое «вольнодумство» не только у детей, но и у взрослых как-то удивительно уживается вместе с верой и с суеверием. Слышит ребенок от стариков про Егорья, покровителя лошадей, и про «Алексея — с гор потоки», про Аграфену-купальницу, про Ивана Купалу. Все эти рассказы довольно известны.

Кирилла и Мефодия (в мае) называют у нас «Царь-Град — Кирилл и Мефодий». Не годится в этот день работать: он (Царь-Град) *батюшка грозен*, того и гляди все выбьет. Такие рассказы тоже, разумеется, слышит ребенок и иногда повторяет их точь-в-точь как взрослые.

Отдали ли Ивана в школу и когда?
По каким соображениям?

Отдали, когда ему минуло десять лет. «Все больше жалованья возьмет, коль грамоту будет знать». Теперь, в виду заработков в Москве, все больше и больше стремятся научить своих сыновей грамоте (частью и письму). «В Москве-то еще пуще чем у нас глядят, умеешь ли ты грамоте, а по грамоте тебе и цена», «Грамотного труднее обсчитать» и т. п.

Что делал мальчик летом, когда ученье летом прекращалось. Что вынес в конце концов из школы. Насколько изменился в своих представлениях об окружающей крестьянской жизни

О занятиях мальчика летом уже сказано (поручения, даваемые мальчикам, их игры). Применение своей «грамоте» мальчик находит довольно скоро. Он пишет письма «старикам» (нередко за некоторое вознаграждение: копейка, две) и читает псалтырь по покойникам, сорок копеек за ночь.

Чтение и письмо мальчики по выходе из школы, безусловно, не забывают. Может быть, только неразборчивей и безграмотней начинают писать впоследствии; забываются, разумеется, разные грамматические и арифметические правила. Если в школе сообщаются какие-

нибудь исторические или географические сведения, то и это, как не имеющее применение в жизни, легко забывается. Стихи, собственно, любят и легко запоминают, причем, по-моему, больше всего нравится склад стихов (певучесть рифмы). «Как складно ведь». В смысл их не особенно вникают.

Нынче осенью книга о кончании мира (столкновение с кометой) получила большое распространение, и о ней много толковали. Я замечала, впрочем, что при некотором напоминании кое-что возобновляется в памяти. Взгляда на окружающую жизнь школа как-то не меняет. То школа, а это жизнь, и между школой и жизнью у крестьян всегда какая-то черта.

В нашем селе есть читальня. Книги берут охотно мальчишки и малые. Требуют больше всего «романов» (у Гоголя «романы», и его очень любят) или чего-нибудь «забавного». На жития святых и исторические рассказы спрос меньше, а книг о природе (например, книги Богданова и Кайгородова) и совсем не спрашивают, точно так же, как книг о хозяйстве.

В нашем округе есть только министерская школа и церковно-приходские. Программа министерской очень обширна (два класса, пять отделений, учатся пять лет), и в ней редко кто кончает курс. Программа церковно-приходских школ (одноклассных — два года, двухклассных — четыре года* и школ грамотности два года) известна: Закон Божий, славянский язык, церковное пение, русский язык, счисление, начальные сведения из географии и русской истории. Вот некоторые выписки из этой программы (изд. 1894 года):

«Самое название церковно-приходских школ указывает на особенное значение в них Закона Божия. Он составляет главный предмет их, и все другие предметы должны

* Согласно «Правилам о церковно-приходских школах» от 1884 г. существовали школы одноклассные, где обучение велось два года, и двухклассные, где обучались четыре года — по два в каждом классе.

быть поставлены, по возможности, от него в более или менее тесную зависимость. По всей задаче и духу преподавания церковно-славянская грамота должна при-мыкать к Закону Божию, как ближайшее пособие для него и иметь значение непосредственное после него. При преподавании русского языка в церковно-приходских школах необходимо обращать исключительное внимание на изучение языка, а не задаваться побочными целями, например, сообщением учащимся различных сведений из окружающего мира (мироведение). Начальные сведения по Русской истории, составляя нераздельное целое со сведениями по истории Русской церкви, преподаются совместно... Из общего хода истории России учащиеся должны вынести твердое убеждение, что наша родина всегда была сильна своей православной верой и единой-державной царской властью, что когда оскудевала святая вера в народе или когда не было сильной единой-державной власти, русская земля подвергалась тяжким бедствиям и была близка к гибели...»

И т. п. и т. п. Преподают в церковно-приходских школах священники, дьяконы, иногда учителя (из крестьян, окончивших церковно-приходскую школу). Такие учителя обыкновенно прибегают к ручной расправе при занятиях с детьми. Мальчики не любят славянскую грамматику. Когда преподавание лежит на одном священнике, то дело в ней идет обыкновенно плохо (школа в Кобельше — «никудашная», по мнению крестьян: «батька день учит, а два нет»).

Какие обязанности нес Иван
по возвращении из школы

Пахал, учился косить, возил снопы, стерег лошадей — словом, во всем уже помогал отцу. Ходил на поденную, также отрабатывал взятые отцом у соседнего помещика «под заработки» деньги.

При найме пастуха мир обыкновенно с него «спивает» четверть, половину ведра водки. Случается, что «сопьют» с одного, да и оставят его на бобах, придравшись к нему за что-нибудь, а собственно, для того, чтобы «спить» с другого.

Если ребенок не в школе, то он зачастую пастух по найму. На каких условиях он нанимается в пастухи (собственно подпаски) у помещика, на каких в крестьянском обществе

В пастухи или, лучше сказать, подпаски нанимают мальчиков лет с десяти—двенадцати. Для найма подпаска к общественному («общественному») стаду суще-

ствуют такие условия: мальчику платит пастух (из своего жалованья) за все лето (шесть месяцев) семь—девять рублей деньгами, а кормится мальчик во все время своего найма из двора во двор. У кого «одна доля» — он столуется один день, у кого две — два и т. д. За одну долю считается корова; 10 овец — тоже одна доля. Телка первого поля считается за две овцы, телка второго — за четыре. (Сам пастух получает тридцать пять рублей за все лето, если стадо небольшое и требуется один подпасок, и пятьдесят—шестьдесят, если стадо большое и подпасков требуется два).

Перед началом пастьбы скота пастух собирает с крестьян яйца, по паре яиц с доли и по горсти моченца* (тоже с доли). Два раза в год (престольный день и Рождество) пастух собирает по одному «пирогу» с каждого двора. Кормится он так же, как и подпасок (по «чередам» или дворам).

Помещики нанимают подпасков за плату (на хозяйских харчах) от восьми—двенадцати рублей в лето. Восемь рублей получает подпасок при коровах, десять—двенадцать получает стерегущий лошадей мальчик, табунщик.

Заработки Ивана-подростка поблизости.
Батрачество. Условия найма в батраки у помещиков и у крестьян. Поденная работа у землевладельцев

Батрачество либо у крестьян, либо у священника, купца, помещика. И крестьяне и помещики платят батраку в лето, на хозяйских харчах, с марта по «заговенье», то есть 15 ноября, от двадцати семи до тридцати

* Моченец — лен или конопля, лубяные волокна которых отделены друг от друга в процессе вымачивания.

пяти рублей. Рабочему в год, тоже на хозяйских харчах, платят от сорока до пятидесяти пяти рублей. Всякому рабочему пишется у помещиков договорный лист, засвидетельствованный в волостном правлении, который хранится у нанимателя, а у рабочего есть книжка, в которую вписывается получка им жалованья, штрафы.

Штрафуют рабочих за пьянство, за прогул рабочего дня (самовольный), за порчу хозяйского добра (лошади, экипажа, молотилки) вследствие неосторожного с ним обращения, могущего быть засвидетельствованным очевидцами. Штрафуют и за грубость, сказанную хозяину. Штрафуют за грубость чаще всего купцы.

Поденная плата очень колеблется. В урожайный год рабочий день мужчины в рабочую пору оплачивается от двадцати пяти—пятидесяти копеек, а женщины от двадцати—сорока копеек. В год неурожайный в рабочую же пору платят мужчинам от двадцати—тридцати пяти копеек, а женщинам от пятнадцати—двадцати пяти копеек. Зимой рабочий день женщины от десяти—двадцати пяти копеек, мужчины от пятнадцати—тридцати копеек. Бабам-батрачкам платят в год двадцать четыре—тридцать шесть рублей.

Стоимость крестьянской одежды
(домашнего изделия)

Понева	от 1 р. 80 к. до 2 р. 50 к.
Коты	3 р.
Завесы (передник)	от 1 р. до 1 р. 50 к.
Рубаха женская	1 р.
Покромка	от 10 к. до 15 к.
Чулки	30 к.

Поддевка (крестьянское сукно)	5 р.
Валенки	1 р. 50 к.
Мужская крашенинная рубаха	50 к.
Портки (тяжевые)	50 к.
Лапти	от 15 к. до 20 к.
Валенки	2 р. 20 к.
Сапоги	7 р. 50 к.

Теперь уж поневы в некоторых деревнях выходят из моды, заменяясь сарафанами. В таких деревнях на бабах юбки, чулки, будничная поддевка, полушубок, рубаха, покромка домашнего приготовления, а остальное из фабричного материала. На мужиках домашнего производства будничный костюм: рубаха, портки, онучи, лапти, поддевка, тулуп, а в праздник мужик (особенно молодой) надевает ситцевую рубаху, ластиковые шаровары, жилетку (иногда пиджак и калоши даже) и сапоги бутылками.

Валенки валяют дома.

Время, близкое к женитьбе,
разговоры об этом

Разговоры в семье о предстоящей женитьбе малого — это тот же расчет. Для того чтобы сделаться настоящим мужиком («жителем»), надо жениться — иметь хозяйку. Для родителей малого эта «хозяйка» их сына — рабочая сила, которую они торопятся приобрести. «Пора уже тебе, мамушка, и перемену в доме» или «к печи», говорит какая-нибудь замужняя дочь своей матери (о всякой женитьбе или отдаваемой замуж первые заговаривают бабы, а не мужики; мужики только соглашаются с ними). «Пора, пора, дочка, да вот спутался Гришка с Дунькой Винокуровой а она и девка никудашняя, да и Гришку, того и гляди, Семен-то (отец Дуньки) в зятя переманит. Так-то и боишься Гришке слово об свадьбе молвить. Он только с Дунькой и стоит на улице...»

«Никудашняя девка» — это такая девка, которая плохо прядет, плохо ткет, плохо работает в поле. Некоторые девки «злые», «карахтерные». Другие — «добру хитры», третьи — «распутные», «шлюхи». Еще другие «хворые». «Девка-то она смирная, да хвора якая-то. Никогда цвету в лице у ей нет, да и глазки все чтой-то слезятся».

Девка должна быть «умная, здоровая, рукодельная и смиренная». «Работать куда ее ни ткни». Бывает, впрочем, что какие-нибудь пятнадцать—двадцать пять рублей, даваемые отцом «за девкой», заменяют и здоровье, и ум, и доброе поведение... Отцы и матери падки на это ужасно. Сами женихи на такое денежное приданое совсем не смотрят. Один мужик негодовал на жену своего брата. «Женить-то его женили, да жена-то никудашняя: ни прясть, ни шить. Вы сами знаете, из чего наш брат женится, из рубах да из портков...»

Есть ли в деревне особые специалисты по свадебным обрядам

Во-первых, певуны. В редкой деревне нет такой бабы, которая не знала бы лучше других все свадебные песни. Ее в качестве запевалы и зовут на свадьбы. За «величание» весь хор певиц, составленный, за исключением вот такой запевалы, из подруг невесты и ее родных и родных жениха, собирает деньги, которые потом делятся поровну, но деньги эти, конечно, очень малы, а идут запевать на свадьбах главным образом из-за «угощения» и водки.

Что касается до свах, сватов или поезжан, то их со стороны не бывает. В свахи зовут нередко самую опытную в таких делах родственницу, но специалисткой по такому делу в целой деревне ее назвать нельзя, так как она бывала свахой только среди своих родных. Вообще родственники и их почитание играют огромную роль во всех «торжествах» крестьянской жизни, на свадьбах, крестьянских обедах, поминальных и т. д. На поминальный обед зовутся, впрочем, и посторонние, так как «они помолят Бога за покойника», то есть поспособствуют его водворению в рай (это верование — в связи с мытарством души после смерти и т. п.).

С каких лет девушки сочли Ивана женихом, то есть таким малым, которого можно пустить на вечеринки или в «круг», которого можно «любить»

Это зависит вообще от внешнего вида, роста малого. Иногда рослого и видного шестнадцатилетнего мальчика считают уже вполне «женихом», который может любить, дарить девок, а иногда и восемнадцатилетнего, мало развитого малого не принимают в круги. Над маленьким ростом вообще принято смеяться. У всякого маленького мужика или бабы уж непременно есть прозвище: «пичуга», «гусек», «фунтик», «зверек» и т. д. «Маленькая собачка по век щенок», — смеются девушки над маленьким, неказистым парнем.

Времяпрепровождение Ивана-жениха:
когда обыкновенно малый сходится с женщиной;
как это случается и как на это смотрит сам малый
и вообще крестьяне (мужчины и женщины)

Прежде чаще встречались целомудренные малые и девушки, а теперь целомудренного малого уже не найти, да и девушек таких совсем мало. В шестнадцать-семнадцать лет малый обыкновенно уже сходится с женщиной. Случается это, при обыкновенных условиях, во время весенних и летних «улиц» или на «вечеринках».

С воскресенья на «красной горке» девки выходят в первый раз на улицу для песен и кругов, и с этого дня вплоть до зимы бывает по всем праздникам и даже иногда по будням на деревне «улица». Водят круги, в которых «ходят малые», выбирая девушек и целуя их, пляшут под звуки «жалейки» и гармоники. Танцуют иногда «по-дамски», то есть «кадрель», и, наконец, когда все старшие уже улягутся спать, кто хочет уходит в «конопи*», в кусты, за риги, в солому, и там уж дело доходит до связей. Приблизительно то же самое и на вечеринках: можно уйти в ригу, в сарай. Старшие, разумеется, нередко ругают и бьют дочерей за такие связи; малым же ничего за это не достается.

Малый, разумеется, смотрит на внебрачную связь гораздо легче, чем девушка. Очень нередко случаи, что бросают ту, «которую любили». Но очень часто внебрачные связи кончаются браком. В тех селах, где еще крепко держатся обычая «женить сыновей» и «выдавать дочерей замуж», а не давать им самим жениться, — молодые люди нарочно сходятся, чтобы закрепить свое намерение жениться. Отец и мать легче соглашаются на выбор своего сына, если он скажет им, что между ним и его избранницей есть уже «грех».

* То есть в заросли конопли.

Когда малый сходится с девушкой, он ее, понятно, уверяет, что возьмет за себя замуж. Изредка, почти сразу говорит девушке: «Хочу люблю, хочу нет», но это уже обыкновенно продукт городской жизни (московской). Девушка же большею частью надеется выйти замуж за того, с кем сходится. Если малый сосватал себе невесту, были уже «смотрящие» и «вино выпито», то даже старшие смотрят совсем снисходительно на то, когда жених и невеста сходятся между собою до брака. Последнее время это даже стало входить почти в обычай.

Если малый живет в батраках, то сходится с женщиной еще легче и обыкновенно с женщиной замужней... Если он живет в батраках у мужика, то с какой-нибудь из женщин — членов семьи, а если у помещика, то с какой-нибудь «стряпухой» (на рабочих), скотницей и т. п. Стряпухи на рабочих обыкновенно даже пользуются славой «гулящих». Я знала одну бабу лет тридцати, жившую в стряпухах (муж ее был в отхожем промысле), которая заведомо была в связи с восьмью рабочими зараз. Это, разумеется, может произойти только «на барских хлебах» (в возрасте начиная от шестнадцати и до сорока лет). И все ее любовники отлично знали, что их восемь. Иногда они, разговаривая (очень мирно) между собою, решали, что нужно общими силами проучить бабенку («отдуть ее хорошенько»), но этого не случалось — верно, она умела каждого умаслить...

Существует ли разврат.

Чем малый прельщает девушку и чем она его.

Чем дарит малый девушку, которую любит

Профессионального разврата не существует, но очень легко купить всякую бабу деньгами и подарком. Одна баба очень наивно признавалась: «Прижила себе на горе сына и всего-то за пустяк, за десяток яблоков!»

Бабы и девки очень любят ходить за яблоками в сады к съемщикам. Яблоки покупаются или, лучше сказать, меняются на яйца, а иногда на самоё себя... Нынешним летом был такой случай, что двадцатилетний караульный яблоневого сада изнасиловал тринадцатилетнюю девочку — и мать этой девочки (очень, правда, бедная) помирилась с обидчиком за три рубля. Дня два или три после того «кричала» эта бедная девочка и такой испуганный, забитый вид сделался у нее! Свидетельницами изнасилования были такие же тринадцатилетние девочки, вошедшие в шалаш караульного в тот самый момент, когда он совершал насилие, зажимая девочке одной рукою рот... Девочка потом рассказывала, что когда малый собирался сделать над ней насилие, то говорил ей: «Не бойся, ты ведь не затяжелеешь, тяжелеют только одни бабы», — а когда она хотела кричать, то говорил: «Не кричи, девочка, я тебе рубль дам».

Иногда весною, до рабочей поры, несколько баб и девок из одной деревни «подымаются» идти на богомолье в Воронеж или к «Сергию-Троице». Родители и мужья очень хорошо знают, что такое это богомолье, но несколько сговорившихся между собою баб и девок представляют собою силу, против которой трудно бороться. Идут, заночевывая Христовым именем по разным деревням, и чего, чего тут ни бывает. Один деревенский житель очень справедливо окрестил это богомолье «служением чернобогу».

Бывает часто и вытравление плода. Жена одного из помещиков помогала иногда бабам при трудных родах, давая им пить настой казацкого можжевельника (*Juniperus sabina*), который рос у нее в саду в достаточном количестве. С тех пор как на деревне прознали про свойство этого растения, чьи-то «невидимые руки» (по выражению помещика) постоянно обрывают у него все кусты можжевельника (по ночам), очевидно, для целей вытравления, потому что родильни-

цам помещик никогда не отказывает в настое из этого растения.

Случаи убийства новорожденных незаконных младенцев очень нередки. Родит баба или девка где-нибудь в клети одна, затем придушит маленького руками и бросит его либо в воду (с камнем на шее), либо в густой конопле, или на дворе, или где-нибудь в свином кутухе зароет. Родила раз баба (вдова) под самое Светлое Воскресенье, когда все были в церкви, и задушила ребенка. «Все равно окошел бы с голоду» (у нее было шесть детей, кроме этого ребенка), после чего скорее спрятала его в свой сундук и заперла на ключ, так как ждала, что вот-вот вернутся все из церкви. Все Светлое Воскресенье пролежала, говоря, что ей «шибко неможется». Ночью,

когда все улеглись спать, она взяла ведро (будто за водой идти), зашла с ним в клеть, вынула из сундука ребенка и положила его в ведро — и на пруд поскорее. В пруду она закинула ребенка (с камнем на шее) в воду и вернулась как ни в чем не бывало с ведром воды домой. Наутро она ушла из дому и нанялась где-то в стряпухи. Ребенка нашли в пруду через месяц, когда пруд стал усыхать, и баба попалась.

Попалась раз и девка, когда собака вытащила из конопли брошенного ею туда задушенного ребенка. В Мураевне (большое село) почти каждый год находят одного, а то и двух мертвых младенцев. Но редко дознаются, чьи они. Нынче свиньи выкопали у погоста посиневшего мертвого новорожденного: видно было, что ребенок только что закопан в землю. Дело осталось «без последствий». Крестьяне не любят дознаний и уголовщины, и если даже что и знают, то помалкивают. Так же смотрит на это дело и священник: «Случился грех, а с кем — Бог его знает. Чужая душа потемки — разве познаешься... Мало ли их, девок, гуляют...» Иногда отправляют незаконных детей в Москву, в воспитательный дом. В Мураевне есть даже такая баба, которая за некоторое вознаграждение отвозит в воспитательный «гулевых детей». К одному бездетному помещику пришла раз баба с предложением, не купит ли он ее ребенка: «Слыхала я, что тебе дитё нужно, ну думаю, и толкнусь, може и купишь. Он у меня гулевой, а муж скоро приде...»

Что способствует легкости нравов теперь сравнительно со стариною? Во-первых, заработки на стороне. Затем, пожалуй, большее общение с другими деревнями. Прежде жизнь всякой деревни шла в ней самой. Деревня работала на своего владельца и из этих рамок не выходила. А теперь крестьяне самых различных деревень встречаются на общей поденной работе у помещиков. Всякая девушка может пойти на поденную, куда ей угодно, и, таким образом, уйти от надзора своей родины.

Одновременно завелся обычай, которого не было прежде: парни ходят в хороводы в те деревни, куда только им вздумается. Также свободно приходят на деревню и батраки из соседних помещичьих усадеб: они тоже пришлый элемент в крестьянской «улице».

Такие парни, разумеется, могут совершенно безнаказанно ухаживать за чужими девушками, и им трудно наступить на хвост, так как они издалика. Да если и баба слюбится с барским батраком, который сегодня здесь, а завтра уж будет далеко, то это для нее безопаснее в смысле пересудов, чем если бы она была в связи с кем-нибудь из своих деревенских.

Легкость нравов способствует и отлучке мужей на заработки. Он себе там заводит «мамзелей», а жена может завести любовника и дома. Если она бездетная, то в отсутствие мужа нередко нанимается в кухарки на работников в помещичью усадьбу. А если у нее ребенок, то она целыми неделями гостит у своей «мамушки», которая, уж конечно, во всех обстоятельствах «прикроет» свою дочку. «Игры да прятки привели девку к Ваньке» (Ванявке). Поговорка.

По моим наблюдениям наибольшим успехом у девок пользуются те малые, которые «чисто ходят», то есть имеют жилетку, пиджак, сапоги бутылками и хороший картуз. Действует также на девок умение играть на гармонике, некоторые словца «вежливые или игривые» (теперь уже у нас каждую девку называют «барышней» на улице), пожалуй, некоторая ловкость. В прежние времена костюм парней не имел такого значения, как теперь: прежде любили «кудрявых, да румяных, да веселых», не глядя на то, что они обуты в лапти.

Девки на улице любят непременно веселых, таких, которые умеют плясать и за словом в карман не полезут. По мнению одного помещика, чем неприличнее себя ведет девица в кругу, тем больше успеха она имеет. Теперь, впрочем, всякая девушка имеет своего малого,

«кого любит» или «с кем стоит», — его она и поджидает в хороводе. Он ее «выбирает», он и «дарит ее» то бумажным платком, то дешевым кольцом или серьгами, то куском розового мыла или «духовитого мыла», то гостинцами — подсолнухами, жамками, рожками.

Девки тоже иногда дарят парней гостинцами (обыкновенно, когда «проводжают» их после окончания «улицы») или шьют им из разных тряпочек «кисеты» для табаку. Замечательная черточка: бабы и девушки «проводжают», а не наоборот: малый даже до порога избы не проводит свою девушку, а девушки проводят и своих малых, и женихов. Так и в песнях поется.

«Улица», вечеринки, на каких основаниях устраиваются вечеринки, что там, собственно, делается

«**Н**а улицу» собираются девки со всей деревни и отчасти молодые бабы, особенно такие, у которых мужья в отсутствии. Нарядятся и выйдут на выгон (в некотором отдалении от «порядка»). Бывает это обыкновенно уже в сумерки. Начинают с какой-нибудь протяжной или круговой песни. Приходят не только свои, деревенские, но и из других деревень. А если поблизости деревни находится барский двор, то барские батраки одними из первых являются на улицу, вместе со стряпухами, скотницами и т. п. Являются с гармошками или дудками, под звуки которых попозднее, уже разгулявшись, пляшут.

Чем лишее пляшет баба или девка, тем больше она «приговаривает» («мой муж черноус, я его не боюсь», «горе, горе, муж Григорий, хоть бы худенький, да Иван», «я милого недолюбливала, целовала, приголубливала» и т. п. до бесконечности). Бабы, так те, ко всеобщему увеселению и удовлетворению, такие присказки иной раз «выговаривают», что слушать стыдно.

Чем дальше в ночь, тем меньше становится круг. Под звуки гармошки пляшет какой-нибудь один, а то и два «зарядившихся» в потайном шинке малых, а остальные «с теми, кого любят» расходятся по коноплям, кустам, за риги... (Очень скоро прерываются крестьянские романы — коли деревенская девушка сойдется с барским батраком: господа норовят брать батраков издалека, верст из-за пятнадцати—тридцати, и всякий роман должен кончиться вместе со сроком парня у помещика...) Девки и бабы никогда не ходят в чужие деревни на «улицы». Гуляют, то есть продолжается «улица», иногда часов до двух утра, и это в рабочую пору. Поспят часик, другой, а потом и в поле.

На днях я услышала песню, которая поразила меня тем, что в нескольких словах очерчивает все то, что я записывала на основании наблюдений и расспросов. Привожу эту песню, как очень характерную для нравов. Она плясовая, играют ее на «улице»:

Вы не ждите, девки, время —
Гуляйте теперя,
Осень замуж отдадут.
Такой воли не дадут.
Навалится муж негодный,
Будет измываться.
Станет, будет измываться,
Все мною поношаться.
Не тебя ли, шеголь Ваня,
Я тебя любила,
Околь печи в рогачах,
Ваню хоронила,
Чтобы батюшка не знал,
По чуланам не искал.
Ходил, шуркал по чуланам
Нашел около печи,
Около печи, в рогачах
Ухватил за плечи.

Детинушка стосковался,
Некого любить:
Жену мужнюю любить —
Надо золотом дарить,
А солдатку-то любить —
Солдатке живой не быть,
Красну девицу любить,
Надо щегольно ходить.

«Вечорки», «вечеринки» происходят так: девушки стогвариваются с какой-нибудь вдовой или одинокой солдаткой, и та за освещение (один или два фунта керосину) пускает их в свою избу. В «вечорках» участвуют девушки, солдаты и женщины, у которых мужья в отсутствии. К слову: бабы (особенно однолетки) всю жизнь называют друг дружку «девушка», а мужики «малый». «Я, деушка, говорю ему...», «Эх, малый, какая эта угошенья». И «деушка» и «малый» оказываются бабой и мужиком лет по пятидесяти.

Каждой вечеринкой заведует «староста». В «старостах ходит» либо кто-нибудь из ребят, либо какая-нибудь вдова или солдатка. Малые приносят с собою водку, гостинцы (жамки, подсолнухи, яблоки, леденцы, баранки) и угощают девушек и хозяйку избы. Девушки приходят первые и заигрывают песню, а затем уже являются ребята. Поют песни, пьют, едят, пляшут, играют в карты (дурачки) и в игры «монахи», «суседи», «казачки» и т. п. Все эти игры сводятся к поцелуям.

Например, «суседи». «Староста» размещает мужчин и женщин на лавке попарно, по своему усмотрению, затем подходит к каждой паре и спрашивает у малого и у девки, «в согласье ли он» или она со своим «суседом» или «суседкой». Если, положим, девушке не нравится ее «сусед», она может потребовать себе в «суседи» другого малого. Тогда староста говорит: «Ну, теперь вы в согласии, так уберите мне две нивы ржи» или «Отмерьте мне десять аршин тесьмы» (означает два или десять поцелуев).

«Монахи». Один из парней (а за ним другой и третий и все по очереди) уходит в сени, а затем стучится в дверь избы. Староста ему открывает дверь: «Игумен, игумен, дай-ка мне монашку». — «Каку тебе монашку?» Парень шепчет старосте на ухо, какую ему девушку надобно. Тот ему подводит, и в сенях за закрытыми дверями молодые люди целуются. И т. п.

Иногда вся вечеринка кончается буйством разгулявшихся ребят; бьют окна, горшки, посуду — вступают в драку друг с другом. Достается иногда и хозяйке избы.

Представления малого о женской красоте

Представления о красоте очень примитивны. Женщины в нашей местности безусловно красивы, рослы и лет в пятнадцати-шестнадцати недурно сложены (после шестнадцати фигуры у них портятся, благодаря тяжелой работе). Чем раньше выходит замуж девушка, тем скорее она приобретает отцветший, изможденный вид.

Наиболее распространенный тип — это очень правильные лица с темно-серыми (иногда удивительно красивыми) глазами, темными бровями и ресницами и темными волосами. Кожа смугловатая. Настоящие блондинки чрезвычайно редки. Чаше попадаются черноволосые, черноглазые женщины. Но самые красивые женщины не считаются среди крестьян таковыми. Вообще при выборе невесты или любовницы крестьянский вкус совсем не сходится с нашим. Нам нравятся строгие или чистые линии и очертания, а всякий мужик предпочтет дебелую, расплывшуюся девку или бабу.

Надо, впрочем, сказать, что в выборе жены или любовницы случайность у крестьян играет гораздо большую роль, чем самый вкус, которого иногда, в сущности, и нет вовсе: удивительно неприхотливы некоторые малые и мужики. Не любят бледных (без румянца). Недолюб-

ливают также «сурьезные» лица: «дюковатая», «смотрит дюком», «угрюмая». Надо, чтобы женское лицо было открытым, веселым. Очень любят черные брови. У малого девки очень любят кудрявые волосы и тоже черные брови. Высокий рост («большой малый», «большая девка») очень ценится. «Тушная девка, здоровая девка, чернобровая, румяная, веселые глаза» — все это комплименты девке.

Щечки алы, брови черны,
Развеселые глаза —
Д'уж и где же красота эта взята?
У Иванушки на головушке
Вились кудрюшки, завивалися.

Малые, пожившие в городе, нисколько не требовательнее тех, которые города не видали. Часто даже наоборот.

В одной деревне (очень глухой) был такой случай: выдали родители замуж беременную девушку, чтобы ее грех скрыть. Когда родился ребенок, то вся семья мужа ополчилась на него (ребенка). Сам муж был смирный, «с простинкой» и не попрекал жену ее девичьим грехом, но родные не давали ей проходу и в конце концов заявили: «Чтобы ублюдка твоего, щенка паршивого не было бы. Умори его». Требование это было так настойчиво (бедную женщину бил ее свекор, свекровь тоже не давала ей свободно вздохнуть), что молодуха исполнила его: «наскребла» спичечных головок в соску и ребенок умер. Преступница попала под суд, но была оправдана.

С «распутевыми» девками или бабами чинится иногда расправа. «Распутевой» называется такая девка или баба, у которой несколько любовников. Такие любовники стовариваются иногда поучить свою любовницу и, если она девка, мажут ей ворота дегтем, а если она баба, бьют ее. Побьют ее, затем подымут ей рубашку на голо-

ву, свяжут ее (так, что голова женщины находится как бы в мешке, а до пояса она голая) и пустят так по деревне. Девка, у которой один любовник, уже не считается по нынешним временам «распутевой», и ей ворота дегтем не мажут.

На одной ярмарке я видела такую сцену. Шла баба (вдова) со своим пьяным любовником. Любовник этот (барский батрак), разумеется, пилил на гармонике. Она сама была выпивши и направлялась опять к кабаку, чтобы пить. В это время к ней подскочила ее тринадцатилетняя дочь и стала ее упрекать, зачем она деньги в кабак тащит — себя срамит. За это пьяный любовник так отдул несчастную девочку, что смотреть было жалко, и хоть бы кто-нибудь из мужиков вступился за девчонку. Только бабы подняли крик...

Что Иван делает с товарищами: пьет ли и как пьет, когда попробовал в первый раз водку, ради чего пьет он. Гульба «годных»

Что касается до выпивки и вина, то на них, разумеется, все падки. Одна свадьба сколько вина съедает! Я сама видела, как на свадьбах подпаивали девятидесятилетних девочек и заставляли таким способом их плясать, к всеобщей потехе. Говорят, что подпаивают «для потехи» и мальчиков. Малые в большинстве случаев начинают пить из удалства. Есть случаи, когда от молодых «Иванов» обычаем *требуется* пьянство. Это бывает перед призывом.

Малые, которые должны поздней осенью ехать в воинское присутствие, называются «годными». С окончания рабочей поры вплоть до своей явки в город малый должен гулять. На эту гульбу родители выдают ему деньги, когда у него уже своих не хватает. Все «годные» одной деревни гуляют гурьбой, вместе. Малому «бесчестно»,

если он отстанет от товарищей, и, чтобы этого не случилось, он ставит ребром последнюю свою и родительскую копейку. «Гуляют» и в трактире, и на улицах, и, надо сказать, безобразят ужасно. У каждого «годного» должна быть непременно гармошка, на которой он и пилит иногда целую ночь напролет, вплоть до солнечного восхода. «Годные» с такой музыкой, да еще с пьяными песнями всей толпой бродят по селу, выбивают стекла в окнах, позволяют себе все самые неприличные шутки — и это им прощается. «Что это за скандал на улице?» — «Да годные гуляют»... И это слово («годные») все объясняет и оправдывает. «Годные» очень часто ухитряются играть в орлянку («в орел»), хотя эта игра у нас преследуется властями.

Легче всего, конечно, всякому малому напиться в первый раз в годовой праздник. У нас годовой праздник — Михайлов день, и в этот день весь приход поголовно пьян. В урожайные годы «гуляют» целую неделю, а в неурожайные все-таки ухитряются попьянствовать денька три. Основательно также пьют на Масленицу. В эту неделю все ездят к своим родным в гости, катаются. Весной тонут в оврагах — «в полую воду закупался», попадают под возы — опрокинется воз на пьяного мужика, тут ему и конец. На Рождество и Пасху пьют значительно меньше.

Малый может впервые напиться пьяным и во время «улицы». В каждой уж деревне есть непременно потайной шинок, содержимый какой-нибудь вдовой и который бойко торгует во время «улицы». Пьют «шкаликами». «Выпил шкалик». При умеренной выпивке выпивают по два-три шкалика сразу. Шкалик — средней величины стаканчик. Мужики, по их словам, пьют иногда, «чтобы горе забыть», «чтобы забота с плеч». Собственно, водка уже делается для них нередко потребностью.

При сходах постоянно «спивают с кого-нибудь». Мужик считает угощение (в гостях) хорошим только тогда, когда там было достаточно водки. «Пусть лучше водка будет да сухая корка, нежели там блины, да курятина, да жамки, да без водки». Всякий мужик, разумеется, охотнее пьет в гостях или шинке, чем дома. При существовании потайного шинка в деревне — дома совсем не пьют (за исключением свадеб и крестильных обедов).

Пьют при первом помоле «новинки» у мельника. Мельник всегда держит у себя водку. За водку ему, разумеется, платят зерном. Общее пьянство бывает еще при работах у землевладельца «за угощение» (работы эти по большей части — либо покос, либо извоз в город). При таких случаях нередки страшные драки и увечья или даже убийства друг друга косою. Пьют в городе, когда продадут там овес. Нечего уж говорить, что солдатство приучает к пьянству.

Иногда, когда в компании пастухов (то есть стерегуших лошадей) окажется два-три малых побольше (лет шестнадцать-семнадцать), они подучают младших, воспользовавшись отсутствием их родителей, украсть у них водки, которая затем выпивается сообща. В такой выпивке участвуют десяти-двенадцатилетние мальчуганы.

Когда встает мужик

Врабочую пору очень рано*. Молится: «Господи Иисусе Христе, во имя Отца и Сына и Святого Духа — аминь» (поклон в землю). А иногда прямо идет на работу и только по дороге крестится. Вечером же перед сном «и Богу молится, и спать валится». Спит часа два-три. Натощак идет в поле и косит (как только начнет заниматься заря). Иногда косят хлеб в месячные ночи — чтобы он не слишком осыпался («с росой да с холодком»).

К семи-восемью часам мужик возвращается домой и завтракает (картошка, хлеб). В рабочую пору мужики охотно пьют водку (для подкрепления) за завтраком, обедом и ужином (по шкалику, по два). Если в деревне есть шинок, то, позавтракавши и направляясь в поле, мужик туда заходит и там выпивает свой шкалик. После завтрака мужик опять в поле — до обеда (12 часов дня). «В обеде» он ест щи, кашу или опять-таки картошку и хлеб. Щи, разумеется, без говядины — с одной капустой. Иногда их забеливают сметаной или просто сливками. Картошку крошат в квас, прибавляют туда лук. Каша — пшенная, либо на молоке (жидкая «кулёш»), либо крутая (тогда ее едят с «конопным» маслом). После обеда мужик отдыхает, затем опять в поле, причем берет с собою хлеба,

* Разница между зимою и летом: зимою — почти полное безделье и сплошной сон на печи, а летом непомерное напряжение всех сил. — *Примечание автора.*

чтобы «полудновать» (часа в три-четыре-пять). К темноте возвращается домой, где в 9 часов вечера приблизительно ужинает.

Ужин — тот же разогретый обед. Иногда похлебает снятого молока. В праздник мужик спит дольше, так, чтобы встать только перед обедней. (В рабочую пору, впрочем, когда жарко и надо торопиться с уборкой хлеба, чтобы он не осыпался, мужик работает и по воскресеньям.) К началу обедни он поспевает в село. Иногда еще до начала обедни поспевает завернуть в шинок и «пропустить» шкалик, другой.

Не думаю, чтобы он думал о службе и о Боге в церкви — слишком много других забот, особенно в рабочую пору. Он побаивается немного попа, который любит говорить проповеди и в церкви обличать своих прихожан в лени и нерадении к Божьему храму (иногда прямо указывая на нерадивых прихожан и припоминая разные их грешки). По окончании службы «тверезые» мужики идут домой, а многие направляются в шинок, где напиваются пьяны (все «гуртом»). Более трезвые мужики дома обедают, потом отдыхают и затем до вечера «сидят так», разговаривая о своих делах друг с другом, об уборке хлеба и тому подобном. Впрочем, и у себя дома, в своей деревне есть где напиться, так что редко кто не выпьет в праздник. Вечером жены ощущают на своих спинах и боках вино, выпитое мужем, и затем все успокаивается. Наутро, конечно, голова болит.

А зимою мужик встает часов в шесть. Задаёт корм скотине. Иногда молотит. Плетет лапти на всю семью, а остальное время лежит на боку и спит. Блины, убойна, драчена*, пышки, соломата**, калинник, оладьи, ши

* Драчена — блюдо из ржаной и пшеничной (или гречневой) муки с добавлением яиц, масла и молока, считавшееся лакомством.

** Соломата (саламата) — кисель или жидкая каша из муки с салом или маслом.

с солониной — все эти кушанья фигурируют на крестьянском столе только в годовой праздник, на свадьбе или на крестильном обеде.

Как делаются предложения девушкам

После нескольких встреч во время хороводов, вечеринок, игр, оставшись наедине с нравящейся ему девушкой, парень спрашивает: «Пойдешь за меня замуж?» Редкая девушка на это не ответит сначала: «Вот еще что вздумал!» Причем еще и смеяться начнет, закрываясь платочком или отворачиваясь от парня. Иная похвастается, что ее туда-то сватают и т. п.

«Нет, ты не вертись, а скажи путем — идешь за меня замуж аль нет? Коли идешь, я за тобой сватов пришлю». И т. д.

В конце концов девушка тихо отвечает: «Иду» (если ей парень нравится).

«Ну, то-то! Так-то ты мне понравилась, Аннушка, — тебя буду, значит, сватать и боле никого!» Может следовать за этим поцелуй, от которого Аннушка будет, конечно, отбиваться и т. п. Происходит это все за каким-нибудь углом двора, или за ригой, или в скирдах. Уславливаются, когда прислать сватов.

Если парень и девушка в связи уже, то дело происходит несколько иначе. После свидания (настоящего) где-нибудь в коноплях или в скирдах малый говорит: «Что ж, Матрена, аль посватать тебя! Думаю, тебя и дома с радостью примут — неплохая ты девка ведь!»

Матрена: «Знамо хорошо бы венец принять: как-никак, а грех так-то! Не поблюла я себя, не пожалела для тебя, — а каково-то мне? Ты же меня улещал, что замуж возьмешь... Ежели затяжелеешь, что тогда, что тут делать? Прямо камень на шею да в реку!» (Слезы на глазах.)

Малый: «Ну, ну, не рюмь, — нешто я от тебя отказываюсь? Поговорю с отцом с матерью и сватов за тобой пришлю!»

Матрена: «Мотри же, Ваня, я в надежде буду!». И т. д.

Как улещают

Гумно, омет соломы, под ним в примятом местечке парень и девушка. Парень хочет обнять девушку.

Матрена: «Ну, тебя. Не тронь, отстань, закричу я!»

Иван: «Глупая, да нешто я тебе что плохое сделаю... (Волнуясь и хватая Матрену за подол.) Матренушка, дай поиграть, матушка, — честью тебя прошу! (Все более и более волнуясь.) Полушалок я тебе во какой куплю, сватать тебя буду. Жив не буду, коли замуж тебя не возьму!»

Матрена (делая попытку вырвать свой подол, почти хнычет): «Ну, ты, уйди прочь, отстань, не греши!»

Иван: «Да какой же грех, коли мы венцом прикроем?» (Обнимает Матрену окончательно.)

Матрена: «Стра-ашно!»

Чем руководятся женщины и невесты, вступая в связь ранее брака? Какие предлоги для этого требуются?

Руководятся только тем, что «вино выпито», жених и невеста уже благословлены образами на сговоре, сделан уже расход на сговор и, следовательно, дело почти наверное не разойдется. При таких условиях девке не страшно отдаваться своему нареченному, если к тому расположит какое-нибудь поздно закончившееся игрище, теплая ночь или удобная минута, когда можно скользнуть в свою ригу или хатку...

Когда случается, что жених отказался от невесты после сговора или невеста от жениха (чаще отказываются невесты, так как они чаще еще идут замуж по благоусмотрению родителей и в последнюю минуту устрашаются), то отказавшаяся сторона по иску обиженной стороны выплачивает штраф. Размер этого штрафа колеблется от десяти до двадцати пяти рублей и утверждается мирским приговором.

Только ли потому обидно выйти за старого, что он скоро помрет, или тут инстинктивный подбор. Отчего не любят ржиких

Бог знает. Вероятно это только одна из причин, а другая кроется в какой-то дальней традиции, по которой муж и жена должны быть «ровнями». Мне кажется, что это что-то очень древнее, до корней которого и добраться трудно! Может быть, когда-нибудь тут играл роль и инстинктивный темный подбор. Мы не знаем ведь, в каких условиях жили «предки» в доисторический период. Во всяком случае, у нас еще до сих пор невесты кровно обижаются на «старого» (лет на шесть—восемь старше) жениха, плачут и убиваются, если по родительскому усмотрению им надлежит выйти за такового, а подруги над ними смеются.

Между тем какой-нибудь восемнадцати-двадцатилетний малый и не думает обижаться, что будущая его подруга жизни на два, а то и на четыре года старше его. Нынешней осенью я опять могу назвать два брака (только два брака и было всего в нашей округе), когда малые восемнадцати и двадцати лет женились на двадцати-и двадцатилетней девках... Эти черточки, конечно, относятся до таких малых и девок, которые не жили или мало жили в городе. Что касается до втянувшихся

в городскую жизнь «Иванов», то, может быть, у них развился другой взгляд.

Относительно осколков старины известно, что сохраняется до сих пор немало совершенно доисторического: жива еще песня о том, как невеста велела своим братьям резать своего жениха (возлюбленная — милого) и устроила пир, напекла из его тела пирогов, накурила из его мозгу вина и т. п.

Живо еще опахивание деревень от мора, просят прощения у матери сырой земли и т. д. и т. д. Вероятно, и рыжих не любят потому, что им приписывали в старину какие-нибудь особые неудобные для домашнего обихода свойства. Из расспросов я могла вывести заключение, что их считают втайне коварными и злыми.

Все это, во всяком случае, дебри старины!

Что делает Иван в первые дни и время после женитьбы. Его жизнь в семье в это время. Отношение к нему и жене в это время семейных. Пользуются ли молодые в это время какими-нибудь поблажками в работе, в спанье, в пище и прочем. Отношение Ивана к жене в первые дни. Интимные разговоры.

«До трех дней» молодожен — «князь молодой». Все семейство с ним помягче. «Если не ради него, то ради молодой увага делается». «Садитесь, мол, молодые, вы там уж старики как хотите, а это у нас молодые!» Поблажка бывает только на три дня гулянья (в спанье и еде, например), а после работают, как и другие. Даже говорят молодому: «Ты был молодым, а теперь уж старик стал, женой обвязался, ну и работай». С молодой бывают помягче, так как она вступила в новую семью, которая на первых порах ее побалывает, «кормят получше». Таким образом, поблажка состоит в прикармливании будущей работницы,

в трех днях гульбы и в месте спанья. Молодым разрешается спать вне избы, пока тепло: в риге, в кладовушке.

«Я, грешница, — говорит одна баба, недавно женившая своего сына, — послушала потихоньку, что они промеж себя в первую ночь шепчут. Наигрались уж, знать, — тихо лежат. Я уж думала, спят, а потом вдруг Ванька и говорит:

„Акуль!“

„Чево? “

„А ведь не чаял я, что ты за меня замуж пойдешь! “

„Что так? “

„Да вывели тебя на смотрёнках, хорошая ты такая! Румяная да чистая, а я корявый да косой... Так я и думал: откажешься ты“.

Вздыхнула это все-таки она и говорит: „А вот и вышла... Что ж, может, ты лучше меня жалеть станешь за мое хорошство“.

Посмеялась я. Смирная она у меня бабенка. Думается, лучше и не надо... Разумеется, Ванька мой нехорош с лица. Хоть и свое детище, да уж скажу правду, и старенек по такой (ему двадцать два года) бабенке: он уж от призыва отошел, а ей всего семнадцать годков. Да только сирота она — бедность... Ничего при ней нет, что и было, то прошлый год погорело, в одних рубашках они с матерью повыскакали, да и живут по фатерам с той поры. А мы, слава Богу, свой хлеб едим! И, нечего сказать, смирный мой Ванюшка, да и работник...»

В первые дни после свадьбы молодая разбирает в разговорах с мужем его семью, расспрашивает о всех отдельных членах ее, иногда она опасается за будущее и т. п. Обсуждает «порядки» в доме своего мужа. Если жена нравится своему молодому мужу, то он, разумеется, ее успокаивает, старается ей объяснить как и что, как нужно «обойтись» со свекром и свекровью и т. д.

Из разговора двух баб:

— Слыхала, барский табунщик Илья женился?

— Врешь!

— Ничего не вру. И девку какую хорошую взял: из Сергевки!

— Да он ведь Настасью сватал?

— Мало что: сватал, да она за него не пошла. «Не пойду, говорит, за пьяницу». Вчерась приходил к барину за расчетом: «Поздравьте, говорит, меня: я женился!» А сам плачет и кулаком слезы утирает. Очинно уж он Настьку полюбил, об ней стосковался. От барина пошел, встретились они с Настькой на гумне, разговорились. Парню жалко девки — девке жалко парня! Плачут и целуются.

— Грехи-и!

— Так-то и говорится недаром: поиграть одно дело, а замуж выйти другое!

Процент незаконных рождений и убийств.
Процент смертности детей, и когда бывает он
наивысшим (отчего)

Процент незаконных рождений у незамужних, в сущности, очень невелик в сравнении с «нечестными» девушками.

В большом селе Б. (около 1200 душ) один или два и даже три раза в год такой скандал с девушками случается. Таких детей отправляют в Москву, но случаются и убийства. Так, в течение последних четырех лет было два заведомых детоубийства в этом селе и его приходе — когда матери попали под суд. (Приговорены были к нескольким месяцам ареста.)

На деле убийств, конечно, больше. Надо принимать во внимание и незаконных детей солдаток или просто замужних женщин. Незаконность таких детей часто известна только самой семье, и в недрах семьи легко могут происходить такие убийства детей, которые невоз-

можно вывести на свежую воду. Мне всегда подозрительны «засыпания детей»: так легко нарочно придушить маленького ребенка, навалившись на него, якобы во сне.

Смертность детей бывает наивысшая летом, Петровками, и особенно в рабочую пору, когда беспризорные дети питаются кое-чем и кое-как, когда они едят и огурцы, и незрелые яблоки, и всякую зеленуху. Главная причина смертности дизентерия — понос. Что касается до процента смертности, то в большинстве семей умирает более половины всех рожденных детей. Редкая баба не родит восьми, а то и десяти, двенадцати ребят, а из них остается в живых три-четыре.

Подлежат ли убийству гулевые дети или все вообще. Совершается ли убийство под влиянием стыда, страха или экономических соображений. Отношение к детоубийству женщин и особенно мужчин

Не все, а гулевые, конечно. Хилого, мучающего свою мать ребенка не убьют, хотя жаловаться будут на его существование и ежеминутно призывать смерть на него.

Убийство совершается и под влиянием стыда и страха, и по экономическим соображениям. Девушка конечно, скорее всего, убьет своего ребенка под влиянием стыда. Замужняя женщина, солдатка под влиянием страха перед мужем и семьей, а вдова, обремененная детьми, — по экономическим соображениям*.

* См. рассказы о том, как отравила спичками своего незаконнорожденного младенца молодая замужняя женщина (под давлением свекрови) и как утопила в пруду своего ребенка (незаконного) неимущая вдова, живущая по местам. — *Примечание к изданию «Жизни „Ивана“» 1914 г.*

Старые старухи очень безжалостно и хладнокровно относятся к убийству мешающего и обременительного незаконного «шеника», а молодые, конечно, с усилием и «надрывом» убивают своих детей тогда, когда стыд или страх затемняет им соображение или когда невтерпех от тех мук, которые переносят они и несчастный незаконный малыш.

Мужчины, я думаю, по моим наблюдениям, часто просто не знают о таких убийствах, — среди их семьи даже, а если и догадываются, то изображают собою «моя изба с краю, я ничего не знаю; бабы там чего-то путают, проклятые, ну да Бог с ними — мне-то что...» (Так, наверное, рассуждает мужик, отгоняя от себя мысль о том, что именно и как делают бабы.)

У Толстого удивительно схвачены черточки крестьянские в таких случаях: наблюдаешь крестьянскую жизнь, присматриваешься к ней — и все это так, как у него представлено: жестокость старой Матрены, иступление Ани-сьи... Все это настоящая крестьянская жизнь, как она есть на самом деле.

Через сколько времени после родов
сожительствуют мужья со своими женами

«По закону» надо бы подходить к жене только после шести недель после того, как родильница возьмет очистительную молитву. Но это редко бывает. После первого ребенка муж иногда поберегает жену, а уж после второго и третьего, конечно, нет. Если выпьет (под пьяную руку), то довольно часто через неделю уже начинает жить с женой, а нет, так недели через две-три, что уже совсем обыкновенно.

Вообще соительство Ивана с женой в тесной связи с его сытостью или голодом, а также с выпивкой вина. Отъевшийся осенью Иван, да еще после «шкалика»,

почти всегда неумерен. А Иван голодный, в рабочую пору, например, собственно, не живет с женой. Жену, конечно, не спрашивают о ее желаниях: «Аксинья, иди-ка сюда» — и все тут. А жена уж по интонации знает, «чего нужно» мужу.

Что и как поет мать над люлькой,
как вообще укачивает детей

Ходячие колыбельные песенки:

Баю, баюшки, баю
Баю дитятку мою,
Не ложися на бочок, —
Придет серенький волчок,
Он утащит во лесок.

или:

Баю, бай, баю, бай
Не ложися ты на край,
Придет серенький волчок...

и т. д.

Баю, баюшки, баю,
Колотушек надаю...
Колотушек двадцать пять —
Будешь лучше, крепче спать.

или:

Баю, баюшки, баю,
Живет мужик на краю;
Он не скуден не богат,
У него много ребят,
Все на коничике сидят,
Все соломинку едят.

или:

Баю, бай, баю, бай,
Спи, усни, спи, усни,
Угомон тебя возьми...

Раскачивают люльку ногой (в руках какое-нибудь шитье). Когда заставляют качать люльку маленькую девочку, то случается, что от сильного раскачивания ребенок вылетает из люльки. «Машка, полегче, дура, мотри вывернешь его на землянку!» — обычный окрик на девочек.

Последняя песенка самая обыденная (Баю, бай, спи, усни, угомон тебя возьми). Сами бабы говорят: «Некогда тут прибирать баутки — и без того заботы много. Только и скажешь — бай да угомон тебя возьми. Коли ежели уж дела мало, да об детях раздумаешься, да горе возьмет на их глядя, тут другой раз зачнешь прибирать, да редко...»

Баю, баюшки, баю,
Баю дитятку мою...

VI. Пропивание невесты, смотрёнки, свадьба

Самой средней руки свадьба обходится мужику рублей в пятьдесят. Сватает за сына мать с бабкой, или с теткой, или с крестной матерью. Приходят в дом невесты. Здравуются с матерью невесты (которая обыкновенно, уже зная о приходе свах, ждет их в избе). Смотрят на матицу*: «Нам за матицу перейти надо» (означает, что хотят сосватать невесту). «Что ж, хорошее дело». — «У тебя дочка, а у нас сыночек». — «Ну, что ж, в добрый час». — «Мы не шутим». — «И я не шучу. Что ж, я согласна — отца пойти спросить».

Идут за мужем. Посоветовавшись с ним в сенях, приводят его к свахам. Повторяется тот же разговор (свахи все время стоят недалеко от дверей избы). «Мы согласны — дочку пойти спросить».

Идут за дочерью, которая тем временем уже успела надеть почище сарафан и платок. Спрашивают ее в сенях — желает ли она идти замуж за такого-то. «Как вы, батюшка и матушка, желаете».

Приводят девку. Свахи осматривают ее. Родители девки говорят: «Что ж, можно и винца выпить». Выстав-

* Матица — в русском доме брус, поддерживающий потолок. Проекция матицы на пол служила своего рода границей между внешней и внутренней частями жилища.

ляют на стол бутылку вина и свой хлеб. Свахи ставят свою бутылку вина и свой хлеб. Девка уходит. Садятся, пьют вино и закусывают, причем условливаются о «поклаже» невесты и о «дарах» невесты жениху.

Если мать и отец невесты решили спровадить свах (не отдать дочь), то они запрашивают несоразмерную «поклажу». А если свахам не понравилась невеста, то они и вина не пьют: после ухода невесты — тотчас же уходят сами, ссылаясь на то, что они еще подумают, посоветуются с домашними и женихом и т. д.

После того как уговорятся о «поклаже» и дарах и выпьют вино — девушка «пропита». Между свадьбой и смотрёнками жених может несколько раз «проведать вечерком невесту». Приносит водку и угощает свою будущую родню. Невесте он приносит гостинца. Невеста каждый раз после того *проводжает* его до какого-нибудь перекрестка. Тут просватанные нередко вступают в связь.

Через несколько времени после того (недели через одну-две) — назначаются смотрёнки («сговор», «запой»). Жених, то есть его родители, заготавливают угощенье (блины, жареная курица, пирог, огурцы или моченые яблоки, жамки, баранки, подсолнухи, водка). Все это укладывается в сундук и берется с собою. Жених и вся его родня едут к невесте. Входят в избу. Мужчины вместе с женихом садятся на одну лавку. Поодаль от них, на другую лавку, садятся женщины (тоже женихова родня). Сундук с угощеньем ставится около печки.

Невеста в это время одевается в лучший свой наряд. Затем ее выводит за руку замужняя ее сестра или невестка. Невеста кланяется жениху и его родне, целует всех баб. Жених и родные встают с лавки. Невесту ставят против жениха. Платок на голове невесты завязан так, что лицо ее в тени. Родня жениха осматривает невесту очень внимательно. «А не хромая она у вас?» Сестра или сноха невесты проводят ее по избе. Предлагаются и другие вопросы (о глухоте, например). Затем будущие свекор

и свекровь подходят к девушке. «Что ж это она у вас так подвязана? Глаз не видать — не кривая ли она?» Сестра невесты открывает ей лицо. Если невеста бледная, спрашивают, отчего она бледна, не «хворая» ли.

Если невеста понравилась, то мать жениха повязывает ей голову привезенным на этот случай платком, а отец жениха кладет ей на темя какую-нибудь монету (иногда даже рубль). После этого отец и мать отводят в сторону своего сына, а девушку в другую сторону отводят ее отец и мать. Спрашивают жениха, нравится ли ему невеста, а невесту, нравится ли ей жених. Если нравится ответ таков: «Вам, батюшка и матушка, нравится, и мне тоже». После этого ставят жениха и невесту рядом и благословляют их образом. Сначала отец и мать жениха, затем отец и мать невесты, затем крестный отец и крестная мать жениха и т. д. Жених и невеста кланяются в ноги благословляющим и целуют икону.

После этого жених и невеста идут, держась за руки, либо в другую избу (если в крестьянском дворе две избы), либо к соседу. Там уже накрыт стол, и все приготовлено в ожидании их. Во время этого перехода в другую избу жених имеет право пощупать свою невесту, особенно если ему показалось, что у нее какой-нибудь физический недостаток. Тощие невесты на этот случай обыкновенно надевают на себя массу юбок и сарафанов (друг под дружку), чтобы показаться пышными.

Если жених убедится, что девушка беременна, то может вернуться к отцу и матери и расстроить свою свадьбу, хотя это редко случается. Некоторые малые уже «идут» на «погулявшую девушку» и хорошее приданое, а другие робки и не сумеют хорошо «ощупать» невесту. Так как смотрёнки обыкновенно происходят поздней осенью, да еще под вечер, то в темноте — в сенях или на улице — очень легко это сделать. Жених может и на двор выйти с невестой. Невеста должна уж молчать в таком случае и слушаться.

Приходят в избу. Невестин брат сажает жениха и невесту за стол — в передний угол. Приходят девушки, подружки невесты, и садятся вокруг стола. Сначала ставится на стол женихово угощение и вино. Пьет сначала жених и невеста, и затем все девушки едят. Когда съедено женихово угощение, брат невесты ставит невестино угощение. Пьют и едят тем же порядком. Девушки заигрывают величальные песни. Пляшут (очень часто все девушки напиваются пьяны).

Жених и невеста в это время сидят рядком и едят жамки или щелкают подсолнухи. Им не возбраняется жать друг другу руку и разговаривать между собою. Когда все угощение кончено и перепеты все песни, жених и невеста опять за руку идут в ту избу, где «выводили» невесту. Тут тоже можно пощупать невесту. Одна баба, женившая своего сына на очень бедной девушке, которая нравилась сыну, все дразнила сына, что у его жены один палец не целый. (Палец у нее был раздавлен в детстве дверью.) Он ей и ответил: «Что же, матушка, уж как я ее щупал, а не догадался, что пальчик у нее не правый, да и ты сама ничего не заметила, когда Таньку выводили».

В этой избе по уходе невесты все время пируют «сваты», то есть, собственно, все старшие. Там жених и невеста опять садятся в передний угол и старшие пьют за их здоровье и величают их. Затем невеста встает и «дарит сватов»: свекру — рубаху, свекрови — платок, другой родне — поручники.

После женихова родня садится на телеги и уезжает, а жених идет домой пешком. Невеста опять рука об руку с ним, провожает его до конца деревни или до ближнего перекрестка. За ними следуют девушки с песнями. Это уже бывает поздно ночью, и если жених не успел пощупать свою невесту раньше во время переходов из избы в избу, то еще и тут может это сделать.

В конце деревни все останавливаются. Жених целует невесту и дарит ей гостинцев (жамок, подсолнухов

и яблоч). Невеста возвращается домой. Поспешно сбрасывает с себя нарядный платок и ударяется головой о лавку с причитаньем — «криком» (так его у нас называют). Ей вторят мать и сестра:

Кормилец мой батюшка,
Родимая моя матушка,
Пропили меня горькую, несчастную,
Пропили на зеленом вине,
Пропили на горелой корочке.
Как мне будет идти во чужи люди,
К чужому отцу с матерью.
Чужому отцу с матерью угодать надо,
Угодать надо — все их слушаться*.

После этого все ложатся спать.

На следующий после смотрёнок день жених иногда приезжает в телеге «катать» невесту с подругами. Он везет их в трактир, где угощает их чаем, жамками, иногда водкой. По дороге девки поют песни, величая жениха и невесту, бьют в косы. Лошадь бывает с бубенчиками и с какими-нибудь тряпицами в гриве.

Накануне свадьбы бывает девичник. Перед вечером, в этот же день — днем приезжают отец и мать жениха за дарами невесты жениху. Они от имени жениха привозят невесте фунт мыла и пару серег.

Девушки, подруги невесты, приходят к ней. Невеста «выставляет» им угощение и водку. Они ее величают. После того невеста обращается к отцу и к матери (кричит):

Кормилец мой батюшка,
Родимая моя матушка,

* Невеста кричит таким образом также каждый вечер в течение недели до свадьбы. Иные невесты совсем охрипшие едут в церковь. — *Примечание автора.*

Спасибо вам за хлеб, за соль;
Отгостила у вас, отпраздновала —
Последний денечек,
Последний часочек.

После этого она раздевается и самая близкая ее подруга парит ее в печке и моет жениховым мылом. Девушки поют:

Растопися нова банюшка,
Раскалися жарка каменка,
Ты рассыпся мелк-крупен жемчуг,
Не по атласу, не по бархату,
По серебряному блюдечку,
Ты расплачься Акулинушка
Перед родным своим батюшкой...

и т. д.

После этого невеста идет за своей лучшей брачной постелью и стелет ее на пол. На эту постель укладываются спать девушки. Сама невеста ложится где-нибудь с краюшка — ближе к двери. Утром она просыпается раньше всех подруг и будит их:

Вставайте, милые мои подруженьки,
Вставайте, умывайтесь ключевой водой,
Утирайтесь белым ручником.
Бела заря занимается,
Мои разлучники поднимаются,
Поднимаются да собираются
Разлучить меня с отцом, с матерью,
И с милыми моими подруженьками.

Девушки встают и идут завтракать к жениху. Затем возвращаются и завтракают у невесты. Все время величают невесту и жениха и собирают за это подачки день-

гами. После этого приступают к «собиранию» невесты. Расплетают ей косу и чешут голову. Она кричит:

Милые мои подруженьки,
Не расплетайте вы мою русу косу,
Не выплетайте вы алу ленту,
Не сымайте с меня девичью красоту;
Не надевайте на меня бабью сухоту,
Девичья красота часовая,
Бабья сухота вековая.

Затем надевают на невесту рубашку, юбки, сарафан, обувают ее и т. д.

Приезжает жених с поезжанами. Отец сажает невесту за стол. Если невеста сирота, то сажает ее крестный отец, а она кричит:

Не красен денек без красного солнышка,
Не красна моя беседашка без родного батюшки.

Жених слезает с телеги. В эту минуту ему навстречу в вывороченных шубах с устрашающими жестами, с рогачами, с кольями в руках выскакивают все женщины (родня невесты) и не пускают «разлучника» войти в сени. В конце концов дружка поит женщин вином, и они расстаются, чтобы дать проход жениху.

Когда жених входит в избу, за столом вокруг невесты сидят ее отец, крестный отец, братья — все вооруженные кнутами и палками. Они не дают жениху сесть за стол рядом с невестой. Жених с поезжанами, тоже вооруженные кнутами, подходят к столу: «Выдавайте же нам невесту». Тогда начинается «продажа невесты». Отец кладет на четыре угла стола по пятаку и говорит: «Ну-ка, покрывайте». Дружка (за жениха) на каждую монету кладет другую. Отец говорит: «Теперь золотите невесту». Дружка кладет несколько монет на середину стола.

Тогда жених подходит к невесте и садится за стол рядом с нею.

Сваха собирает деньги со стола и передает их невесте, а на стол выставляет угощение (три блюда — не больше). Едят и пьют. Затем зажигают свечу перед иконой, и отец и мать невесты благословляют жениха и невесту.

В это время дружка, вооруженный чашкой воды, в которой положен хмель, обходит три раза женихову повозку, брызгает из чашки водою на лошадей и народ, кланяется народу и говорит: «Крещеный народ православный, красные девицы нам сестрицы, молодые ребята нам братцы, молодые молодичицы нам тетушки, молодые мужики нам дядюшки, старые старички нам дедушки, старые старушки нам бабушки, благословите нашего молодого князя

ко Божью храму ехать, на Божий суд становиться, злат венец надевать, золотой хрест целовать». Народ отвечает: «Бог вас благослови, в добрый час». Дружка сыплет на сиденье жениху в его повозку (а также невесте) овса.

Выходят жених и невеста. Жених подсаживает невесту в ее телегу, сам садится в другую. Лицо у невесты закрыто полотенцем. С невестой едут ее крестная мать, сестры, тетки. Жених с поезжанами едут вперед.

По дороге в некоторых деревнях свадебный поезд останавливают и не пускают его дальше, пока поезжане не откупятся, то есть не угостят останавливающих поезд вином. Поезжане входят в церковь совершенно пьяные, а если осталось в штофе вино, то допивают его нередко (под шумок) в церкви. После венчания в притворе церкви крестная мать заплетает молодой ее волосы на две косы (венчается невеста с распущенными волосами; распущенные волосы — знак печали; девушки хоронят своих умерших родных всегда с распущенными волосами), надевает повойник и платок. Множество народа смотрит на эту церемонию.

После этого едут тем же порядком в дом молодого. Там ожидают отцы и матери молодых. На пороге сыплют на молодых овес и хмель. Молодые прикладываются к образу, который держит в руках мать молодого, и берут из рук отца молодого хлеб и соль. Хлеб тут же разламывается молодыми пополам и кладется на полку*.

На столе стоят две связанные лентой бутылки с водкой. Молодые садятся за стол, отец и мать развязывают бутылки и угощают поезжан. Свекровь снимает со своей новой невестки ее платок и повязывает другой на место его (подарок). После этого дружка и сваха берут молодых за руки и ведут в хатку, где на столе стоит пирог с запеченной в нем курицей. Молодые едят, и после этого при

* Вероятно, эмблема строгого разделения имущества между супругами. — *Примечание автора.*

помощи свахи молодая снимает свой платок, сарафан, разувается. Затем разувает молодого. В правом сапоге молодого спрятана серебряная монета, которую молодая встряхает из сапога и берет себе.

Тогда дружка спрашивает у молодого: «Зачем ты женился?» Молодой должен ответить: «Жену кормить, поить, с ней хозяйствовать». Тот же вопрос предлагается свахой молодой. Молодая: «Мужу рубахи шить, его одевать, сынов ему рожать». После этого дружка укладывает молодых в постель так, чтобы жена лежала на одной руке мужа и он бы ее обнимал другой рукой, сплетает им ноги и укрывши их одеялом, удаляется со свахой.

Иногда до прихода молодых в хатку туда являются старший деверь молодой с своей женой «греть молодым постель». Они укладываются в постель молодоженов и лежат там обнявшись, пока молодые едят курицу. Когда молодые с дружкой подходят к постели, дружка с изумлением восклицает: «Что ж это за жеребец с кобылой тут валяются?» Гонит жеребца с кобылой кнутом, а когда те не идут, угощает их водкой. Деверь и невестка удаляются.

Когда молодые остаются совсем одни в хатке, множество любопытных глаз и ушей подсматривают и подслушивают у дверей хатки (иногда детских ушей). Если молодой убедится в невестственности своей жены, то тут же иногда чинит расправу. Расправа эта бывает ужасно жестокая подчас: пинки ногою, шипки в живот и половые части. Один малый, не по доброй воле женившийся* на «нечестной» девушке, так ее истязал после свадьбы, что цветущая девушка в несколько месяцев превратилась в больную на вид женщину. «Весь низ ей выщипал», — говорила ее мать. Мало того, запирали ее на целый день

* Женился он по желанию отца и матери, потому что невеста считалась богатой: был «слушок», что отец дает за ней 15 рублей денег. — *Примечание автора.*

в маленький амбарчик почти без окошка, где она сидела по целым дням без пищи. На ночь тоже запирали ее на замок, а сам уходил к своей любовнице, какой-то вдове, жившей в том же селе. Таскал за волосы, бил чем попало. Унялся только тогда, когда бедная женщина (к своему несчастью, «ужась смиренная») забеременела (несмотря на побои и издевательства, он жил с нею). «Как бы за тяжелую бабу в острог не попасть».

Возвращаюсь к свадьбе.

Пока молодые находятся в хатке, в избе идет пирование. Бабы, девки и малые пляшут, вырядившись скоморохами. Через час, другой дружка и сваха идут «поднимать молодых». Молодая должна надеть самый яркий свой сарафан и платок (венчаются в голубом или белом — «скучные цвета»). Сваха снимает с нее рубашку и передает ее свату. Рубашку эту сват (или дружка) кладет на глиняное блюдо; когда молодые, одевшись, направляются в избу, дружка несет впереди рубашку на блюде. Войдя в избу, он ее передает родным молодого, которые осматривают ее. В это время скоморохи хватают с полка горшки и бьют их об пол — в знак того, что все совершилось.

Если по признакам оказалось, что молодая целомудренна*, то с большею честью подносится первый стакан вина матери и отцу молодой. Если же оказалось, что она была «бесчестная», то первые стаканы вина подносятся отцу и матери молодого, а вино отцу и матери молодой подносится в какой-нибудь кружке с просверленным дном, так что вино проливается на пол, как только дружка отпустит палец, которым придерживает дырку, пока наливает вино.

* Если девушка вышла замуж за того парня, которого любила раньше свадьбы, то она с одобрения мужа производит следующую маленькую хитрость: спрячет рубаху, запачканную ею во время последнего месячного очищения, да эту рубаху и наденет к венцу. — *Примечание автора.*

Пир продолжается иногда до глубокой ночи. Затем молодые ложатся спать настоящим образом. На утро их опять будит дружка и сваха. Сваха заставляет молодую мести пол, причем молодая должна отдать свекрови разбросанные предварительно по углам медные монеты*. Затем завтракают, и после завтрака молодые должны принести ушат воды. Когда они возвращаются с водой, сват караулит их по дороге и проливает первый ушат воды. Затем «суседи» имеют право пролить второй и третий ушаты. После этого уже молодая вручает свату платок (подарок), которым он прикрывает ушат (или ведро). После этого к ушату нельзя прикоснуться и всякий, кто к нему подберется, получает от свата хороший удар кнутом. Молодые ставят ушат у дверей избы. В это время семейские бабы, вымазав себе руки сажей** и сев верхом на метлы, гонятся за «суседями», пачкая им руками лица. Когда сват говорит «довольно», молодая берет ручник, бабы унимаются, а запачканные соседи подходят к ушату умываться, причем опускают в ушат кто копейку, кто две, а кто три. Утираются ручником из рук молодых. «Ежели бабы потешные — насмешить умеют, другая молодая целый рупь наберет».

Богатый и кобеля женит,
так у него пир

Отец и мать молодой обыкновенно пируют всю ночь во дворе своего зятя; на утро их провожает домой вся семья молодых и даже сами молодые (в иных деревнях это не проводы, а просто катанье). Едут на нескольких телегах все, разумеется, пьяные — со штофа-

* Разбрасываются эти монеты, чтобы узнать, не воровка ли молодая, чтобы убедиться, чисто ли она метет пол. — *Примечание автора.*

** У нас говорят «спухой»: «спуха» — сажа. — *Примечание автора.*

ми водки. Бьют в косы, поют песни, родня молодого (бабы) машут над головами рубашкой молодой (это уже непременно).

Такой поезд, разумеется, собирает массу любопытных — смотрят, шутят довольно нецензурно. Заезжают в другие деревни к родным; останавливаются, пляшут и все помахивают той же рубашкой: «И ты так ездила и твою рубашку возили с собой?» — «Знамо ездила, что поделаешь, только уж зажмурилась да не смотрела». Когда, «подняв» молодых, сваха снимает с молодой рубашку, то мать молодого нередко стоит за дверьми, ожидая рубашки. Сняв рубашку с молодой, сваха моет молодую и молодого и затем они уже одеваются. (Случай с матерью, обиженной, что сняли рубашку с ее невестки без ее ведома, «за глаза».)

Рассказывают такой случай, что одна «нечестная» девушка, как только уложили ее спать с молодым мужем, призналась ему в своей невестственности и, предложив ему двадцать рублей, попросила его как-нибудь прикрыть ее стыд. Малый поймал цыпленка, оторвал ему голову и его кровью запачкал рубаху молодой, но сваха, к несчастью, все подглядела и подслушала и, передавая рубашку свекрови, объявила, что «не стоит ее на мир нести, потому-то и потому-то». «Теперь уж все это стали бросать, потому, почитай, все девки бесчестные».

В некоторых деревнях девушку-невесту возят предлагать в жены. Девушку «уберут, оденут», и отец, брат или какой-нибудь родственник везет ее по своей деревне и по чужим деревням. По деревне телега едет тихо, отец выкрикивает: «Не надо ли надолбу»; все сходятся смотреть на невесту, и кому она понравится, тот зазывает ее к себе во двор словами: «Дуда, дуда, поворачивайся сюда», и отец с дочерью, или брат с сестрой, входит в избу; невесту еще раз осматривают (более подробно) в избе и условливаются о дне запоя, если она окончательно понравится.

В некоторых деревнях девушки венчаются в сарафанах и уже после венчания надевают паневу, а в других деревнях девушка надевает паневу, когда «обряжается», чтобы ехать в церковь. Это делается так: девушка в одной рубашке стоит на лавке, а брат держит паневу на уровне лавки, предлагая девушке «вскочить» в паневу. Девушка долго не соглашается, отворачивается, говоря: «Хочу — вскочу, хочу — не вскочу». Мать ее уговаривает: «Вскочи, мое дитятко, вскочи, мое милое. Не век тебе, девушка, в девках вековать, будь же умница, будь же разумница». Девушка, наконец, впрыгивает в паневу, которую ей завязывает брат.

По представлению крестьян, самое лучшее, если жених и невеста ровесники — «ровня». Невеста «обижается», если жених ее старше года на четыре-пять: «Помрет ране меня». Собственно, бабы рано старятся, главным образом, только внешним видом своим. Несмотря на неблагоприятные условия для их здоровья, несмотря на болезни даже и истощение, бабы нередко родят в пятьдесят лет, а в сорок пять—сорок шесть лет сплошь и рядом. Я знаю случай, когда баба родила шестидесяти трех лет от роду. Мужу ее было столько же лет, сколько и ей. Баба эта умерла, когда ей минуло шестьдесят семь лет, а муж ее до сих пор жив. Его «последышу»-сыну теперь двенадцать лет.

Бывают, впрочем, такие случаи, и тоже не так редко, что муж еще бодрый старик, а жена уже старуха действительная. Это ведет иногда к «снохачеству» (снохачествуют иногда и вдовцы, женив сына). Не надо забывать, что часто жены старше мужей. Нынче на нашей деревне (дворов двадцать пять—тридцать) восемь свадеб и из них две таких: 1) жениху восемнадцать лет — невесте двадцать четыре; 2) жениху двадцать лет — невесте двадцать пять. На этой же деревне я знаю четыре молодых брачных пары, где тоже жены на два—семь лет старше мужей. А лета стариков теряются уже во мраке времен.

Я говорила выше о невзыскательности женихов относительно наружности невест. Нельзя сказать, чтобы все поголовно были невзыскательны, но разборчивые женихи все-таки редкость. У «красивой невесты» (красивой, разумеется, по примитивным крестьянским вкусам) больше «женихов», чем у некрасивой, но какой-нибудь малый, за которого не пошла замуж красивая невеста, совершенно спокойно и невозмутимо женится на самой некрасивой...

В соображениях родительских, как уже тоже было говорено, все сводится к работоспособности невесты, а в последнее время все чаще и чаще к ее приданому (деньгам).

Суеверия

Девушка или женщина для того, чтобы приворожить кого-нибудь к себе («чтобы любил»), смывает со своей запачканной рубашки кровь и эту кровь (то есть, лучше сказать, воду с кровью) дает незаметно выпить (в квасу или в чае) тому, кого она хочет «приворожить» к себе. В верности клянутся «Святыми Тайнами»: «Чтобы мне никогда Святых Тайн не принять больше, если не женюсь на тебе (или не выйду за тебя замуж)». Клянутся «матерью сырой землей» и иногда, для закрепления своей клятвы, едят эту землю. Самая крепкая ненарушимая клятва — это клятва Святыми Тайнами.

При венчании в ходу следующие суеверия:

- 1) Когда жених приезжает за невестой и, откупив сени, входит в избу, кто-нибудь из кровных родных невесты должен вперед его войти в избу, иначе «чужие» внесут смуту и раздор в невестину семью.

- 2) Дружка смотрит, как стоят лошади в ожидании жениха и невесты: если понуро — жизнь молодых будет неселая; если весело, но смиренно, между молодыми будет мир и согласие; если лошади бесятся, то и молодые будут жить несогласно и т. п.
- 3) Невесту и жениха сажают на овес, чтобы жили богато.
- 4) Если муж начнет заплетать косу своей жене сам (после венчания), то это тоже залог согласной жизни.
- 5) Возвращаясь из церкви и вступая в избу, молодая хватается обеими руками за притолоку, «чтобы муж любил».
- 6) Когда молодых подводит сваха к столу, никто не должен пройти между молодыми, иначе они будут несогласно жить.
- 7) Колдунов и колдуний боятся во время свадьбы, так как молодых легче всего испортить «под венцом» или когда они возвращаются домой. Под венцом можно пустить порчу «по ветру» молодым в спину, а когда они входят в избу, то у порога легко им бросить под ноги завязанный узелок веревки с наговором. «Порча» выражается в том, что молодые не любят друг друга, или сохнут и хворают, или не пьют, не едят и т. п.

В прежние времена отцу «нечестной» девушки надевали для позора хомут на шею после того, как молодых поднимут. Любовник «нечестной» девушки может послать перед ней рогожу на церковной паперти, когда она с молодым мужем выходит из церкви.

Как выражается любовь к жене

Этот вопрос меня давно уже интересовал, и одно время я думала, что «никак», благодаря тому, что внешних выражений нежности мужа к жене положительно

нет, даже у молодоженов. Но последнее время я думаю несколько иначе...

«Уж и жалеет же свою жену Петруха, есть ли такая счастливая баба во всей деревне!» Петруха простой мужик, кучер у нас, но, так сказать, кучер «от сохи на время». Я уже давно знала, что он простой, смирный малый, а что жена у него «премудрая» (славная, ловкая бабенка, только уж, действительно, у себя на уме). Знала я, что Петруха не пьет вовсе (бросил вино после того, как после какой-то свадьбы в пьяном виде чуть не утонул в пруду) и не бьет своей жены. Сам он совсем не «хозяин», но жена хозяйственна в высшей степени, все «обдумает», как посеять, скосить свою паюшку, как купить корову и т. п. И вот на зов жены Петруха, который, в сущности, совершенно даже не приспособлен для забот о завтрашнем дне, летит в деревню, чтобы сделать, что «баба просит». Не пустить его, он крадучись уйдет ночью и, если потребуется, явится с повинной: «Хозяйка моя *удумала* просо скорей связать, а того и гляди дождь — я уж ей и скосил паюшечку»... (ночью). А если жена ему скажет, что изба не «ухвоена на зиму» (не законопачена, так что ветер дует), то он уж будет сам не свой, пока не урвется к жене и не «спокоит ее». Беззаботнее этого Петрухи не было мужика на всей деревне, пока он был холост (он женился уже по отбытии воинской повинности). К сожалению, такие Петрухи и такие отношения мужа к жене страшно редки. Собственно, это даже единственный пример, который я знаю. (Петруха женат уже лет восемь-девять.)

В саду, на порубке

Я, глядя на молоденькую березку и липку, выросшие как бы из одного корня и сплетшиеся между собой:

— Ишь ты как сплелись.

Садовник:

— Спорятся, кто кого осилит.

Работник (не без оживления):

— Знамо, липка осилит, где ж березке с ей тягаться...

Немцы непременно бы сказали что-нибудь о двух любящих друг друга существах — потому-де в саду так полагается и что все это может наводить только на «трогательные» мысли...

Часть
ВТОРАЯ

Разделение имущества и обязанностей между мужем и женою*

Мужнина вся усадьба, хлеб, лошади, овцы, весь полевой инвентарь. Муж строит на свои деньги избу, двор, амбар, ригу, покупает лошадь и другую скотину, телегу и прочее. Он покупает и хлеб, крупу, говядину, капусту, соль, керосин («газ»), солому для отопления. Мужик плетет лапти на всю семью. Вьет все веревки. Валенки на всю семью доставляет мужик.

Жена покупает посуду (горшки, блюда; чугуны, ложки, скалки, рогачи, вальки, мыло, кадушки). Изготавливает мужу из своего материала варежки, шарфы, кушаки, сукно на поддевку, онучи. Лен сеет мужик. Берут лен

* При подготовке издания 1914 г. главки «Разделение имущества и обязанностей между мужьями и женами», «Изба», «Бюджет», «Раздел», «Подсобные промыслы у крестьян», «Стоимость работ», «Условия заработков», «Форма, в которой пишутся договоры с крестьянами о заработках», «Несколько дел из волостного судоговорения (решенных в день судоговорения)», «Подати. Старшина», «Побирушки (нишие)», «Поджоги», «Болезни», «Драчи», «Колебание цен» механически были присоединены к шестой главе «Пропивание невесты, смотрёнки, свадьба». Мы посчитали это неправильным и выделили их в отдельную часть.

бабы. Волокно поступает бабам, а семя мужику. Бабы всегда норовят «выбрать» лен с зеленцой, когда волокно лучше, а семя еще не поспело. Молотят лен чаще бабы.

Волокно делится между семейскими бабами, выбиравшими (или «бравшими») лен, поровну, «щипами», то есть льняными снопиками. Бабы жадны на лен. Им всегда мало семейского льну, и они добывают для себя лен еще на стороне. Помещики дают брать бабам лен на таких условиях: бабы платят за десятину льна от шести до десяти рублей, выбирают лен и молотят его. Семя остается в пользу помещика.

Для такой добычи льна баба обыкновенно соединяется со своей матерью или теткой (если матери нет), которая потом хранит ее лен и «мычет ей намыки», то есть приготавливает лен для пряжи. Одевает с ног до головы мужа, себя и детей (сапоги, впрочем, муж шьет себе сам на свои деньги), ткет ему веретья. Стан с бердами, самопряха с гребнем и донцем, мялки тоже покупаются на ее деньги. Также и сундук, в который она складывает все свое имущество.

Ее работа (по найму) делится так: в рабочую пору муж получает плату за женину сдельную работу (у каких-нибудь нанимателей), плата же за ее поденную работу принадлежит ей самой. В некоторых селах, впрочем, в рабочую пору баба работает на мужа и сдельно и поденно. Покос также считается за рабочую пору. Остальное время года женщина работает на себя и сдельно, и поденно.

У мужа и жены постоянная война из-за работы. Мужик, положим, уговаривается скосить и убрать у помещика «из полу» сено. А баба его вдруг «закалянится», отговариваясь каким-нибудь другим домашним делом, и мужик не может взять работу у помещика. Иногда, в самую горячую пору, когда помещик готов заплатить высокую цену за уборку какого-нибудь хлеба, все бабы отказываются идти вязать и предпочитают лежать на печи. «Мне-то что, пропадай его (то есть мужнины) деньги пропадом,

не пойду я ему вязать, авось и дома дела много — его же одевать, обувать». Понятно, как трудно бывает крупному землевладельцу убрать вовремя свой хлеб при таких условиях.

Бывают и взаимные покражи у супругов — и очень нередко. То муж выкрадет из жениного сундука ее деньги на свою какую-нибудь «нужду» или на кабак, то жена сворует у мужа муки или крупы для того, чтобы отдать в мелочную лавочку за мыло или за какой-нибудь ситец. У пьяных мужей жены вытаскивают кошельки из сапога... (в свою очередь, дети воруют у матери яйца и всякую мелочь). Воруют у мужей шерсть.

Куры, понятно, всецело принадлежат бабе. Что касается до коровы, то и она считается принадлежностью (не совсем собственностью) жены, хотя такая крупная покупка, как корова, большею частью производится на общие (мужа и жены) средства.

Нельзя сказать, чтобы крестьяне хорошо обращались со скотиной. Лошадей постоянно бьют. Но вместе с тем всякий мужик, разумеется, глубоко сокрушается, если падет лошадь (большой убыток). Точно так же и баба о корове. По павшей лошади, или корове, или даже овце бабы «кричат». Бабы, впрочем, «кричат» и по разным украденным или потерянным предметам. Я сама слышала «крик» девки по котам, которые она потеряла, идя домой с ярмарки.

За лошадью «ходит» мужик, за коровой баба. Относительно коров существует следующий обычай: положим, у мужика побогаче есть корова и телка. Корова опять телится. Эта телка уже лишняя, ее прокормить нечем. И вот баба отдает ее другому (бедному мужику), заключая с ним условие (разумеется, устное), чтобы он пользовался молоком от двух или от трех телков (которые тоже поступают этому мужику). После этого мужик должен вернуть корову ее владельцу. Если корова падет, то ее владельцу возвращается ее шкура. Такая корова (у мужика, ее взяв-

шего) называется «корова из телков». Иногда — это бывает на исходе срока пользования коровой — мужик говорит, что у него нет коровы. «Как же нет, а я намерен видела баба твоя загоняла?» — «Да она у меня из телков».

Овцы — общее имущество. Но бывают овцы «собинки» — частное имущество бабы — члена семьи. По смерти бабы ее собинка переходит ее матери (при условии, если она «покоит» своих внучат) или ее дочери, но никогда не поступает в семью. Иногда баба, видя, что не прокормит свою собинку в зиму, отдает ее чужому мужику на прокормление. За это мужик берет себе ягненка, которым «окотится» весной овца. Шерстью овцы мужик не пользуется.

Шерсть с семейских овец делится так: весенняя поступает в дележку бабам, а осенняя мужикам. Овчины

с таких овец — собственность мужиков, которые не обязаны снабжать баб теплой одеждой.

Свиньи принадлежат мужикам.

Еще недавно не всякий мужик мог различить все кредитные билеты, не мог денег путем сосчитать, не знал хорошо цен на предметы фабричного производства. А теперь уже у каждого мужика — портмоне, и он умеет очень аккуратно подсчитать свою податную книжку или счет с землевладельцем или лавочником. Одновременно он научился знать цену своему труду, и, сознавая, что то купец норовит взять с него лишнее, то землевладелец старается воспользоваться его нуждой, чтобы нанять его подешевле, он тоже, в свою очередь, умеет уже прибегать к разным уловкам, чтобы сработать поменьше, а взять подороже. Если помещик дает ему недостаточную, по его мнению, цену за какую-нибудь работу, то он охотнее просидит дома без работы «Небось не мне, так другому заплатит еще подороже».

Изба

От шести до девяти аршин в квадрате. Окна два. Сенца обыкновенно рубятся из деревьев потоньше и похуже. Прямо против входной двери в сенца — другая дверь, выходящая на двор; при входе в избу налево от двери — лавка, называемая конник (иконник или оконник). Лавка под окнами (самая длинная из всех лавок в избе) называется передняя лавка. В углу, образуемом передней лавкой и конником (над лавками, разумеется), помещаются на полке иконы. Лавка, находящаяся у стены, противоположной той, к которой прислонен конник, называется судником.

В правом дальнем углу избы находится печь, либо «белая» (с трубой), либо «черная» (без трубы). Печь сложена из кирпича и снаружи выбелена. Наверху печи (при-

мыкает к полатам) место, где можно лежать (лежанка). Когда топится «черная печь», то обыкновенно отворяется дверь в сенцы. Это вытягивает дым до высоты двери, а выше он стелется синевато-белым пологом, в котором ничего не видно.

Высота двери — это рост среднего или небольшого человека. Гораздо чаще небольшого, так что приходится нагибаться, входя в избу (вся вышина избы два с половиной аршина). Стоять в избе порядочного роста человеку во время топки очень трудно, так как глаза его находятся в едком пологе дыма. Да и под пологом, сидя на лавке, все-таки ощущаешь едкость дыма на своих глазах. Я, по крайней мере, не могу пробыть в курной избе, когда топится печь, более десяти минут, а крестьяне привыкают. Есть старики, которые не слезают с печи во время ее топки (то есть лежат в самом густом пологе дыма), но я думаю, они лежат с закрытыми глазами. Когда печь истопится, закрывается заслонка и «все тепло тут». Как говорят мужики, они того мнения, что *черные* печи гораздо теплее *белых*. Я не знаю, теплее ли, но ощущала, что после закрытия заслонки дым долго еще щиплет глаз.

Топят у нас соломой. Самая лучшая солома для топки — это ржаная, а овсяная и просовая — гораздо хуже. Крестьяне с вечера подстилают себе солому, чтобы спать на ней. Утром солому сжигают в печи, а к вечеру подстилают свежую. Таким образом у крестьян получается очень гигиеничная подстилка для спанья, но ведь это только в урожайные годы. Совсем не то бывает в такие годы, когда соломы для топки не хватает (она вся идет скоту, причем еще иногда и крыши раскрывают, чтобы не поморить голодной смертью скот). В такие годы спят на своей одежде, а печь топят сухим навозом («котяхами») или разным бурьяном — репьями, татарником, крапивой. В такие годы и болезней среди крестьян больше (отчасти благодаря отсутствию гигиенической постели), и глаза гораздо более портятся. В голодные (1891—1892)

годы в двух маленьких деревушках (по пятнадцать дворов каждая) «ослепло» человек около десяти от топки. Топка эта была — сухой навоз и всякий бурьян, собранный по межам, дорогам, оврагам. Дым от такой топки был настолько едок, что у вышеупомянутых ослепших (преимущественно стариков и детей) на глазах образовались бельма. Всех этих больных свезли впоследствии в городскую земскую больницу, но трем из них так и не удалось вернуть зрение.

Возвращаюсь к избе.

Лавка, идущая от печки к стене, где находится дверь в избу, называется задником. Лавка, образующая с ней угол, называется приделок. У угла печки вбит в землю столб (вышиною в дверь), столб этот поддерживает брус, который другим своим концом лежит на бревне избы над самой дверью. Между брусом и стеною намощены доски — это полати. На печке обыкновенно спят старики или маленькие дети. Остальные члены семьи размещаются на ночь на полатах, заднике, приделке, коннике и суднике.

В углу, образуемом конником и передней лавкой, стоит стол. В избе бывает еще обыкновенно переносная недлинная лавка (или две), которая приставляется к столу во время обеда и ужина. Пол бывает земляной или дощатый (черный и белый). Мостится пол на перерубах. Доски идут поперек избы, то есть параллельно той стене, в которой находится входная в избу дверь. Под полом бывает обыкновенно вырыта яма (наподобие погреба). Туда спускается лестница (через отверстие в полу, обыкновенно закрытое досками). Яма эта называется подполье, «подпол», и туда обыкновенно ссыпается картошка. К стене избы над судником прибиты полки, на которых стоит посуда (горшки).

Потолок утверждается на матице. Матица идет поперек избы, а доски мостятся параллельно той стене, в которой находятся окна. Сверху (на чердаке) доски замазы-

ваются глиной, затем насыпается сухой лист, а затем земля. Крышу поддерживают стропила и угольники. На них (поперек) укрепляется «складник». На него накладывается хворост (решетник), а затем уже солома. Рамы в окна и двери крестьяне покупают отдельно (притолка для двери рубится заодно с избою).

Устройство (внутреннее) каменной избы одинаково с деревянной. Таково же устройство и мазанки (которые благодаря своей сравнительной дешевизне все более и более распространяются). Мазанка делается так: вбиваются в землю квадратом столбы и пространство между ними «забирается» забором, то есть забивается толстыми досками или брусьями дерева и замазывается глиной. Мазанка белится и снаружи и изнутри.

Крестьянский двор — плетеный. Соломенный навес над ним поддерживается нетолстыми срубами, называемыми «подсохи» (кроется двор соломой точно так же, как и изба). Двор квадратный — в квадрате от десяти до двадцати пяти аршин. В углах двора пространство между подсохами забивается нетолстыми досками, это «катухи» для скотины. Бывает от одного до четырех «катухов». Под навесом двора хранятся сохи, телеги, бороны, сани.

Затем если крестьянская изба не в два сруба (что, к слову, почти всегда и бывает), то у крестьянина бывает клеть, или амбарчик (по нашему, местному, — «хатка»), для того, чтобы складывать туда зерно, муку, одежду, бабьи сундуки, обувь и разные предметы домашнего обихода. Хатки бывают квадратные от трех с половиной до семи аршин в квадрате. В них бывает обыкновенно одно крошечное оконце, обращенное к избе, то есть на улицу. Хатки обыкновенно ставятся против изб в ряд, так что ряд изб и ряд хаток — образует деревенскую улицу.

Обыкновенно перед хатками и перед избами посажены ивы (по-местному «лозины»); за тем, чтобы перед избами сажались лозины (антипожарная мера), следят

урядники. Благодаря этим лозинам (достигающим очень почтенных размеров) некоторые деревушки чрезвычайно живописны.

Внутри хатки, по ее стенам, расположены лавки, а над ними на стенах прибиты полки. В хатках спят весной, летом и осенью. Хатки чаще всего мазаные, но бывают и рубленые, и даже каменные с железными крышами и дверями (у кулаков).

За крестьянскими дворами — огороды и риги. Требуется, чтобы риги стояли не ближе чем на тридцать саженей к избам и чтобы вокруг них тоже были насаждения лозин. За этим тоже следят урядники. Риги кроются как избы (соломой), только складник утвержден не на угольниках и стропилах, а на «быках». В ригу ведут ворота. В риге зимою молотят (также и летом в дождливую погоду). Так как при закрытых воротах в риге темно, то в ней летом спят, чтобы избежать мух (на полу на соломе).

Если сени у избы широкие, то в них ставятся иногда бабы сундуки и вешаются хомуты.

При избе всегда бывает погреб («погребница»). Помещается она обыкновенно очень близко к избе. Она крыта соломой, вроде шалаша, в нее ведет дверь, а затем спуск — лесенкой. В погребнице хранится молоко, редька, свекла, капуста, моченые яблоки, солонина.

Зимою в избе ютятся овцы, держат только что отелившихся коров, опоросившихся свиней с их потомством (если в «катухах» холодно). Куры зимой живут на дворе, где им под крышей устраивается насест.

Прежде деревянные избы были преимущественно дубовые, а теперь уж ставятся преимущественно лозинные. В некоторых деревнях более половины изб кирпичные. С постоянными разделами и дроблением имуществ стали, как я уже говорила, распространяться мазанки.

У многих крестьян нет риги, или хатки, или даже двора.

Бюджет

Крестьянская семья, состоящая из мужа, жены, старухи-матери мужа и трех детей, из которых один подросток (двенадцать лет). Средний достаток. Одна лошадь, одна корова, две овцы.

Доход (в урожайный год)

С двух ревизских душ наделной земли (две десятины) убрано:

Ржи 16 копен	= 13 четвертям
Овса 8 копен	= 11 четвертям
Проса 4 копны	= 3 четвертям
Картофеля	= 10 четвертей

Из этого хлеба продано: овса 8 четвертей	
4 меры по 2 р. 40 к. чет.	18 р. 20 к.
Поденщиной заработано	10 р.
Сдельными работами	12 р.
Заработками за 3 десятины	15 р.
Продано скота (телка)	10 р.
За зиму заработано извозом	12 р.

Итого: 77 р. 20 к.

Расход

Хлеба.

На семена ржи, овса, проса, картофеля.

Остальной хлеб съеден.

Прикуплено хлеба (муки 15 пудов по 60 к.)	на 9 р.
Обувь	10 р.
Одежда	15 р.

Керосин	2 р.
Спички и соль	2 р. 30 к.
Мясо на престольный праздник, Рождество и Пасху	4 р.
Рыба на Масленицу	2 р.
Водка на престольный праздник и Масленицу	2 р. 10 к.
Священнику	1 р. 85.
Прикуплено топки (соломы) по 50 к. копна	5 р.
В церковь (в ящик и на свечи)	3 р.
Повинности (казенные, уездные, волостные и сельские за две души)	18 р.
Земских налогов	5 р.
Деготь	1 р. 20 к.
Пастушина	1 р. 20 к.

Итого: 81 р. 65 к.

Когда в каком-нибудь селе водворяется новый целовальник, то он поступает так (для того, чтобы заручиться покупателями): берет у тех крестьян, которые того желают, расписки, засвидетельствованные в волостном правлении, что такой-то Иван Косорукий или Тихон Зубанов взял у него займы восемь—двадцать рублей. Это кредит, по которому крестьянин Иван или Тихон могут забирать у него товара (вина, разумеется) на сумму, обозначенную в расписке и якобы данную им целовальником займы.

Раздел

Раздел происходит обыкновенно от женских ссор: «детки про щетки, матки про деток». Иногда ссоры бывают, разумеется, не из-за детей. Иногда «большой»

в семье (отец или брат) выделяют одного из членов за то, что он мало подает в семью денег. Чаще всего это бывает, разумеется, если этот член живет на стороне. Иногда большая семья делится пополам из-за тесноты в избе.

О своем желании доводят до сведения сельского старосты, который собирает сход по этому случаю. На сходе оценивается все имущество, и семья делает раздел имущества (бросая жребий). Собственно, члены схода не участвуют в распределении имущества. Это делают сами делящиеся, но на глазах схода. Составляется общественный приговор, кому что досталось, с подписями и печатью. Волостное правление утверждает этот приговор.

Имущество делится примерно так. Все имущество оценено в 355 руб. 15 коп. (причем расценена каждая вещь в отдельности); делят его так: изба в 80 руб. на одну сторону, амбар в 45 руб. и рига в 30 руб. на другую сторону; мечут жребий, и тот, кому достанется изба, тот выплачивает получившему ригу и амбар 5 рублей. Так по жребию определяют все, и постройки, и инвентарь, и скот.

Покончив раздел имущества, семья идет домой. Молятся Богу и разрезают хлеб на две половины — одну половину берет одна сторона, другую — другая. Целуются («прощаются»), иногда плачут и расходятся. Если выделяется только малая часть семьи (один, два члена ее), то ей дается не половина хлеба, а только небольшой ломоть его (отсюда, разумеется, выражение «отрезанный ломоть»).

Хлеб, по понятиям крестьянина, всегда должен сопутствовать крестьянскому дому и всем событиям крестьянской жизни. Только в голодные годы да в ожидании прихода попа не всегда увидишь хлеб на полке в избе. В первом случае его следа не бывает вовсе, а во втором он подальше прибирается от «завидующих глаз».

В голодуху крестьянские обеды и ужин сводятся к одному обеду или ужину черствым хлебом (размоченным в воде). В хлеб подмешивают лебеду. В голодуху мужик, разумеется, усиленно ищет какого-нибудь зара-

ботка или идет побираться всей семьей. Голодные ребята, когда сойдет снег, едят всякие корешки и травы (щавель, кашку). Варят щи из снытки (*Aegopodium podagraria*).

А в урожайные годы тот же мужик (который готов был за грош влезть в хомут, когда хлеба не было) лежит на печи, и иногда никакой ценой не заманишь его на работу.

Когда мужики не платят податей, то старшины отправляют их иногда «на измыву» — отсиживать в холодную в какое-нибудь дальнее село, верст за двадцать—тридцать, а из того села мужики тогда пригоняются «отсиживать» сюда. Делается это, разумеется, по распоряжению земского начальника.

Навозят землю небогатые мужики очень мало. Вывозят в поле не более двадцати возов навоза. Навозом в плохие годы топят. Из навоза же, мешая его с глиной, делают кизяки, из которых складывают хатки. Сушеный для топки навоз называется «котяки».

Разговоры мужиков вертятся больше всего вокруг их домашних дел, полевых работ, взыскивания податей, волостного старшины и т. д. Иногда ведутся разговоры и о другом: например, об ожидаемых милостях царя, по поводу какого-нибудь события, например коронации, рождения наследника и т. д. Ждут, конечно, прощения недоимок. Когда открылись церковно-приходские школы, толковали, что это «государынино дело», что она, выходя замуж за нашего царя, «смеялась ему», что народ у него «неук» (неученый — темный). Про государыню у нас вообще ходят слухи, что она «милостивая», и думают, что от нее «может еще какие милости нам выйдут».

Бабы, конечно, почти не принимают участия в таких разговорах: их разговоры — сплетни о соседях, о «барских дворах» и помещиках и т. п.

Всякая милость царская всегда вызывает толки о возможности других милостей.

Все наши подсобные промыслы только для домашнего обихода: валянье валенок, портняжничество, сапожное дело, плотничье дело, шорное дело. Кроют крыши (соломой), кладут избы и печи, обжигают кирпич, чинят гармоники и т. п. — все те же пахари.

Многие из этих дел они делают довольно плохо. Например, кирпич у нас бывает очень неаккуратной формы, часто недожженный. Может быть, это объясняется тем, что дело это еще сравнительно ново. Только с семидесятых годов деревянные избы стали заменяться кирпичными. Зато кроют у нас крыши соломой в совершенстве. В некоторых уездах, например Елифанском, есть некоторые деревни, где все поголовно землекопы и иногда очень далеко уходят на этот промысел (всегда артелями). Плотники тоже иногда работают артелями. Есть несколько деревень, где плетут кружево.

Стоимость работ

Свалять мужские валенки	от 80 к. до 1 р.
Свалять женские валенки	от 50 к. до 60 к.
Сшить поддевку женскую	от 75 к. до 1 р.
Сшить поддевку мужскую	от 75 к. до 1 р.
Сшить поддевку детскую	от 40 к. до 50 к.
Сшить шубу мужскую	от 1 р. до 1 р. 30 к.
Сшить шубу женскую	от 80 к. до 1 р.
Сшить коты	от 2 р. 50 к.

Сшить башмаки	от 3 р.	
Сшить сапоги	от 7 р. 50 к.	
Срубить сруб	от 15 р.	Со скамьями и столом
Срубить сенцы	от 5 р.	
Замостить пол	от 3 р.	
Замостить потолок	от 3 р.	
Сделать лавку, стол	–	Делаются заодно с избой
Покрыть соломой ригу	от 7 р. до 11 р.	
Покрыть соломой избу	от 3 р.	
Покрыть соломой двор	от 8 р. до 10 р.	
Сложить кирпичную избу	от 15 р.	
Сложить кирпичную печь	от 3 р. до 4 р.	
Тысяча кирпича	от 4 р. 50 к. до 10 р.	
Починка гармоника за голос (т.е. за один клапан)	от 10 р.	
Законопатить избу	от 1 р.	
Заплести двор	от 5 р.	
Заплести сенцы	от 2 р.	
Окно (оконная рама)	от 40 к. до 70 к.	
Дверь	от 80 к. до 1 р.	
Дерева для сруба избы идет на сумму	от 35 р.	

«Взять деньги у помещика или купца под заработки». По условию, крестьянский двор берется убрать (то есть, собственно говоря, посеять и убрать) у землевладельца две—шесть десятин в двух полях (яровом и озимом). Пишется условие, свидетельствуемое в волостном правлении, и крестьянин-домохозяин сразу получает (вперед) все деньги «под работу».

Вспахать, посеять, выдолоть и убрать десятину какого-нибудь хлеба «под заработки» обходится помещику от 4 р. 50 к. до 5 р. 50 к., тогда как, убирая такую же десятину не «под заработки», он должен заплатить за ее распашку, выполку и уборку от 7 до 12 рублей. На этих заработках некоторые землевладельцы сильно прижимают крестьян, и они все-таки идут в эту кабалу ради уплаты податей. Зарботки берут у помещиков как раз в то время, когда взыскивают подати: август, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь месяцы.

Форма, в которой пишутся договоры с крестьянами о заработках

«Тысяча восемьсот девяносто девятого года, 2 октября, мы, нижеподписавшиеся крестьяне-товарищи Епифанского уезда Мурашенской волости, деревни Чернышевки: Яков Матвеев Марсаков, Павел Спиридонов Шикун, Никита Павлов Благов и Максим Григорьев Селезнев выдали сей договор Караваевской конторе купца 2-ой гильдии Семена Тихоновича Благополучного в следующем:

- 1) Взались мы, крестьяне, обработать в экономии купца 2-ой гильдии С. Т. Благополучного в будущем (таком-то) году шесть десятин ржи и шесть десятин овса.

- 2) За обработку этих двенадцати десятин мы, крестьяне, при написании сего, все деньги по пяти рублей за десятину, а всего шестьдесят рублей сполна получили.
- 3) Обработка ржи должна быть следующая: два раза вспахать и за каждой пахотой забороновать, выбрать полынь, посеять рожь, запахать сохой с бороною за двумя или тремя сохами, затем в другом месте скосить рожь. Связать ее, скласть в копны, свозить на гумно и покрыть скирды. Обработка овса следующая: рассеять овес, два раза вспахать с бороною за двумя или тремя сохами, чисто выполоть, скосить, связать, скласть в копны, свозить на гумно и покрыть скирды. Затем осенью вспахать ржище.
- 4) Мы, крестьяне, обязуемся нигде еще таких заработков не брать, а в случае если возьмем, то уплачиваем по три рубля неустойки за каждую взятую нами десятину.
- 5) На все работы мы, крестьяне, должны являться по первому требованию и производить их в лучшем виде, а пахоту не менее восьми борозд в сажени. В случае неявки в назначенное время, мы, крестьяне, должны отработать в другое время и уплачиваем в пользу конторы С. Т. Благополучного по два рубля штрафа, а в случае неявки вовсе — по три рубля штрафа за каждую работу на каждой десятине отдельно. В случае дурной пахоты обязуемся тотчас перепахать ее, а за прочие дурные работы уплачиваем по два рубля штрафа за каждую работу на десятине отдельно. При исполнении этих работ отвечаем круговой друг за друга ответственностью.

<i>Взялись:</i>	<i>Рожь</i>	<i>Овес</i>
Яков Марсаков	2 дес.	2 дес.
Павел Шикунов	1½ дес.	1½ дес.
Никита Благов	1 дес.	1 дес.
Максим Селезнев	1½ дес.	1½ дес.
Итого:	6 дес.	6 дес.

По сему договору подписуемся крестьяне неграмотные: Яков Марсаков, Никита Благов, Максим Селезнев, по безграмотству их по их личной просьбе и за себя расписался крестьянин: Павел Шikuнов.

1899 года, октября 2 дня настоящий договор Мурашенское волостное правление свидетельствует подписом и приложением печати.

Волостной старшина Столяров. Писарь Груздков.

Несколько дел из волостного судоговорения
(решенных в день судоговорения)

- 1) Судится один мужик с другим мужиком (печником-каменщиком) за то, что этот второй мужик не окончил заказанной ему истцом работы, получив все деньги, следуемые ему за работу, к сроку, который оговорен в условии. Суд присудил каменщика к уплате неустойки. (По замечанию одного помещика, истец не выиграл бы своего дела, если бы сохранился более патриархальный строй крестьянской жизни и крестьяне были бы менее знакомы с законами. Не выиграл бы оттого, что печник, который в то же время и пахарь, был неисправен вследствие невозможных условий уборки в нынешнем году. Если б он сделал к сроку свою работу, то легко бы мог лишиться сам своего хлеба.)
- 2) Судятся две бабы снохи, поругавшиеся между собою. Младшая сноха подала на старшую жалобу за то, что старшая обозвала «шмонницей» ее и «распутёвой». Дело было так. Младшая сноха вернулась со своим мужем из Новочеркасска, и вскоре после того муж ее разделился со своим братом. При разделе младший брат и его жена остались недовольны неудобной перерезкой поместья, и вследствие этого бабы непрерывно ругаются.

Председатель суда: «Предлагаю вам обеим помириться».

Младшая сноха: «Ни по чем мириться не стану: слыханное ли это дело, обозвала меня потаскухой... Я с мужем живу. Шесть лет в Черкасском прожила — таких речей ни от кого не слыхала, а она — на́-ко!»

Старшая сноха: «А ты зачем мою дочью вперед ругала?»

Младшая сноха: «Врет она, никогда не ругала».

Старшая сноха: «Скажи, зачем ругала? Она девушка, да я молчала, а ты баба, тебе не зазорно иное слово прослухать, а ты и в суд сейчас... Ко всему готовому домой пришла, а мне говорить, судьи праведные, ты, говорить, на печи сгнила»...

И т. д. и т. д. В результате суд приговаривает старшую сноху к аресту на три дня в холодной: она удаляется со словами: «Что ж, Христос пострадал, и я пострадаю». Младшая сноха ко всеобщему удовольствию и увеселению: «Эка, на три дня под арест. Я бы на три года ее, Христову мученицу, в острог упрятала...»

3) Баба судится с мужиком из-за «поместья», «позёму».

Двенадцать лет тому назад муж ее, лежа в больнице земской (где он и умер), поменялся своим поземом с другим мужиком, своим односельчанином. Этот мужик только что выделился из своей семьи и еще не получил своего поместья от общества. Он уплатил больному мужику 30 рублей за амбарчик на его земле. Условие было составлено так, что позем больного мужика теперь переходит в его собственность с тем, что уступивший ему его мужик имеет право пользоваться лозинками, на нем растущими, вплоть до того времени, когда он получит от общества новый позем (тот, который должен был до меня получить выделившийся мужик).

Вскоре после заключения условия больной мужик умер, а другой мужик, еще ранее того, положив копию с договором в карман, ушел в Москву, к своей жене. Овдовевшая баба, таким образом, ничего не знала о том,

что ее умерший муж променял свой позем. Через год после его смерти она вышла за другого, в другое село. Свою единственную дочь взяла с собой ко второму мужу, а избу продала. Еще года через два вернулся из Москвы настоящий владелец ее позема и поселился на этом своем выменянном поместье. Вдове он, разумеется, предъявил договор свой с ее покойным мужем. Баба, зная, что она всегда может потребовать с общества позем, который оно должно было выделившемуся мужику, продолжала жить у мужа, не требуя пока своего поместья.

Через одиннадцать лет, после заключения договора о промене, мужик взял да и вырубил все лозины на своем поместье — и продал их. Тогда баба, на основании договора, что муж ее (а за его смертью дочь ее, которой она состоит опекуншей) имеет право пользоваться лозинами со своего поместья, подала на мужика в волостное. Мужик думал доказать свою правоту десятилетнею давностью, но был присужден к уплате бабе стоимости проданных им лозинок.

4) Тоже о порубке лозин на чужом поместье (соседом у соседа).

5) Тяжба крестьян с землевладельцем.

Три мужика (по круговой поруке) взялись убрать у землевладельца (купца) две десятины проса. Во время уборки один из мужиков повздорил с купцом и сказал ему какую-то грубость, за что купец при расчете вычел со всей артели 15 рублей. Мужики подали в волостной суд, чтобы взыскать с купца 10 рублей в пользу двух неповинных членов артели (не ругавшихся с купцом). Дело за неявкою купца было отложено. Это уже третья неявка купца. «Мы дальние — вот третий раз сюда таскаемся, а он, вишь, не является». Купец не являлся на суд потому, что, как мещанин он не подлежал волостному суду, а мужики по незнанию закона подали на него в волостное, а не земскому.

Был такой случай. Жили два брата, и один из них ушел в Москву с женою. Двадцать лет про него не было ни слуху ни духу, он ни копейки не присылал большому на хозяйство. (По поводу «присылок» денег: мужицкие денежные письма обыкновенно приходят в волостное правление. Старшина нередко самовольно задерживает эти деньги на подати, не извещая даже адресата об их получении. Иногда просто кладет эти деньги себе в карман. При таких обстоятельствах трудно бывает иногда проверить, правда ли, что такой-то меньшой брат не присылал ни одной копейки на хозяйство.)

Большой хозяйствовал и, разумеется, уже считал и имущество, и избу, и поместье своим, принимая во внимание двадцатилетний труд, вложенный им в свою усадьбу. Вдруг, как снег на голову, является младший брат, с угрозами требует не только своей земли, но и имущества и, получив требуемое, для закрепления благополучного исхода своего дела поит мир водкой (мир мог бы не утвердить раздела) — и садится «на все готовое». Понятно, какие чувства он вселяет в брата и в его семью...

На этой почве возникает, разумеется, несколько судебных дел. Чаще всего судятся из-за поместьев, или «поземов». Судятся с помещиком из-за заработков, то есть, лучше сказать, помещик судится с крестьянами (у земского). Законы знают по большей части плохо, а потому сплошь и рядом предъявляют иски тем, кто по закону прав. Судиться очень любят, особенно если видят возможность оттягать что-нибудь у другого, сделать другому подвох за какое-нибудь оскорбительное слово и т. п. «Клявуза» в последнее время одно из зол деревни. Розгами последнее время уже наказывают все реже и реже.

Был, впрочем, еще не так давно случай, что одна баба (из глухой деревушки) заставила в волостном правлении выпороть своего мужа за то, что он не хотел с ней

жить. Бывают случаи, что секут сыновей, оскорбивших своих отцов. Таких непокорных детей (лет двадцати иногда) секут при волостном правлении без суда. Волостной старшина вызывает по жалобе отца или матери такого малого, и его сечет сторож при волостном правлении. Секут розгами, сделанными из ивовых прутьев. Для этой экзекуции снимают с виновного нижнюю часть костюма и кладут его на пол в волостном правлении. Все крестьяне из села допускаются смотреть на это зрелище.

Более всего крестьяне не любят денежных взысканий и штрафов. Для них это самое тяжелое наказание, за которое они мстят и поджигают. Гораздо охотнее они отсиживают в холодной — лишь бы это было не в рабочую пору. Если мужику приходится отсидеть в холодной в рабочую пору, по его просьбе волостной старшина иногда отсрочивает это наказание до осени. При такой отсрочке кто-нибудь из родных мужика берет его на поруки. Водка при этом, разумеется, играет роль. «Угости старшину — он и попростеет». (Попростеть — значит по-нашему подобеть.) Бабы отсиживают в холодной свои провинности наравне с мужиками. Сажают и беременных баб, и баб с грудными детьми, которых они в таких случаях имеют при себе в холодной.

Сами крестьяне считают свой мир несправедливым. «Трудно, вот как трудно жить в мире. Тот прав, у кого родни много. За своего родного всяк свой голос подает, а уж одинокому и плохо. Затем-то одинокий и на сход не с охотой идет. Все равно, мол, прав никогда не буду. А тут еще водка. За водку да за деньги у всякого судьи виноватый прав буде...»

На выколачивание податей крестьяне, разумеется, сильно ропщут: «Неужто у царя денег мало, земля наша малая, а такие подати берут», «Не царь берет, а его слуги: не ведают царь, что ведают псарь...» По этому поводу крестьяне нередко рассуждают между собою, завидуя господам крупным землевладельцам. В начале 80-х го-

дов усиленно ходил между крестьянами слух о переделе земли.

Очень жалуются мужики на свою ответственность за других членов общества. «Было у нас два брата пьяницы, жили с отцом старым, да накопили недоимку рублей в полтораста, а то и больше. По весне оба померли, а теперь ихнюю недоимку на нас разложили, да еще отца их корми. Сами знаете, деревенька наша маленькая, пятнадцать дворов. Нешто я обязан за пьяницу платить — какая же тут правда? В нашем мире никакой правды нет». Так говорит всякий почти мужик.

А те, которые побогаче, горько жалуются на отношение к ним их односельчан. «Ненавидствуют (завидуют) постоянно: чем ты нас лучше, погоди — сравняешься с нами уж. Вздумаешь яблоньку посадить. „Э-э, сад вздумал заводить, барин какой!.. Мы не жрамши сидим, а он сад, да отгораживаться!“» И плетень сломают, а посаженную яблоню вытащат. А если яблоня выросла и дает яблоки, то считают своим долгом делать на нее набег. «Во как ненавидствуют — случись у тебя какое несчастье, сейчас тебя добьют... Утопят...» Это мне рассказывал зажиточный мужик, разбогатевший совершенно случайно и нисколько не пользующийся крестьянской бедностью для ее эксплуатации в свою пользу.

Этот богатый мужик, убирающий до ста двадцати копен ржи со съемной земли (у помещиков снимают землю от семи до двенадцати рублей за десятину в год) и знакомый с садоводством, потому что лет двадцать жил в садовниках, не может, несмотря на все свои старания, завести себе ни сада, ни огорода. «Бился, бился, да уж рукой махнул — теперь и капусту и огурцы все покупаю». Поджоги из мести очень часты.

При выколачивании податей — кулакам лафа. Подати начинают выколачивать с сентября. Если подати поступают туго, то сажают в холодную сельских старост тех обществ, которые не вносят своих податей. А затем уже

староста начинает сажать под арест отдельных неплательщиков. В крайнем случае назначается продажа с молотка крестьянской скотины. Иногда (по случаю круговой поруки) не разбирают, кто платил подати, кто нет, а прямо «с краю» (с крайнего двора) начинают продажу. А если продают у неплательщиков, то они стараются спрятать свою скотину у заплативших подать богатых своих родственников.

Продажу обыкновенно производит старшина, редко приезжает становой. При продаже скотины бабы «кричат». Скотина идет, разумеется, по дешевой цене (коровы и лошади, стоящие тридцать рублей, идут по десять—пятнадцать рублей). Скотину эту большею частью скупают кулаки. Всякий мужик, лишившись своей скотины, разумеется, стремится вернуть ее. Для этого отдает в залог свою и женину одежду — продает тому же кулаку (рублей за десять десятину) свою озимь и, кое-как сколотивши деньжонок, выкупает у кулака свою корову или лошадь, переплачивая за нее кулаку рублей по пять (продана была лошадь за десять рублей, а он ее выкупает у кулака за пятнадцать рублей).

При покупке озими кулаки «дают срок» на один месяц, в течение которого мужик может выкупить свою озимь обратно, но опять-таки переплативши за нее по пять рублей на десятину. Собственно, нельзя это назвать взиманием процентов за залог. Это две отдельные купли-продажи. Тот же кулак, давая мужику денег взаймы, берет иногда с него очень маленькие проценты, а иногда и вовсе не берет. Угостит его мужик водкой, он и дает ему взаймы до известного срока (без процентов). А когда срок наступит и мужик не может отдать своих денег, то за бутылку водки отсрочивает платеж.

Главным вершителем судеб в крестьянском обществе является все-таки не земский начальник, а старшина. Старшина — орудие обоюдоострое. С одной стороны, полезен (для всей государственной машины, разумеется)

тем, что он ведаёт главную суть крестьянской жизни, все её мышиные норки, в которые не может вникнуть земский начальник, а с другой — от этого-то его положения, в связи со взглядом, что его должность дана ему, так сказать, на прокорм, происходит немало зла. Старшина получает шестьсот рублей жалованья — и не надо забывать, что при таких условиях сплошь и рядом является арендатором земли или землевладельцем гораздо более крупным, чем любой крестьянин. Понятно, что у него на первом плане его собственные интересы. И он держит в руках мирскую сходку — беря взятки и, в свою очередь, подкупая продажный элемент в крестьянском мире для решения разных вопросов, как ему (старшине) это сподручно.

Продажный элемент существует во всяком обществе*: «крикуны, глоты», как их называют крестьяне. Глоты в том смысле, что у них широкая глотка для того, чтобы кричать, и для того, чтоб пить. Эти-то глоты являются ещё более важными вершителями судьбы какого-нибудь Ивана, чем его родственники. За глотами скрывается старшина, а за старшиною нередко какой-нибудь крупный землевладелец из купцов, обладающий несколько сот-тысячным капиталом. К такому купцу частит старшина, обедает у него и за денежную мзду обделывает разные дела для купца. Например, начинает усиленно выколачивать подати с тем расчетом, что крестьяне за дешёвую плату наберут заработков у купца, и т. п. Недавно один из старшин устроил такое хорошее дельце для купца, что одно крестьянское общество променяло купцу тридцать пять десятин своей земли у самой станции Пурлово (станция эта с будущим ведь!) за приплату всего лишь двух тысяч рублей.

Старшина (опять-таки благодаря своим глотам) сидит крепко и по истечении трехлетнего срока вновь избира-

* Собственно, всегда найдется такой элемент, который пойдет на подкуп. — *Примечание автора.*

ется на свою должность. По новом избрании он обыкновенно карает тех крестьян, которые подавали голос против него, притесняя их при сборе податей и т. п. Подати, которые начинают обыкновенно взыскивать в сентябре, относятся к январю этого же года, а потому волостной старшина может легко притеснить мужика, потребовав с него недоимку месяцем или двумя раньше общего «выколачивания».

Надо заметить, что при обыденных крестьянских делах редко соблюдается формальность счета голосов. Потолкуют, переговаривают, согласятся: «все согласны», и каких-нибудь два-три голоса против уже не имеют значения. Но в таких делах, как промен мирской земли купцу или в чем-нибудь другом подобном, старшина* считает голоса, чтобы не быть уличенным. Считает тем более, что такие дела решаются вовсе не значительным большинством голосов, а лишь перевесом два—пять—семь голосов.

Не одни старшины берут взятки. Берут их и другие начальники. За таким примером недалеко ходить... Из всего этого ясен взгляд «Иванов» на своих начальников — придавленных, находящихся под гнетом такой «силы» «Иванов»... Собственно, ведь это заколдованный круг, из которого нет никакого исхода. Кто при таких условиях может подняться выше общего уровня и подать собой пример другим?*** (Старшина нередко бывает председателем волостного суда.)

По моему наблюдению, — в силу ли привычки или известной наследственности, не берусь решать, — крестьяне любят землю. По крайней мере большинство из них (даже из поживших в городах) никому так не «завист-

* Считает, разумеется, не сам старшина, а сельский староста по его приказанию. — *Примечание автора.*

** На священников существует у крестьян взгляд, что они дармоеды: «Постоит на месте, прочитает молитву и вынимай ему полтину». — *Примечание автора.*

вует», как владельцам земли... Народ все-таки считает «капитал» чем-то более шатким, чем земля, чем-то, что может скорее, чем земля, выскользнуть из рук, хотя бы благодаря соблазнам, которым он подвергает. Кстати: крестьяне известного возраста считают «господ» «слабыми» (сладкоежками), разоряющимися благодаря своему белорусчеству. Выработается ли такой же взгляд на господ у теперешней крестьянской молодежи — не знаю. По-моему, эта молодежь (я разумею, восемнадцати-двадцатилетних малых) покамест еще ужасно неопределенна по части «взглядов». Многие старые устои отвергли, а новых себе еще не нашли. Положим, она живет еще за отцовскими спинами.

К строгости, даже к ручной расправе какого-нибудь старшины (особенно если эта строгость постоянна) крестьянин имеет своего рода уважение: «У нас старшина во какой лютый — так тебя и встречает: „Тебе чаво поганец?“ Пра-слово. Кажинного так». К гневу непосредственному мужик относится без уважения. У нас есть земский начальник, в сущности, «добрый малый», у которого припадки гнева сменяются полной слабостью. Под пьяную руку он чинит изредка и ручную расправу, но к нему крестьяне имеют очень мало уважения — подсмеиваются над ним.

Побирушки (нищие)

Побирушки — это обыкновенно старики или дети, прежде женщины, молодые или среднего возраста. Дети и члены какой-нибудь крестьянской семьи, которые идут «по кусочки», когда неостанет своего хлеба дома и негде его добыть. Когда какой-нибудь семье в первый раз приходится посылать своих членов «по кусочки», то это обыкновенно сопровождается слезами и причитаниями. Побираются дети, начиная даже с шести лет.

Другой тип побирушек — побирушки постоянные. Это какие-нибудь бессемейные и бездомные старики и старухи, увечные (по-нашему «убогие»), дурачки, идиоты, слепые. Такие убогие бывают иногда из не совсем бедных семейств, которые тем не менее стараются извлечь выгоду из своих неспособных к работе членов. Бездомные бобыли или бобылки-побирушки обыкновенно пристраиваются в какую-нибудь небогатую семью, которой они взамен за кров отдают излишек своих кусочков.

Я знала одного «дурачка», лет сорока, здоровенного, чуть не в сажень ростом, который благодаря своему юродству очень успешно побирался — «был добычлив». Жил он в одной бедной семье, состоявшей из мужа, жены и двух уже порядочных детей. Этот юродивый Куполай (его прозвище) был в очень близких отношениях со своей

домохозяйкой. Семья им дорожила как доходной статьёй, но когда он умер, то все-таки не схоронила его, а где-то верст за пять обрела его дальнего родственника и того заставила схоронить юродивого.

Весьма донжуанскими наклонностями отличаются по рассказам крестьян слепые, ходящие с жожаками-мальчишками по деревням, распевающие духовные стихи и ночующие, где их приютят. Вот какие элементы входят в кровь некоторых «Иванов»: не то Иван — сын юродивого, не то пьяницы, прикидывающегося юродивым, не то слепого, не то цыгана. Не так еще давно (лет пять тому назад) цыганские таборы в наших местах зимовали обыкновенно в какой-нибудь деревне — прямо в крестьянских семьях. Теперь это уже запрещено. Бабы очень любят этих цыган...

Поджоги

Споджигателями крестьяне любят расправляться сами. Если поймут поджигателя на месте преступления, то избытуют его так, что тот обыкновенно через несколько часов Богу душу отдаст. Нынче осенью одного мужика, который в течение года, по словам крестьян, шесть раз поджигал одну и ту же деревню и не был пойман на месте преступления, нашли поутру в овраге с проломленной головой.

Принимая во внимание весь ужас деревенских пожаров, становится понятным озлобление крестьян против поджигателей. Нет ничего страшнее пожара ночью в деревне. Я знаю случаи, когда, не успев выскочить из горящей избы, по несколько членов гибло в огне. А про скот и говорить нечего. Крестьянские плетеные дворы с соломенным навесом вспыхивают, особенно в сухую погоду, как порох, и под ними превращаются чуть не в уголья и лошади, и овцы, и коровы, и свиньи. Я сама видела, как

в таких горящих дворах лопались от жару задохнувшиеся от дыму овцы и свиньи и превращались в обуглившиеся бесформенные массы.

Никогда не забуду одного такого ночного пожара, когда в крестьянских дворах погибал ни в чем не повинный скот, а перед одной только что занявшейся избой, освещенной красным пламенем, лежал трупик (такой изможденный) девочки, скончавшейся от поноса за несколько часов до пожара. Мать успела вытащить останки своей девочки

Болезни

Внашей местности очень часто хворают лихорадкой. Из болезней не эпидемических и не заразных одна из самых обыкновенных — несварение, вследствие каких-нибудь «розговен» или перепоя. У крестьян эта болезнь принимает очень острую форму — с болью в желудке, под ложечкой, коликами, рвотою. Крестьянин, заболев таким образом, почти всегда думает, что он умирает, и посылает за попом.

В рабочую пору они часто простужаются, охрипают («всю грудь завалило»), потому что разгоряченные напиваются холодной воды. В таком разгоряченном состоянии, когда, по крестьянскому выражению, «нападает пойло», мужик или баба пьют какую попало воду: из дорожной колеи, из грязной лужи, из болота — лишь бы напиться. Глисты и солитеры самая обыкновенная вещь среди крестьян.

Осенью у нас речная вода бывает буквально отравлена моченцем, то есть коноплей, которую мочат в воде вплоть до сильных морозов. Бывают случаи отравления такой водой. Бабы часто и сильно простуживаются во время купанья (собственно, мытья) овец в холодной осенней воде перед их стрижкою.

Два способа лечения собачьей старости, а именно: запеканье в тесто и парка с собакой практикуются и у нас.*

Драчи

Так называют мужиков, которые снимают шкуры с павших или зарезанных животных. По представлению мужиков, это дело нечистое. Бывает даже, что с драчем не желают есть из одной чашки. Преследуют их шутками и насмешками. В каждой деревне есть два, три, четыре драча из крестьян. За снятие шкуры с коровы или лошади, платят от тридцати до сорока коп. Драчами обыкновенно делаются бедные, иногда даже убогие (хромые), или какие-нибудь «бобыли» — бестолковые, нехозяйственные мужики.

Колебание цен

Капуста от одного рубля до трех рублей сотня. Последняя цена (три рубля) является, разумеется, в урожайные годы.** Цена поросенка сосуна тоже колеблется от семидесяти копеек до трех рублей (в урожайные годы). Также и яблоки: от пятидесяти копеек до двух рублей мера. Цены эти устанавливаются, разумеется, продавцами и предпринимателями (владельцами огородов и съемщиками садов). Это интересно с той точки зрения — до какой степени увеличиваются крестьянские расходы в урожайные годы. А говорят еще что крестьяне могли бы делать «запасы» в годы урожая! Впрочем, это совсем

* Смысл фразы не вполне ясен. Так у автора.

** Сейчас невозможно объяснить, чем руководствовалась О. П. Семенова-Тян-Шанская, утверждая, что в урожайные годы цены растут.

не входит в понятия крестьян. Каждый мужик, когда он обеспечен своим урожаем до нового урожая, ложится на печку и ничего не делает. Крестьянская работа (наем в батраки) всегда подневольная, когда нужда подступит, так сказать, к горлу с ножом.

Идеал крестьянский — теплая печка и «хоть час да мой». Иногда идеалом является и городская жизнь (извозчиком, дворником и т. п.), но опять-таки не с точки зрения каких-нибудь накоплений. Городская жизнь нравится потому, что в Москве-де «чайничать» можно целый день, «выпить веселее» и «еда там слаще». Еще какой-нибудь молодой парень посылает кое-что «в дом» своим родителям (да и то надо каждый раз вытягивать из него «пятерки» и «десятки»), но уж если самостоятельный домохозяин (какой-нибудь отделенный молодежен) уйдет в Москву, то можно быть уверенным, что в большинстве случаев (разумеется, бывают исключения) вернется оттуда «гол как сокол», только с приятными воспоминаниями о сладкой еде и выпивке.

По словам крестьян, «копить грех». Всякие запасы — лишний камень на шее грешника. В настоящее время трудно разобрать — действительно ли из таких представлений вытекает их полная незаботливость о завтрашнем дне, или они, так сказать, «выкапывают» эти представления в виде оправдания перед самим собой и семьею. Наверное, и то и другое бывает. Как они нерелигиозны — в сущности! Только при приближении старости, когда уже начинаются разные недомогания, в мужицкую душу изредка начинает закрадываться суеверный страх загробного возмездия.

Да и тогда, разве они «православные» — как их считают? Нисколько. Смутно, беспомощно как-то им делается, страшно, и сами они не знают «в чем спасенье». «Кто их знае, може масоны, аль молокане еще лучше нашего

спасутся!» Каким робким, неуверенным и вопросительным тоном вырывается это у задыхающихся, покашливающих стариков!

Наша людская стряпуха из муки, выдаваемой ей на хлебы рабочим, спекла себе несколько «пирогов» и хотела ими «полакомиться» потихоньку вместе со своим мужем, жившим тоже в батраках. Ее поймал староста и доложил мне. (Баба, конечно, не подверглась никакой другой каре, кроме выговора.) Мой разговор по этому поводу с другой бабой, тоже служащей «в барской экономии».

Я: «Вот так Акулина — хороша!»

Катерина мнетя некоторое время, потом вдруг выпаливает: «А я так думаю, дурак Митрий, что вас такими глупостями тревожит. Эка важность, хлебцев себе напекла да поела».

Я: «Однако для этого она муки украла ведь».

Катерина: «Какая же это покража! Напекла, да и съела. Она ведь к себе не тащила пирогов, в кладовую не клала».

Я: «Однако муку она взяла себе, и из-за этого рабочим меньше хлеба досталось. Не все ли равно, снесла ли она краденое к себе домой или тут же его съела? Это как-никак, а покража».

Катерина: «Пироги она у вас же, здесь, с мужем съела, какая же это кража? Если б она еще из-под замка украла аль впрок вашу муку схоронила, ну, это еще грех...»

Сколько я ни толковала Катерине, что самовольное присвоение чужой собственности «в брюхо ли, впрок ли» все равно называется кражей, она со мной не согласилась.

Тот же староста, охраняя «барские яблони», чтобы с них не воровали яблоки ребятишки (пастушки, тоже служащие у помещика), набивает себе каждый раз во время своего обхода карманы яблоками.

Одно из самых глубоких и твердых крестьянских убеждений, это то, что земля когда-нибудь вся должна перейти в их руки. Уморительно, как они иногда хитрят и обходят этот вопрос в разговорах с помещиками.

А неуважение к интенсивному труду? «Что он? Как жук в земле копается, с утра до ночи!» Такие слова произносятся нередко очень насмешливо.

Может быть, в этих словах звучит неприятное воспоминание о разных «барщинах» и т. п., и лежание на печи с сознанием, что «хоть день да мой», — реакция?

Надо видеть с каким гордым видом какой-нибудь оборванец просит в урожайный год «расчета» у землевладельца (иногда вид бывает даже нахальный): «Пожалуйте мне расчет».

«Что это ты? Разве тебе плохо у меня?»

«Не плохо, а только не хочу боле у вас жить, домой пойду».

«Так я тебя и отпущу! Рабочая пора только начинается. Я тебе деньги твои не отдам, мне тоже нужно свой хлеб убрать и свозить, затем я тебя и нанимал».

«А не отдадите, я и так уйду».

Если его не отпустят, то он начинает все нарочно плохо делать и портить, опаивает лошадь, портит сбрую и т. п.

«Как же это — барин не хотел тебя отпускать, а теперь сам прогнал?»

Иван (хитро усмехаясь): «Да я стал *“на дурь”* работать, вот и прогнал».

И действительно, уходят, в лаптях, оборванные, грязные, и, убрав свой хлеб, ложатся на печку — и не надо им ничего, кроме хлеба, и тепла, и «хозяйки», которой можно помыкать.

Те же самые Иваны и Алексеи, когда есть нечего и топить нечем, унижаются перед землевладельцем, чтобы попасть в число его батраков. «Какое бы нибудь

у вас местечко мне бы с хозяйкой...», «Хучь бы из хлеба на зиму-то». Поклоны в землю и т. п. Даже слезы.

Казенное добро (в казенных имениях) уважают даже менее помещичьего. «У царя всего много». И тащат все решительно. Казенный лес прямо не укараулить, несмотря на множество полесовщиков и сторожей.

Что касается до колдовства и т. п. (до разных леших, оборотней), то ему не верят (абсолютно) как раз те бабы и мужики, которые считаются колдунами, заговаривают и т. п. «Колдовство» — это прямо-таки более или менее выгодная профессия, и забавно наблюдать, как ловкая баба-колдунья «разыгрывает свою роль» на деревне. Хотелось бы подслушать разговор двух «колдуний» вместе. С глазу на глаз они, наверное, могут и не притворяться друг перед другом.

У нас есть такая баба-колдунья (бедовая!), и, грешным делом, у меня не раз мелькала в голове мысль — не смотрит ли она, в душе, на своего приходского попа, как на собрата по профессии?

В «Новом времени» статья о неравномерности крестьянских налогов. Автор высчитывает, что семья из пяти человек в средней черноземной полосе выплачивает ежегодно государственных налогов около девяти с чем-то рублей, а такая же семья в Сибири выплачивает около половины вышеупомянутой суммы. Статья озаглавлена: «Об оскудении центра», и автор видит одну из главных причин оскудения в этой неравномерности, в том, что в центре России семья переплатит в год четыре с чем-то рубля лишних сравнительно с семьей на окраине.

Ну, а вышеупомянутое колебание цен на предметы первой необходимости? (Даже цены на сапожный материал колеблются: в неурожайный год пара мужских сапог

стоит семь рублей, а в урожайный доходит до десяти.) А то, что пропивается? Я знаю одну семью, где мужик, продав хлеба в городе на двадцать рублей, постоянно привозит домой только четырнадцать-пятнадцать рублей. Другую, где отец, лежебок и лентяй, *сдает* (!) свою надельную землю, чтобы не обрабатывать ее, и пропивает заработок своей дочери, те деньги, которые она присылает в семью из города, где живет прислугой. Эта семья, состоящая из четырех человек, разумеется, живет всегда впроголодь, даже в урожайные годы. И таких или подобных домохозяев положительно десять процентов на сто, а то и больше. А деньги, которые теряются в кабаках так: «обронил» или «украли»? А обычаи, вроде гульбы «годных», не соразмерная ни с чем стоимость свадебных пиров? Разве во всем этом не тонет, как капля в море, маленькая сумма лишних четырех-пяти рублей налога? Я не говорю, что из-за этого надо бросить заботы о более равномерном распределении податей, но, повторяю, это капля в море буквально.

Вчера в саду я потихоньку наблюдала за проходящими мимо — по дороге, ведущей в село. Год урожайный, потому и движения по дорогам больше. Идут два малых и молчат, шелкая подсолнухи. Подхожу к калитке.

— Куда, Борис?

Точно от толчка просыпаются.

— В Мураевню, чай пить.

И хоть бы какое-нибудь оживление, не говорю уж — улыбка на лицах!

Появляются мужик и баба, идут, как это водится, гуськом. Мужик впереди, баба сзади.

Эти ходили на мельницу, капусту торговать. Опять какие угрюмые, застывшие, насупленные лица! Сажено сто прошли они, не подозревая, что я за ними наблюдаю; только раз мужик обратился к бабе: «Акулина, давай бумажки». Акулина извлекла из-за пазухи что-то завер-

нутое в бумагу, оторвала клочок и протянула мужу: корявые пальцы набили сигарку, и снова продолжалось безмолвное шествие.

Только когда напьются пьяны или поругаются, издавка их слышно. В первом случае на долю всякой встречной бабы несется какая-нибудь нецензурная шутка.

«Ты, Ванюха, в церковь бы сходил лучше, должно, сроду там не бывал» (бабья реплика).

«К попу ходить? Очень он мне нужен, г...о этакое, он еще мне не повянчал с тобой».

Это еще одна из очень милых шуток и очень умеренная. Товарищи развеселившегося малого хохочут. Жесткий такой, отрывистый смех. Разве так хохочет настоящее веселье?

С неделю тому назад исключили из Караваевского общества «поджигателя» (в своем месте расскажу об этом поджоге). Это малый, лет тридцати пяти, холостой, живший со старшим женатым братом. Он уже сидел в остроге за следующую проделку.

Сватался он за одну девушку из его же деревни, с которой, быть может, был в связи (кто это разберет?). Девушка не пошла за пего.

Чтобы ее «острамить», он забрался ночью в кладовушку, где стоял сундук ее; вытащил из сундука все девушкины наряды: поддевку «тонкого сукна», сарафаны, платки — и все тут же изрезал и бросил, а в сундук нагадил. Пока он отсиживал за это в остроге, девушка вышла замуж, и уверяют, что она хорошо живет с мужем.

Страничка из деревенского Боккаччо:

«— Сляпые эти — чистые жерябцы. Бядовые! Вожаков своих так быют, что и сказать невозможно... А бабе ни одной проходу не дают — вожакам велят их ловить...

На одного сляпого вожак рассерчал да и поймай яму кобылу, заместо бабы. Сляпой как навалится на ее, а она яво и ударь задом. Все лицо яму расшибла, во куда отлятел, да и говорит:

— Сколько лет живу, такой бядовой бабы не видавал!»

Жена с мужем мало говорят, но несколько баб вместе представляют нечто, во всяком случае, более оживленное, чем группа малых или мужиков. Эти не пройдут молча — напротив, всю дорогу будут тараторить между собою о мелочах своего домашнего обихода. По-моему, и смех у них живее и более похож на веселье.

Бывает, конечно, и у мужчин более живой смех. Например, я замечала, что некоторые из мужиков неизменно вызывают смех своих односельчан или товарищей (батраков). Покажется фигура такого широкобородого Петрухи или толстомордого Никиты, и все «грохочут». Обыкновенно это фигура полная достоинства, видная, часто красивая, а «грохочут» все, да и только! Кажется, дело в том именно и кроется, что такие Петрухи и Никиты полны чувства собственного достоинства или сознания своей красоты, «горды», не любят, чтобы над ними смеялись. Поступь у них важная, а это и возбуждает смех, и чем больше «Никиты» сердятся, тем смех пуше. В таких случаях неудержимее всех «грохочут», конечно, плюгавенькие и невидные «Иваны». (Зачинщиком смеха «Иваны», конечно, никогда не бывают.)

Смеются долго и тонко, захлебываясь и сгибаясь, точно желая совсем уж спрятать свои невзрачные лица.

К сожалению, если такой Петруха, или Никита — богач, деревенский кулак, то... и смеху такого не бывает. Так смеяться можно над «товарищем», а какой же товарищ — кулак?

Иду по деревне. Против небогатой избенки стоит воз с капустой. Лошадь отпряжена и отведена на двор, хозяин избы стоит, опершись локтями на передок телеги, и «ничего не делает». Кругом воза толпятся три бабы: они отбирают лучшие кочни капусты и очищают их от отставших листьев. Дверь кладовушки отворена, и две крошечные девочки годов по четыре носят очищенные кочни и складывают их на земляной пол амбарчика. Часа два так проработали.

Мужик стоит у телеги час, другой, иногда набивает себе «цигарку» и курит. Бабы, то звонко и быстро, то нараспев переговариваясь о свойствах капусты и ее дороговизне, все-таки довольно быстро облущивают ее, но нужно видеть девочек! С каким усердием, серьезностью и быстротой они переносят кочаны в кладовушку! Как они ждут, чтобы мать или тетка протянула им кочан, и какое удовольствие написано на их замазанных мордочках, когда, семена босыми ногами, они направляются с кочаном или двумя в кладовую.

Одна из баб уходит в избу и выносит оттуда на руках двухсполовинойлетнего мальчугана. Сначала он жмурится от солнца, потом несколько минут серьезно приглядывается к девочкам и тогда уже неудержимо рвется на землю, подбегает не совсем еще твердыми шагами к телеге и, уморительно хватая ручонками воздух, протягивает их к кочнам: «Мама, дай!» Мама не сразу исполняет его желание, рев, конечно. «На, на, молчи», — и мальчуган, улыбаясь, с не просохшими еще слезами, начинает за девочками вслед носить кочаны в кладовую. «Вишь, какие работники, — замечает одна баба, — не отгонишь, а да-кось вырастут, батогами их работать не заставишь: так-то завсегда!»

Может быть, для трехлетнего «Ивана» новы еще впечатления от капусты и от всех предметов и действий окружающих его людей, а пятнадцатилетнему малому

уже примелькался однообразный обиход кругом него? Или картошка с сухим хлебом развила в нем апатию, ту унылость и равнодушие, с которыми он и в могилу сойдет в свое время?

Во всяком случае, разница между трехлетним и пятнадцатилетним «Иваном» громадная.

Неожиданный вопрос.

Петр двадцативосьми-тридцатилетний малый, женатый, домохозяин-одиночка. Удивительно простодушен и неказист.

Я: Петр, скажи-ка, думаешь ты иногда, как твои мальчонки вырастут, как ты их поженишь и как ты с женой, да с сыновьями, да со снохами хозяйствовать будешь?

Петр (слегка подумав, простодушно): Нет. Почесть, что не думаю.

Я: Ну-у?

Петр: Оно бы думал... Да не чается что-то... Оно, разумеется, перемена, сыновья-то все бы меня сменили, — я, вишь, один, да не чается, нет! Что думать-то? Думаешь, не то вырастут, а то и помрут... Так и думается боле, что помрут.

Я: Петр, а ты собирался когда-нибудь в Москву, хотел туда?

Петр: Сбирался, три года тому, да мать не пустила.

Я: А как нынче охотно все туда идут! Я частенько думаю: что вам там нравится? Может, и правда, там лучше? Денег вот только мало оттуда приносят. А все ж таки, может, для вас там лучше? И вина там много!

Петр: Знамо, пьянствуют. Денег мало кто домой приносит. Правда ваша, что другого малого пошлют из семьи в Москву, он и шлет денег понемногу, особливо ежели отца боится, а с собой уж ничего не принесет... Ну, не всяк только пьяница...

Я: Знаю, так вот тверезым-то с чего в Москву так хочется? Всякий малый, я думаю, уж знает, что в Москве для домашнего хозяйства не разживется.

Петр (подумав): Я так думаю, много из одежды туда идут тоже. Что ж, здесь и зиму и лето все в старых хоботьях ходишь, а там оденешься, обуешься, как надобить. Гля-кость, какие оттуда приходят, нешто с нами сменить? (Действительно, *point d'honneur* крестьянского малого — прийти домой «московским чистяком», в жилете, «пиджаке», калошах и даже брюках.)

Я: А тебе очень в Москву хотелось, жалко было, что не попал туда? Может, и теперь все жалко?

Петр (мирно улыбаясь): Хотелось, знамо. Оно бы и теперь иной раз пошел, особливо как «наши» (деревенские) из Москвы придут — все рассказывают. Бывает, и завидно станет. А не слышишь про Москву — и забудешь, что Москва такая есть. Живешь себе и не «вздумаешь» про нее.

Я: Что же про Москву-то рассказывают?

Петр: Про жалованье, жалованье там большое, и ходят (одеваются) там хорошо, и всего там много, чай, питье, еда не такие, как в деревне. И жалованье большое — и всего, дескать, много...

У помещика жила (самовар ставить, полы мыть и т. д.) маленькая черноглазая Аксютка. Круглая сирота, — сиротой росла и «всего видела». Лет шестнадцати поступила она к помещику. Через год является к помещику и просит расчета. «Что так?» — «Замуж иду». Оказывается, хочет выйти тоже за сироту, девятнадцатилетнего малого, пригетого каким-то дядей.

Малый подростком шестнадцати-семнадцати лет жил в Москве, а затем находится «из хлеба» у дяди, даровым работником. Малый и озорной, и чудной какой-то, никто его не хвалит. «Что ж ты за такого лодыря идешь?

Разве мы тебе лучшего не сыщем?» — «Не можно мне. Что ж, я сирота, брата и того у меня нет, а Михалькин дядя меня к себе примаает» и т. д. Видно, что бесповоротно решила.

По справкам оказывается, что какая-то дальняя родня Аксюты уже старалась расстроить этот брак, но тщетно. При этом огласилось, что Аксютка с Михальком давно уже «в любви», что они клялись и божились друг другу в верности, ели землю для закрепления своего союза, и Аксютка объявила, что либо за Михалька пойдет, либо в девках век свекует. Оказалось также, что дядя Михалька покровительствовал любви своего племянника с расчетом получить в дом даровую работницу. (На время, пока дети его подрастут, а потом и прогнать можно таких даровых работников!)

Состоялась сиротская, самая убогая свадьба. Год прожили у дяди, затем Михалек нанялся в работники у помещика. У Аксюты был выкидыш, очень возможно — самой ею устроенный: с ребенком дядя не стал бы держать.

У помещика в течение лета произошло несколько загадочных казусов в хозяйстве: странным образом околело несколько лошадей и коров. Ветеринар не признавал никакой инфекционной болезни, а когда снимали шкуру с павших животных, то на затылке оказывалось каждый раз черное пятно, вроде кровоподтека. Кроме этого сломалась два раза молотилка от железных прутьев, засунутых явно намеренно в снопы. Среди работавших на молотилке баб стали ходить слухи, что теперь будет еще коробка спичек в снопе и еще шкворень... От кого шли такие угрозы, никакими судьбами нельзя было от баб добиться. Совершенно не знал помещик и того, за что ему грозят, — никаких неприятностей у него с крестьянами не было.

На Михалька помещик не обращал внимания до тех пор, пока не вздумал как-то раз заставить его поработать

у себя в саду — себе помочь. При этой совместной работе, из простого разговора помещика с работником, слово за слово из уст Михалька получился целый град озлобленных слов и речей против «капиталистов» (sic!), богачей-помещиков и богачей-крестьян. «Мы бездомные, мы безземельные, а богачи себе сады разводят, чай целый день попивают...» (Сады без фруктов разводить — по понятию крестьян, глупая и скверная затея, а «чай пить», разумеется, хорошо и приятно.) И т. д. и т. д. Помещик даже опешил несколько, но за разными делами забыл на время этот случай.

На деревне праздновался храмовой («кормовой», крестьянская острота) праздник. По случаю урожая все было поголовно пьяно. На третий день к вечеру запылала рига у деревенского богача-лавочника. Сбежался народ и поймали у риги Михалька. Тем временем занялась соседняя рига, и огонь стал угрожать всей деревне. Воды взять неоткуда, все замерзло, и вот деревня дружно наваливается на Михалька, бьет чем попало и бросает его в огонь (у всех ведь хлеб!) Так и сгорел бы Михалек, но выручил его тот же богач, у которого он зажег ригу. Вы думаете — это великодушие. Ничуть. Богач боялся, что если Михалек сгорит и будет по этому делу следствие, деревня на него, *пострадавшего богача*, свалит смерть поджигателя. Пожар хотя и не принял больших размеров, но кой у кого хлеб дотла погорел, и... когда на следующий день приехал на следствие урядник, получилось несколько крестьянских показаний о том, как Михалек хвастал, что он железный прут засунул в помещичью молотилку, что он несколько коров убил у того же помещика, и т. д. и т. д. Словом, пока дело касалось одного помещика, знали и молчали, «крыли» своего, конечно, сочувствовали Михальку, но когда поплатились своим трудовым имуществом, то раздалась другая песня...

Оказалось, что Аксютка все время помогала своему мужу...

— Чуден он, во какой матас*, а жену не бьет никогда.

С деревенским богачом (равно как и с помещиком) Михалек никогда не «враждовал». Очевидно, здесь «идея» своего рода. И Михалька и Аксюту, обоих недюжинных и способных выше обывденного крестьянского уровня, гнули и сиротство, и бедность** до тех пор, пока не явился протест. Очень может быть, что в Москве Михалек хлебнул кой-каких «речей», — в его разговоре с помещиком это так очевидно сквозило. Как бы нелепы и необдуманны ни были действия этого малого, характерна все-таки эта назревшая ненависть бедняка к богачам, к крупным владельцам земли. Нет привычки к интенсивному труду, нет никаких знаний и света, а нужда давит и гнет тем не менее***.

И что важно, вражда и ненависть эти назрели теперь изнутри, они уже хотя и редко, но порождают таких Михальков, действующих по своему выстраданному убеждению, тогда как вся пропаганда семидесятников, шедших в народ, едва ли произвела одного *такого* поджигателя...

С барского гумна возвращается десятка полтора баб и девок и два молодых барских батрака. Холод, выюга.

Две бабы замешкались в дверях риги у вороха овса. Около них «барский староста».

* Матас — шут, фигляр, шуток, скоморох.

** Они их и свели так прочно вместе. — *Примечание автора.*

*** Тут не идеал нужно принимать во внимание, пусть этот идеал будет даже лишний шкалик или какая-нибудь пара калош, тут дело в том, что бьются, по-своему, как рыба об лед, а все-таки идеал недостижим. При этом еще является мысль: каким способом нам, на которых обращена эта ненависть, изменить такой идеал, открыть новые горизонты, дать представление об интенсивном труде (как источнике благополучия)? Нам не верят, смеются над нами, и, может быть, справедливо... — *Примечание автора.*

Анисья* (баба лет тридцати): «Александра, касатка, поищи мою шаль, я ее даве тут в овес положила».

Александра (солдатка): «Ее тут и не найдешь» (роется в овсе).

Староста: «Вы тут чаво овес ворошите, живо домой!»

Анисья: «Эх, шаль-то моя...»

Староста: «Какое там г...о, пятиалтынный стоит, ты не на Михайлов день повенчалась и без шали дойдешь... Живее!»

Анисья (обидчиво): Хушь бы и пятачок, да она мне дорога».

Александра: «Вот она, деушка, нá».

Староста запирает ригу и вместе с Александрой и Анисьей догоняет медленно подвигающихся против ветра баб и девок.

Анисья (завязывая шаль): «Спасибо те, касатка... (Помолчав.) Скоро твой хозяин домой-то приде?»

Александра: «Два года ему еще служить» (вздыхает).

Староста: «Она намедни сказывала, хучь бы еще годок послужил, я рада» (смеется).

Александра: «Ври боле, я вся искричалась, гля-кось на меня, а он — рада».

Староста (продолжает смеяться): «Слышь, Анисья, намедни сказали, что Паньку-то в Китае убили, а она плясать».

Александра: «У... у... тебя».

Староста: «Ты что ж это, Миколка, валандаешься округ девок, а скотина не кормлена?»

Алешка: «Вишь, он за Машку схоронился, греется».

Девки хохочут. Ветер обдает всех целым облаком мелких жестких снежинок.

* Анисья — баба из той же деревни, откуда «взята» и Александра. Пришла в ту деревню, где «отдата» Александра, погостить к своей сестре, которая в этой же деревне замужем. Александра зазвала ее себе за компанию на барскую молотилку «поработаться» ва хорошую цену, тридцать копеек в день. — *Примечание автора.*

Анисья: «Холодак какой, в избу бы поскорее на печку». Машка (толстая, румяная девка): «Надоест на печке». Александра: «Надоест. Нет, там лучше, один бочок погреешь, другой — хорошо!» (Затягивает какую-то песню.)

Староста: «Ишь, шустрая, чего заголосила?»

Александра: «У минé одна песня».

Девки хихикают в рукав.

Александра: «Кабы были крылушки, полетела бы к нему».

Девки опять хихикают.

Одна из них: «А он бы тебе в горб наклал!»

Александра (обращаясь к Анисье): «Нет, он мне намени письмо прислал: „Кабы у меня восемь крылов, так каждый день бы к тебе летал“, так и пишет...»

Письмо Паньки

Письмо на родину. От сына вашего. Первым долгом я вас спешу уведомить, что я внастоящее время жив и здоров затем ниско кланяюсь дорогой мамаше Марфе Васильевне и желаю вам от Бога доброго здоровья и в делах рук ваших скорого и счастливаго успеха, затем прошу мира и благословения, которое может существовать как на военной так и на часной службе по гроб моей жизни. Еще ниско кланяюсь братцу Демьяну Иванычу и желаю вам от Господа Бога доброго здоровья и всего лучшаго. Еще ниско кланяюсь любезной своей супруге Александре Артемовне целую тебя как все равно с тобою в сахарные уста нещетно раз и посылаю я тебе свое супружеское глубочайшее почтение и желаю я тебе от Господа Бога доброго здравия и вделах рук ваших скорого и счастливаго успеха и всегда быть весело настроеннаго расположеннаго духа. Еще низехонко кланяюсь своим любезным незабвенным деткам Владимиру Павловичу и Авдотии

Павловне. Посылаю я вам свое родительское мир и благословение, которое может существовать погроб вашей жизни. Дорогая мамушка извините меня натом, что я долго неслал вам ответа и сам не знал, что мне были вами посланы деньги я недавно только получил за что вас душой благодарю за ваши дорогие для меня гостинцы. Вы думаете дорогая мамушка что я на вас обижаюсь, нет не обижаюсь, только радуюсь, но дело состоит в том — я очинно о вас сильно скучаю кабы были у меня 4 великих крыла, тады я наверно летал к вам и к любезной хозяйке своей каждый день. Еще ниско кланяюсь богоданным родителям во первых Артему Кузьмичу а во вторых Авдотии Ильинишной слетками вашими и желаю от Господа Бога здоровья и всего хорошего на свете. Еще ниско кланяюсь матери кресной с супругом вашим Ильей Андреевичем и желаю от Господа Бога доброго здоровья и в делах рук ваших скорого и счасливаго успеха. Еще кланяюсь тетеньке Анисье Степановой еще кланяюсь братцу Петру Николаевичу с супругой издетками вашими и желаю вам от Господа Бога доброго здоровья и всего хорошего. Еще кланяюсь Егору Терентиевичу с супругой вашей Любавью Николаевною и здетками вашими желаю вам от Бога доброго здоровья и всего хорошего еще поклонитесь там всем родным и знакомым братцам и сестрам и желаю вам всем вообще от Бога здоровья и вделах рук ваших скорого успеха. Затем прощайте остаюсь я жив и здоров слава Богу. Павел Иванов Опенкин.

Программа сообщения сведений
о быте крестьян (наброски)

I

Имущественное состояние должно быть взято среднее (описать его инвентарь: живой и мертвый; при описании его надо быть особенно осторожным).

Имущественное состояние Степана (что у него было: изба, скот и проч.) в общих чертах.

Иван был третий сын Степана и Лукерьи (взято наиболее встречающееся женское имя). Когда бывает наибольшее число рождений (какой месяц года), справиться у священника одного или больше. Если наибольшее число зачатий падает на осенние месяцы, то есть на холодные, то объяснений можно не искать, но если большинство их бывает в другое время, то расспросить объяснения у крестьян. Какое влияние на зачатие имеет пьянство.

Приблизительно среднее число лет (возраст) выхода замуж женщин и женитьба мужчин. Насколько развиты физически будущие жены (невесты) и мужья. Наиболее часто выходят девушки замуж по любви или расчету. Чем выражается такая любовь, чем вызывается, насколько продолжительна и интенсивна. Бывают ли несчастные случаи от неудачной любви (по вине обстоятельств

несчастные случаи частного характера и друг.). Каким расчетом руководятся при женитьбе.

Какое приданое взял Степан за Лукерьей. Из кого состояла семья Степана в то время, как в нее входила Лукерья. Насколько дружна была их совместная жизнь (в общих чертах — дальше по этому поводу будет подробнее), как часто бил муж жену и как бил.

Что делала Лукерья во время беременности Иваном, то есть какую работу несла в последний месяц беременности и последние дни. Были ли разговоры об ожидаемом ребенке между родными (в своей семье и между Степаном и Лукерьей: если мальчик, то... если девочка, то...).

Как родился ребенок (в законное время, или рождение его было ускорено дракой, поднятием тяжести, на тряской телеге и проч.), где родился (в избе, поле). Кто принимал ребенка, успели ли вовремя сбегать за повитухой. Как происходили роды. Тянули ли роженицу через хомут или другим способом. Обращались ли к попу, служил ли он молебен, отворяли ли царские врата и проч.

Где был отец, как он отнесся к рождению мальчика. Чем выразил свое удовольствие или недовольство. Как отнеслась к ребенку мать. Первые ее заботы о ребенке. Послеродовое время (сколько мать лежала в постели, кто обмывал ребенка, как он кормился).

Крещение ребенка, обряд, кум, кума, обряды суеве-рия, сколько дали попу, имя, по чьей инициативе дают имя и проч. У матери не было молока, какую жвачку давали ребенку, как долго и как он плакал, не болел ли пупик от крика и чем, кто и при каких условиях лечил эту болезнь, плата и проч.; как часто ребенок лежал мокрый. Как долго оставался ребенок без присмотра матери, старших братьев, сестер или других лиц. Засыпание младенца. Поносы, лечение, как относилась к этому мать, главнейшие ее заботы в это время по дому, или она работала на полях; отношение отца.

Первые проблески сознания Ивана. Первые слова, которые он произнес. Когда он начал лазить и где лазил. Была ли опасность, что его объедят свиньи или разорвут собаки. Описать все случаи подобного рода, о которых рассказывают крестьяне своей деревни и соседних деревень. Чем питался в это время ребенок, ел ли нечистоты, землю и проч. Вообще повседневная пища крестьянской семьи (в общих чертах, дальше будет подробнее). Кто и как заботился о его чистоте в это время. Как часто его была мать или отец.

Как ребенок встал на ноги (внешность ребенка и его привычки), его костюм, занятия, сверстники, игры (описать все игры детей такого возраста своей и соседней деревни), подчеркнув связь игр с домашним и общественным строем деревни; подражательность ребят, их наблюдательность и живость воображения. Чем питался в это время ребенок и кто и как заботился об его еде (о времени ее), питье, costume и общей внешности его.

Чему научился ребенок от сверстников, его проказы; когда научился лгать. Наказания за проказы (какие проказы, кто им научил и какие, со стороны кого наказания). Первые бранные слова, какие, кто им научил и по какому поводу мальчик стал их употреблять. Что думает ребенок о старших (об их труде, драках, пьянстве, сожительстве отца и матери), о сельском начальстве, о земском начальнике, фельдшере, знахарке и проч.

Было бы хорошо составить такое описание с большим тщанием и всесторонностью. Первые обязанности и поручения, даваемые Ивану. Он пастух. Кого, когда и где пасет или занимается чем другим. Занятия Ивана во время пастьбы. Пасут ли мальчики или также девочки. Сходятся ли пастухи вместе для общих игр или разговоров.

Отношения мальчиков и девочек. Как рано они понимают различие полов и в чем это понимание выражается. Игры между ребятами каждого возраста (описание их возможно обстоятельное). Проказы, наказания.

Как часто и за что Степан бьет Ивана. Только ли тогда, когда Степан пьян, или и в другое время. Вообще отношение ребенка к отцу (пьяному и трезвому) и к матери, к своим сестрам и братьям (младшим и старшим).

Когда и от кого ребенок услышал о Боге, святых и проч. и что, по его представлению, они значат: добры, злы, страшны и всегда вмешиваются ли в людские дела. Какое отношение они имеют лично к нему.

Поступил ли Иван в школу. Почему его отдали туда. Нужна ли школа по понятиям Степана и почему он отдал Ивана. Кто, как и чему учил Ивана и что он приносил домой из школы. Насколько изменился мальчик в своих представлениях об окружающей крестьянской жизни. (Школа, насколько мне известно, дает представление детям о русской грамматике, счислении, некоторых явлениях природы, о Боге, истории, но ничего не дает об условиях крестьянской жизни: гражданских и экономических.) Школа для описания должна быть взята церковно-приходская, среднего разбора, преподавание ее, то есть то, что она дает, должно быть изображено с возможной точностью.

Сколько времени пробыл Иван в школе (чем занимался каникулами, пока был в школе), что вынес, что сейчас же забыл и что из вынесенного сейчас же пригодилось. Какую роль и обязанности стал Иван нести дома по выходе из школы.

Работник, новая среда, заработки поблизости (фабрик и заработков в больших городах не нужно) как пособие для ведения хозяйства дома. Истощение и преждевременная старость и дряхлость матери, отец — пьянство и лень или усталость к тяжелой работе.

Время, близкое к женитьбе, разговоры об этом, повечерки, посиделки девушек, по представлению Ивана. Когда он в первый раз сошелся с женщиной, как это случилось и как на это посмотрел Иван. Как вообще на это

смотрят крестьяне (мужчины и женщины), существует ли разврат (по распушенности или профессиональный), участие в развлечениях такого рода Ивана, чем он прельщает девушек, что дарит и проч.

Когда и при каких условиях напился в первый раз Иван пьяным. Случалось ли ему пробовать водку и раньше, когда он еще был совсем маленьким мальчиком. Как Иван вообще смотрит на водку. Потребности в ней у него пока, конечно, нет; почему же Ивану хочется напиться водкой? Как он ее пьет: сразу, постепенно; сколько и чем пьет. Ради молодечества. Где предпочитает пить (у себя дома, в кабаке). Как часты случаи общего пьянства в деревне, ищут ли их крестьяне.

Развлечения юноши Ивана, игры, песни, карты, кражи из-за удалства, проказы, любовные похождения, пьянства и драки. Женитьба Ивана, на ком, во сколько лет, по какому расчету. Церемонию сговоров, самой свадьбы, первой ночи описать в общих характерно-выпуклых чертах, не распространяясь, обратив особое внимание на суеверия.

Первые дни молодоженов, отношение Ивана к жене, ласки, охлаждение, побои, как и чем бьет, поводы, беременность и проч.

Отношение свекра к молодой, отношение свекрови. Отношение отца к взрослому сыну и взрослой дочери. Отношение матери.

Выделение Ивана из семьи. Перечень имущества, с которым он выступил в жизнь. Характерные черты церемонии выдела.

Описание избы, тоже курной (возможно точно), вся одежда Ивана и его жены. Пища (подробно во все времена года), в хорошее время и голодуху.

Занятия Ивана-земледельца, какой подсобный промысел и доходность его; заработок личный или в артели: куда уходят и сколько заработанных денег. Попытаться выяснить бюджет Ивана (его семья из жены и трех детей).

«Богомолье» молодых баб, девушек и старух. Взгляд мужчин на это богомолье.

Иван-гражданин — равноправный член деревни. Представление его о крестьянском строе, крестьянском мире (обществе), обязанность его к обществу и общества к нему и взаимная зависимость; подати, выколотенные осенью (нарисовать общую картину); приезд властей, продажа с молотка, ловля птицы на улицах, животных и пр. Что думает Иван в это время. Почему у него накопилась недомимка, он уже наследовал ее.

Ивана секут — за что (нерадивость, грубость к волостному начальству, протест во время выколачивания платежей и пр.), как секут (формальности и очень подробно), кто сечет, кто присутствует, что думает и чувствует Иван и что думают крестьяне-соседи и очевидцы, разговоры по этому поводу в околотке. Как относятся к этому дети Ивана, вообще дети.

Возвращение Ивана к обыденной жизни. Иван утром (когда, как встал, молился Богу, его молитва, работа, занятия земледелием, какое оно у него; такое же, как у отца, или видно, где новые приемы, удобряет ли землю, сколько ее); полдень, обед, работа, вечер дома, ночь, разговоры с женой, заботы, беседы с соседями (весной, летом, осенью и зимой). Времяпрепровождение в праздник: пьянство, кабак, чай, обедня (церковная служба). Что он там понял, машинальность ее, роль попа в деревне, отношение к нему Ивана и попа к Ивану. Иван наказан холодной.

Заключение договоров Ивана с хозяином, у которого он находит подсобную работу; приблизительные условия ее (возможно подробнее).

Задолженность Ивана во время голодовки (не сильной, но обыкновенного недоедания). Иван голодный, сколько, когда и как его кормит казна.

Как он к этому относится. Иван стареет. Его экономическая мощь (что он имеет), сравнить с тем, что он

имел, отделяясь от семьи, когда вступал в жизнь. Сколько лет было Ивану, когда он стал уставать в работе, когда начал дряхлеть. В чем выражается его жизненный опыт.

Его представление о земле (небе, Боге, земле как пище людей), о крестьянах, помещиках (какие у него были с ними столкновения), земском начальнике, своих ближайших властях, лекарях, вообще господах; об управлении землей (Россией), кто и как ею правит. Что такое высшие власти (губернаторы, Петербург и пр.). Что такое отечество, зачем нужны солдаты, кому он платит повинность и куда идут его деньги.

Почему Ивану следует трудиться (с точки зрения Ивана), склонность к новшествам.

Нужно ли все то начальство, которое он знает. Как Иван относится к суду (какие дела были у него лично, какие-нибудь пустяки, но характерные по бытовым условиям) и пр.

Чего бы желал Иван и на что надеется. Думает ли Иван, что за его жизнь ему должна быть награда на том свете и какая. Представление его о загробной жизни, представление Ивана о грехах.

Представление Ивана о воровстве.

Пожары, месть, поджоги, суеверия при поваральных болезнях, при падеже скота.

Предельный возраст среднего мужика. Отношение Ивана к медицине деревенской и докторской; очерк крестьянской медицины.

II

1)* Речь Ивана на сходе по поводу каких-нибудь утеснений. Чем хворал Иван. Несколько обыкновенных болезней.

* Под №№ ряд пунктов, которые подробнее развивают и освещают общие поставленные вопросы программы. — *Примечание к изданию «Жизни „Ивана“ 1914 г.*

- Болезнь, когда разговляются. Сифилис. Глазные болезни. Представление Ивана о женской красоте, при суевериях и свадебных обычаях, пояснение, чем они вызваны. Сколько поп берет за свадьбу, крестины, похороны.
- 2) Отношение крестьян, детей, женщин и мужчин во всякое время к домашним животным.
 - 3) Очерк крестьянской медицины.
 - 4) Посиделки (вечеринки), их обряды внешние и существо их. Взгляд на них Ивана. Чем они вызываются. Женихание. Женился ли Иван на той девушке, с которой женился. Почему предпочел ее. Представление крестьян о женской красоте. Суть суеверий и свадебных обычаев. Сколько стоит свадьба (поп). Существует ли разница в ценах в зависимости от пышности церемоний. Не читают ли лишних молитв и не зажигают ли лишних свечей за лишние деньги. Какой поп, по мнению Ивана, лучший. Насколько Иван знает местность и людей кругом. Представление его о пространстве. Где и по какому случаю он бывал.
 - 5) Охотно ли Иван идет на сход. Конечно, неохотно, когда не предвидится выпивки и дело его не кончится. Как относится к земскому начальнику, как к власти. Уважает ли за строгость и ручную расправу. Проявление его уважения (действительного).
 - 6) Какой сбор бывает на посиделках. Когда Иван был причислен к взрослым.
 - 7) Ходит ли бедный жених по дворам, предлагая себя.
 - 8) Жених ощупывает невесту.
 - 9) Отношение крестьян к убийству тощих и «сытых» людей.
 - 10) Что из одежды крестьяне делают сами и что покупают. Ценность женской и мужской одежды.
 - 11) Как крестьяне пьют водку.
 - 12) Что говорят в деревне о царе, какие иногда слухи ходят по деревням и т. д.
 - 13) Какие на селе люди считаются справедливыми (чаще из богатых или из бедных).

- 14) Есть ли и чем вызывается любовь к чтению религиозных книг; к толкованиям (отражение в них текущей жизни). Любовь к хождению по святым местам.
- 15) Влияние на психику Ивана однообразного уклада его жизни и из века в век повторявшихся, ритуальных обычаев, сопровождающих «выдающиеся» моменты его жизни. Насколько тяжелые условия быта и однообразие «ритуала» жизненного нивелирует Ивана, подавляют развитие личности (при богатых природных задатках к индивидуальности у Ивана).
- 16) Рассказы стариков и старух об их собственной прожитой жизни.
- 17) Крестьянские разговоры: мужицкие, бабьи, девичьи, детские, батрацкие.
- 18) Умиравший Иван. Его состояние и психика. Иван после какого-нибудь крупного несчастья — пожара, например.
- 19) Психология крестьянских ссор. Психология ненависти. Роль, которую при этом играет боязнь колдовства, порчи и вообще всякие боязни.
- 20) Крестьянское уважение к человеку.
- 21) Теперешнее значение грамоты для крестьян.
- 22) Чего больше боятся Иваны. Что больше всего любят.
- 23) Что представляется под «весельем» Ивану-ребенку, Ивану-малому и Ивану-мужику.
- 24) Обратить внимание на обрядовую сторону православия.
- 25) Туалет Ивана, его жены и детей (во всех мелочах) в обыкновенное время (рабочее летом, весной, зимой и осенью) и в праздники. Возможно подробнее (употребление гребня, мыла и полоскание рта). Утиральники и их употребление.
- 26) Вера в Божию помощь. Чем она живет и поддерживается и пр. Какие иконы в избах и откуда они. Различие и значение этого различия святых икон в глазах Ивана.
- 27) Поездка Ивана в другие села на ярмарки и базары, кроме коммерческой стороны дела, как смотрит на них Иван.

- Что выносит (как себя держит, какие посторонние разговоры).
- 28) Разговор крестьян о переселениях (смысл их, надежды, боль расставания с насиженными местами), неизменное желание быть похороненным на родной стороне и пр. Отношение к уходящим. Роль в переселении женщин.
 - 29) Обращение Ивана и его семьи к животным (собакам, кошкам, примеры обычной жестокости с ними).
 - 30) Искренность похоронных плачей. Поминки.
 - 31) Сопоставление какого-нибудь прежнего языческого обычая с теперешним. «Господи помилуй».
 - 32) Любовь жены к мужу (она, например, отказывается работать вместе с ним у помещика).
 - 33) Смех во время чужого несчастья. Примеры обычного жестокосердия.
 - 34) Примеры великодушия и сердечной мягкости. (Эту главу надо развить возможно подробнее и яснее, обстоятельнее).
 - 35) Бани в печи. Стрижка под горшок. Стригутся ли женщины; девочки — во сколько лет.
 - 36) Плач по корове, лошади, овце, потерянным вещам, на пожаре, после градобития.
 - 37) Оупение после пятнадцати лет старческой мудрости. Клептоман.
 - 38) Распространенность книг Священного Писания. Роль в этом случае своих и зашедших (прохожих) богомольцев. Книгоноши в деревнях.
 - 39) Статистическая таблица требований книг в библиотеке.
 - 40) Роль и значение отхожих промыслов (нравственное влияние на самих уходящих и на их семьи, дом).
 - 41) Кустарничество как подсобный промысел. Роль его.
 - 42) Что приносят с собой солдаты домой по окончании службы. Скоро ли они возвращаются в свое первобытное состояние.
 - 43) Фельдшер и роль, которую он сыграл в своей деревне.
 - 44) Проверить имущественное состояние отца Ивана.

- 45) Отношение между женихом и невестой. Перечислить ласковые слова, употребляемые ими в разговорах интимных и на людях. Как женихи делают предложения невестам (обстановка, форма, слова). Возможно подробно по существу, а не по ритуалу.
- 46) Происходит ли фактически ошупывание. Как скоро изменяются жениховские отношения к невестам (исключительный ли случай, когда бьют отца), когда начинают бить и за что. Причины первой потасовки, второй, третьей.
- 47) Пользуется ли женщина во время беременности какой-нибудь заботливостью мужа и семьи. В чем она выражается.
- 48) Какие роды самые трудные.
- 49) Есть ли семьи, где мужья не бьют своих жен ни разу или почти никогда, и как на это смотрят тогда соседи, чем себе это объясняют.
- 50) Представление ребенка о мире Божиим.
- 51) Нападение на яблоневые сады.
- 52) Самое подробное описание случаев, когда попы колдуют ради увеличения доходов. Списать очистительную молитву о мыши. В каких случаях изобретаются еще очистительные молитвы, предупредительные, заговорные и всякие другие. От глазу нечистого и др. Понимают ли крестьяне кощунственность этого; или только вымогательство. Развивает ли это в них суеверия.
- 53) Более подробная таксировка треб. Зависимость цены от лишних молитв и «Господи помилуй»; их качества: какие молитвы дороже и какие дешевле. Молитвы оптовые и их причина.
- 54) Монастыри. (Царица Александра требует денег.)
- 55) Церковно-приходские школы. Где и каковы они. Мнение дьякона об учительстве.
- 56) Стадообразность Иванов насчет праздников. Именины не празднуются.
- 57) Сила сектантского движения и чем оно выражается. Целыми днями беспросветной работы.

- 58) Побольше рассказов о представлении мужчин и женщин о Боге, чудесах и проч.
- 59) Сопоставление прежних обычаев и языческих воззрений с теперешними. «Господи помилуй».
- 60) Бог — существо карающее главным образом.
- 61) Побольше крестьянских соображений о грамоте и ее пользе.
- 62) Подлежат ли убийству гулевые дети все или вообще. Совершается ли убийство под влиянием стыда, страха, или экономических соображений. Насколько распространено детоубийство. Характерно ли оно для среднего Ивана. Отношение к детоубийству женщин и мужчин особенно.
- 63) Процент незаконных деторождений и убийств.
- 64) Кто является покупателем женщины замужней.
- 65) Примеры воскресных разговоров.
- 66) Примеры поповских увещаний и распеканий. (История мужа Маши Прошкиной.)
- 67) Причины вечерних (после выпивки) ссор между мужем и женой.
- 68) Перечень кушаний за обедом, ужином и т. д. Иванов. В будни, праздники, рабочую пору, весной, зимой, летом и осенью. Во всех подробностях, обстановки также. В нынешнем году. (Как ели бабы в рабочую пору у нас на деревне.)
- 69) Как ждут лета бабы и дети в неурожайные годы. Подножный корм. «Отдышимся». «Сытее кажется».
- 70) Как держат себя невесты до мелочей; даже до гримас, когда ее выводят сватам.
- 71) Чем руководятся женихи и невесты, вступал в связь ранее брака. Какие для этого нужны прелюдии. Обстановка.
- 72) Во сколько дворов средняя деревня.
- 73) Почему мир «топит» богатого. Крестьянская община вообще. Характерно ли, что крестьяне считают мир несправедливым. Примеры.

- 74) Продажный элемент в «обществе» Характерно ли это для большинства общин. Случаи и примеры притеснений старшины. Средний срок службы в старостах при нескольких выборах. Охотно ли идут в старосты. Как относится Иван к своим общественным повинностям (обязанностям).
- 75) Еще примеры любви мужа к жене. Любовь жены к мужу. (Баба нейдет работать с ним на общую работу.)
- 76) Что способствует легкости нравов теперь сравнительно со стариной.
- 77) Вся обстановка избы при ожидании попа с молебном. До мельчайших подробностей.
- 78) Побольше мужицких разговоров в подлинниках. И бабьих.
- 79) Разговоры ребят.
- 80) Только ли потому обидно выйти за «старого», что он помрет ранее, или тут играет роль инстинктивный темный подбор. Отчего не любят рыжих.
- 81) Как Иван ложится на печку и ничего не делает.
- 82) Пробелы законодательства.
- 83) Когда Иван начал курить. Как, когда и сколько курил. Ценность этого удовольствия.
- 84) Процент нерадивых домохозяев.
- 85) Протестанты (Михальки) и много ли их.
- 86) Крестьянские письма. Как и поскольку раз жены читают письма своих мужей. Письмо, где писец спрашивает, хорошо ли письмо написано. Долго ли хранятся письма.
- 87) Примеры, когда и почему крестьяне не думают о завтрашнем дне.
- 88) Оставшиеся обряды и суеверия. Мать сыра земля. Как просят у нее прощения. Как жабу заговаривают.
- 89) Еще бюджеты.
- 90) Обрядовая сторона православия. До мелочей.
- 91) Малые оплевывают девок подсолнухами; как пьют девки и девочки 14 лет. (На улице.)

- 92) Среднее имущественное состояние теперешнего Ивана.
- 93) Как собираются несколько семей в неурожайные годы в одну избу для общей топки. Типично ли это для среднего Ивана. Будут ли такие случаи нынешней зимой.
- 94) Примеры детской игры в «господ».
- 95) Народные развлечения крестьян на ярмарках и базарах.
- 96) История Фени.
- 97) Расхожие теперешние песни.
- 98) Как уживается в голове среднего Ивана религиозность (религиозные его воззрения) с питьем водки перед тем, как идти в церковь, и в церкви.
- 99) Как постятся средние Иваны. Его мнение о посте.
- 100) Как Иван относится к поповским поучениям.
- 101) Опрятность баб и девушек.
- 102) Иванова свадьба 6-ая по счету (венчают по две пары). Иван, конечно, женился в урожайный год.
- 103) Количество водки, выставленной женихом на свадьбе и невестою.
- 104) Развитие кулачества и роль кулака (экономическая и нравственная) в жизни Ивана. Завидует ли Иван кулаку и хотел ли бы быть на его месте.
- 105) Куда Иван стремится употребить скопленные деньги. Сколько их. Имеет или нет стремление отдать их в рост. Представление о долгах после смерти. Должники, отказывающиеся от своего долга.
- 106) Народное лечение глаз.
- 107) Потребности крестьян в чистоте. Почему моются в субботу в печке. Когда меняют рубаху.
- 108) Средний процент профессиональных побирушек в такой год, как нынче.
- 109) Послав своих детей «по кусочки», подает ли Иван сам другим побирушкам. Сколько и как.
- 110) Гостеприимство и его причины. Мотовство, то есть склонность к нему.
- 111) Как, кто и когда забывает имена своих детей.

- 112) Оставшиеся обычаи язычества и суеверия. (При падеже скота.)
- 113) Копить — «грех».
- 114) В неуважении к труду, когда оно проявляется, сказывается удалство или что?
- 115) Сифилис.
- 116) Недостатки законодательства (жизненного), мирского и земельного и административного, по мнению Ивана.
- 117) Число, качество крестьянских земельных угодий. Отсутствие сенокоса. Что Иван про это думает, как думает поправить это дело. Дошел ли до идеала сельскохозяйственной культуры. «Утеснения хозяйства».
- 118) Как Иван удобряет поля. (Видит ли возможность этого и только этого.)
- 119) Желает ли иметь побольше скота.
- 120) Как, по его мнению, можно поправить его экономическую жизнь и хозяйство.
- 121) Духовные (церковные законодательства относительно крестьян). Церковное покаяние. Епитимия, поводы и основания для ее наложения и как ее ценят и исполняют крестьяне.
- 122) Как и в чем изменились отношения крестьян к духовенству.
- 123) Желательное отношение крестьян к духовенству, по мнению духовенства. Желательное отношение духовенства, по мнению Ивана, к крестьянам.
- 124) Кумовство. Как смотрят крестьяне на кумовство с богатым и с бедняком.

III

Рождение Ивана (35 лет тому назад). Иван третий сын Василия и Акулины. (На какие месяцы падает большинство рождений; какое влияние на зачатие имеет сытость, скоромное время, нестрадная пора.) В каком возрасте женился Василий. Сколько лет было его невесте. (Сред-

ний возраст брачующихся 25 лет тому назад.) Женился ли он или его женили. По какому расчету. Как он относится к своей Акулине. Бьет ли ее и как она к нему относится. Семья Василия, когда в нее входит Акулина. Были ли у Василия и Акулины разговоры о первом их ребенке до его рождения. Что говорилось о 2 и 3-ем. Работала ли в поле Акулина вплоть до рождения Ивана. Где родился Иван и в законное ли время. Успели ли вовремя сбежать за бабкой. Что делали бабки с Акулиной. Как ей помогала мать. Где был отец, как отнесся к рождению мальчика. Послеродовое время. Крестины Ивана. Кумовья. Поп. Обед для кума и кумы. Проводы бабки. Заботы матери о ребенке. Как она его кормила, мыла и т. д. Когда она встала. Когда стала работать. Как брали Ивана в поле. Как лечили ребенка. Первые проблески сознания Ивана. Первые его слова. Где он ползал. Как был одет. Чем питался. Как стал на ноги. Сверстники. Игры. Умственное развитие ребенка. Чем питался, как был одет, когда стал хорошо ходить. Пища всей семьи. Когда стал в первый раз ругаться и лгать. Как научился тому и другому. Его шалости. Наказания за них. Что думает ребенок об отце, матери и старших. Первые поручения, даваемые Ивану. Иван-пастух.

Несколько дополнительных вопросов по поводу программы:

- 1) Рождение Ивана: а) сведения о его отце, матери — вообще обо всей его семье; б) собственно рождение и крещение; в) послеродовое время и первые заботы матери об Иване.
- 2) Иван до того возраста, когда он начал ходить.
- 3) Иван на ногах. Детство.
- 4) Иван вступает в тот возраст, когда от него требуется работа (7—8): а) Иван-пастух; б) Иван зимою дома.
- 5) Иван-подросток, он начинает пахать (11—12 лет).

- 6) Иван-жених (17–20 лет): а) работы, которые он исполняет в этот возраст; б) его гульба.
- 7) Женитьба Ивана.
- 8) Иван-семьянин. Иван в полной силе.

Вот вкратце рамка для «Ивана». Так как Иван «средний», то и возраст его средний (лет 35) — следовательно, одряхление, морщинистая шея и т. п. надо уж отнести к какому-нибудь случаю. Только таким образом может выйти пореформенный Иван. И мне кажется, что надо отдельно записывать сведения о свадьбе, рождении, крещении — теперешних, то есть за последние лет 15.

Свадьба Василия, Иванова отца. Лет 40 тому назад.
Вопросы.

- 1) *Воп.*: Скольких лет женился Василий? *Отв.*: 17–18.
- 2) *Воп.*: Сколько лет было его невесте Акулине? *Отв.*: Столько же.
- 3) *Воп.*: По какому расчету женили родители Василия своего сына? *Отв.*: Чтобы получить в дом скорее даровую работницу.
- 4) *Воп.*: По какому расчету выдали замуж Акулину ее родители? *Отв.*: Чтобы девка не засиделась, чтобы не упустить хорошего жениха.
- 5) Приданое Акулины: домотканых панев — 3; ситцевых сарафанов — 2–3. Ее умение ткать. Головных платков — 5–6. Прясть. Ее кротость. Ее здоровье.
- 6) *Воп.*: Что дал Василий Акулине? *Отв.*: Овчинную шубу, валенки, суконную поддевку, коты, 10 рублей денег.
- 7) *Воп.*: Как засватали Акулину? *Отв.*: Сговор, как и теперь. «Считанье столбов» у жениха (как и теперь). *Воп.*: Как вели себя на сговоре жених и невеста. *Отв.*: Едва смотрели друг на друга, молчали все время.
- 8) Свадьба (как и теперь). Сколько заплатили за нее попу?

- 9) Семья Василия, когда в нее вступила Акулина. Дед. Не старые свекор и свекровь. Золовка-невеста. Деверь-подросток (14 лет). Еще мальчик 10 лет. Девочка 1 года.
- 10) Имущественное состояние отца Василия.
- 11) Совместная жизнь Василия и Акулины.

Сначала они как бы конфузятся друг друга. Акулиной заправляет «свекра». Первый ребенок родится через полтора года после свадьбы. Он — девочка хилая и слабая. Молодая мать не умеет за ней ходить, и она умирает через нескольких недель.

После ее смерти Акулина еще выправляется. Она еще росла после венца (с венца поднимаются). Теперь она довольно румяная и полная. Через год после смерти первого ребенка родится второй, а еще через два года — третий. Оба мальчики. Второй из них умирает от поноса в то время, когда мать его уже беременна третьим сыном (Иваном). Этот третий сын родится как раз «под рабочую пору».

Семья Василия и Акулины ждала первого ребенка. Даже свекор шутил, что «невестка родит мне внука». Когда родилась девочка, о ней уже забыли думать, как только окрестили. Не пожалели о ее смерти. Молодой отец тоже мало печалился об этом. Когда ожидался второй ребенок, то никто о нем не говорил, однако были рады, когда родился мальчик. На второго мальчика и отец не обращал почти никакого внимания, а когда ожидался третий (Иван), то даже сама Акулина была недовольна: «буде уж их, ребят-то». Она похудела, так как в это самое время она кормила второго своего сына. На лице у нее выступили темные пятна, она так постарела, что никто не дал бы ей 22-х лет. С облегчением похоронила своего второго сынишку, умершего от поноса в Петровки.

Накануне родов она полола просо. На следующее утро она, вернувшись, почувствовала первые боли. Снача-

ла думала, что спину ломит от работы. Свекровь пошла за бабкой. Бабы не сразу шли, зная скупость Акулининой свекрови. Торговались из-за цены. Акулинина свекровь хотела выторговать у бабки «пирог», то есть ситный хлеб. (Бабке полагается такая плата: 1 ржаной хлеб, 1 ситный хлеб, бумажный платок и 10 коп. денег.) Бабы не соглашались и хотят идти в другую деревню. В это время Акулина лежала без призора. Вступилась уж мать Акулины, обещала дать ситный хлеб. Бабка пришла в избу уже незадолго до разрешения Акулины. Бабка, набрав в рот воды, вылила ее на руки и затем стала помогать Акулине.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	5
Вместо предисловия	11
 ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	 21
I. Родители «Ивана»	22
II. «Иван» до того, как он стал на ноги.	42
III. «Иван» на ногах. Детство	47
IV. «Иван» в том возрасте, когда от него впервые потребовались домашние услуги (семь—одиннадцать лет), и «Иван»-подросток	52
V. «Иван»-жених.	75
VI. Пропивание невесты, смотрёнки, свадьба	104
 ЧАСТЬ ВТОРАЯ.	 123
Приложение	171

- Семенова-Тян-Шанская О.
С30 Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний / Ольга Семенова-Тян-Шанская. — М. : «Ломоносовъ», 2010. — 192 с. : ил. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-028-4

Быт дореволюционной русской деревни в наше время зачастую излишне омрачается или напротив, поэтизируется. Тем большее значение приобретает беспристрастный взгляд очевидца. Ольга Семенова-Тян-Шанская (1863 1906) — дочь знаменитого географа и путешественника и сама этнограф — на протяжении многих лет, взяв за объект исследования село в Рязанской губернии, добросовестно записывала все, что имело отношение к быту тамошних крестьян. В результате получилась удивительная книга, насыщенная фактами из жизни наших предков, книга о самобытной культуре, исчезнувшей во времени.

УДК 39

ББК 63.5(2)

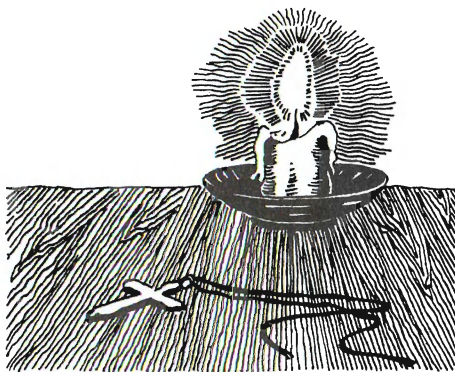
История. География. Этнография

Семенова-Тян-Шанская Ольга Петровна

Жизнь «Ивана»

Очерки из быта крестьян

одной из черноземных губерний

Редактор В. Петров

Художественный редактор Е. Трушина

Верстка М. Васильевой

Подписано в печать 26.10.2009.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 12,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 1060

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

117 296, Москва, ул. Молодежная, д. 5, пом. XII

Тел. (495)930-51-20. E-mail: info@lomonosov-books.ru

Сайт издательства www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»

143 200, г. Можайск, Московская обл.,

ул. Мира, д. 93

Ольга Семенова-
Тян-Шанская
Жизнь «Ивана»

До 1917 года Россию называли крестьянской страной, однако сейчас, по прошествии менее ста лет, мы почти ничего не знаем о жизни дореволюционной русской деревни. Как жили русские крестьяне, что ели, как одевались, какие традиции хранили из поколения в поколение, как учились, как женились и играли свадьбы, как воспитывали детей, как работали и как развлекались — об этом и многом другом рассказывает книга, написанная дочерью знаменитого путешественника — Ольгой Семеновой-Тян-Шанской. Ее книга — ценнейший источник сведений о жизненном укладе русского крестьянства, одинаково интересный и специалистам, и простым читателям.

ISBN 978-5-91678-028-4

9 785916 780284